

К561

762

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ I.

Р О Д Ъ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1886

200835

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

-- МАЙ 2008

СПбГУ

ИСТИНА
ПРАВДЫ СЕРДЦА

УЧЕНИКАМЪ-ТОВАРИЩАМЪ

Соломону Адамовичу Егізарову,

Василію Михайловичу Нечаеву

и

Михаилу Николаевичу Харузину.

СП6ГУ

I.

Родовой бытъ въ настоящемъ.

Исторія застаеъ главнѣйшихъ представителей арійской семьи на той ступени ихъ развитія, которую можно назвать переходной отъ родоваго къ общинному быту. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то разнорѣчіе, какое доселѣ продолжаетъ держаться по вопросу объ исходныхъ моментахъ въ развитіи какъ индусскаго, римскаго и греческаго, такъ и кельтическаго, германскаго или славянскаго права. Какую общественную единицу признать тѣмъ эмбриономъ, изъ котораго путемъ послѣдовательнаго дифференцированія возникли извѣстныя намъ въ исторіи формы общенія—родъ, семья или общину?—вотъ вопросъ, которымъ въ теченіе столѣтій не переставали и доселѣ не перестаютъ задаваться изслѣдователи древнѣйшей арійской культуры, одинаково—на западѣ и у насъ. Тогда какъ Мэнъ, напр., ставитъ во главѣ дальнѣйшаго развитія индусовъ семейную общину, Лайель и Туперъ предпосылаютъ ей по времени союзъ всѣхъ лицъ, связанныхъ между собою дѣйствительнымъ или предполагаемымъ родствомъ, другими словами—«родъ». Вопросъ о томъ, началось ли германское правовое развитіе съ сельской общины или рода, какъ доказываетъ продолжающійся доселѣ споръ Вайца съ Зибелемъ, принадлежитъ къ числу все еще нерѣшенныхъ вопросовъ. Борьба такъ называемой общинной и родовой теорій начинается съ самаго начала научной разработки русской и вообще славянскій исторіи и далеко не можетъ считаться оконченной и въ наши дни. Менѣе спорнымъ повидимому представляется, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, вопросъ о томъ,

какой характер носить римская «генсъ» и греческій «генось», но, если изслѣдователи и сходятся въ утвержденіи, что правовое развитіе классическихъ народовъ началось съ господства кровныхъ союзовъ, то они далеко не единогласны въ признаніи, что этими кровными союзами были именно роды, а не семьи, малыя или большія. Наконецъ, что касается до кельтовъ, то сравнительно недавнее изученіе ихъ древняго законодательства не помѣшало тому, чтобы и по отношенію къ нимъ не былъ поднятъ тотъ же споръ о родовомъ, общинномъ или семейномъ характерѣ ихъ древнѣйшихъ общественныхъ союзовъ,—споръ, который раздѣляетъ между собою одинаково, какъ славистовъ и германистовъ, такъ и романистовъ и эллинистовъ.

Прибавимъ къ сказанному, что теорія поздняго сравнительно происхожденія агнатическаго родства, т. е. родства со стороны отца и господства на первыхъ порахъ одного такъ называемаго «материнства», теорія, первыми провозвѣстниками которой надо считать Макъ-Леннана и Моргана, еще болѣе осложнила вопросъ о первобытномъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ, такъ какъ не только въ мифологическихъ сказаніяхъ, но и въ древнѣйшемъ правѣ отдѣльныхъ арійскихъ народностей найдены были переживанія того, что можетъ быть названо когнатическимъ или материнскимъ родомъ, въ отличіе отъ агнатическаго или отцовскаго.

При всей своей запутанности и сложности, вопросъ о древнѣйшемъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ далеко не можетъ быть отнесенъ къ числу такъ называемыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, и это потому, что данныя къ его рѣшенію находятся въ изобиліи, какъ въ первыхъ по времени памятникахъ письменности и права, такъ и въ древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Сравнительное же языкознаніе, указывая на однокоренное происхожденіе терминовъ, употребительныхъ въ арійскихъ языкахъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же общественныхъ союзовъ, въ свою очередь даетъ право говорить о такихъ союзахъ, какъ о существовавшихъ еще въ эпоху совмѣстной жизни арійцевъ, до расселенія ихъ по Азіи и Европѣ, а следовательно, какъ о древнѣйшихъ, если не первобытныхъ союзахъ.

Кажущаяся неразрѣшимость поставленнаго вопроса лежитъ такимъ образомъ не въ недостатокѣ матеріала, а, какъ мы полагаемъ, въ несовершенствѣ пріемовъ изслѣдованія. Большинство историковъ не считали нужнымъ условиться на первыхъ же порахъ въ томъ, что именно они будутъ разумѣть подъ наименованіями «родъ», «община» и «семья». Понимая различнымъ образомъ любой изъ приведенныхъ терминовъ, они нерѣдко спорили о словахъ, думая въ то же время спорить о дѣлѣ. Очевидно, что понятія рода, общины и семьи должны бы были со ставиться путемъ соединенія въ одно представленіе тѣхъ характерныхъ особенностей, какія со стороны своей общественной организациі представляютъ разные народы въ колыбели ихъ развитія.

Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Историки, впервые заговорившіе о родовомъ или общинномъ бытѣ, довольствовались обыкновенно аналогіей описываемой ими общественной организациі съ тою, какую представляетъ историческое развитіе или современный бытъ одного какого нибудь народа. Нибуръ, напримѣръ, сталъ говорить о родовомъ устройствѣ древняго Рима на основаніи аналогіи съ тѣмъ, какое въ средніе вѣка представляли такъ называемые «*Slacht*» или «роды» Дитмаршенской республики. Аналогіи съ древне-римской семьей или славянской за другой лежатъ также въ основѣ теоретическихъ построеній съ одной стороны большинства прежнихъ германистовъ, съ другой—Мэна и его школы на исходные моменты въ развитіи германскаго и индусскаго права. Малая семья потому признается эмбриономъ дальнѣйшаго развитія, что такое значеніе приписывали ей въ свое время первые историки римскаго права. Мэнъ потому считаетъ семейную общину древнѣе рода, что въ общественной организациі славянъ, съ которой онъ знакомъ лишь изъ третьихъ рукъ, господствующимъ, хотя и не исключительнымъ видомъ общежитія является задруга или нераздѣльная семья. Константинъ Арсаковъ и его послѣдователи въ свою очередь кладутъ въ основу общинной теоріи въ Россіи аналогію съ современнымъ бытомъ русскаго крестьянства. Ничто однако не ручается намъ за то, что родовому быту только и свойственны тѣ черты, какія германистамъ удалось отмѣтить въ средневѣко-

воиъ устройствѣ Дитмаршена. Ничто не говоритъ намъ также, чтобы современная крестьянская община въ Россіи была бы наиболѣе характернымъ образцомъ древней, а римская семья или сербская задруга прототипами кровныхъ союзовъ. Составляя представленіе о родовомъ, общинномъ или семейномъ бытѣ по одному какому нибудь образцу, легко или совершенно упустить изъ виду ту или другую ихъ особенность, или же наоборотъ, — приписать роду, общинѣ и нераздѣльной семьѣ случайныя черты, встрѣчающіяся лишь на извѣстныхъ ступеняхъ развитія или у извѣстнаго только народа. Дитмаршенскимъ родамъ, на примѣръ, чуждо было нераздѣльное владѣніе пахотью и сѣнокосомъ со стороны рода и его подраздѣленій. — Это не значитъ, однако, что такое нераздѣльное владѣніе — черта, неизвѣстная родовому быту. Римская семья представляетъ намъ неограниченное господство мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми: черта, благодаря которой распоряженіе семейной собственностью всецѣло зависитъ отъ воли домовладыки. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что древнѣйшая семья немислима безъ *patria potestas, manus* и неограниченнаго господства главы семьи надъ ея собственностью. Великорусская сельская община основана на началѣ періодическаго передѣла пахотной и сѣнокосной земли. Нельзя однако же заключать изъ этого, что гдѣ нѣтъ передѣловъ, тамъ нѣтъ и общины. Сербская семейная община или задруга — союзъ небольшого числа родственныхъ семей, ставящихъ себѣ начальника по выбору. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что болѣе обширные родовые союзы, управляемые старѣйшими по возрасту, не должны быть признаны древнѣйшими, такъ какъ современная задруга съ ея выборнымъ главой не болѣе какъ вымирающій родъ.

Только обращаясь къ сравнительному приему и выдѣляя съ помощью его черты сходства и различія въ родовой, общинной и семейной организаціи возможно большаго числа народностей, мы въ состояніи отмѣтить тѣ характерныя черты, соединеніе которыхъ обнимается соответствующими понятіями рода, общины и нераздѣльной семьи; только этимъ путемъ возможно точное разграниченіе этихъ, во многомъ сходныхъ между собою, формъ человѣческаго общежитія. Исторія и этнографія застаютъ раз-

ные народы не на одинаковой ступени развитія. Тогда какъ у однихъ еще уцѣлѣли всѣ черты родового быта, у другихъ эти черты встрѣчаются не болѣе, какъ на правахъ переживаній, рядомъ съ господствующимъ общиннымъ или нераздѣльно семейнымъ бытомъ. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя особенности родового быта могутъ отсутствовать въ правѣ извѣстнаго народа и этому народу въ то же время должна быть приписана на первыхъ порахъ родовая форма общежитія, почему, съ другой стороны, отсутствіе тѣхъ или другихъ характерныхъ особенностей сельской общины или нераздѣльной семьи не даетъ права отрицать историческаго существованія того и другаго вида общежитія.

Главнѣйшихъ представителей арійской расы, какъ уже сказано, исторія застаётъ въ переходную для нихъ эпоху, а потому ни у одного изъ нихъ черты родового устройства не выступаютъ во всей ихъ полнотѣ. Встрѣчающіяся въ ихъ быту переживанія раскрываютъ передъ нами только нѣкоторыя, далеко не всѣ особенности того строя, котораго они не болѣе, какъ обломки. Ясно послѣ этого то значеніе, какое для точнаго опредѣленія понятія рода имѣетъ изученіе современнаго быта тѣхъ народностей, которыя, какъ недостижшія политической организаци, доселѣ продолжаютъ жить внѣ-государственными формами родового быта.

Эмбриологія права находитъ особенно богатый матеріалъ при изученіи общественнаго устройства тѣхъ народностей, которыя напоромъ сосѣдей и новыхъ пришельцевъ оттѣснены были въ горы и, благодаря физическимъ условіямъ занятой ими мѣстности, сохранили не только въ большей или меньшей степени свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры. Такими народами являются въ Европѣ частью смѣшанные съ басками вестготы, заселяющіе сѣверные и южные склоны Пириней, частью потомки древнихъ гельветовъ, аллемановъ и бургундовъ, доселѣ занимающіе альпійскія долины, частью наконецъ чисто славянскія или смѣшанныя съ тюркской расой народности Балканскаго хребта—сербы, черногорцы, босняки, герцеговинцы, болгары; на границахъ же Азіи и Европы, въ странѣ, которая еще со временъ Геродота слыветъ подѣ

названіемъ «Горы Языковъ», иначе говоря, на Кавказѣ—кабардинцы, черкесы, ингуши, чеченцы, горскіе татары, осетины, лезгины, шапсуги, сванеты, курды въ своей совокупности представляютъ съ бытовой стороны неисчерпаемый и доселѣ почти не тронутый источникъ для изученія древнѣйшаго, если не первобытнаго характера общественныхъ отношеній и ихъ внѣшняго выраженія—права.

Гималайская цѣпь съ заселяющими ея сѣверные отроги авганцами и поселенными къ югу отъ нея раджупутами и джатами—въ свою очередь также почти не тронутое и благодарное поле для всякихъ археологическихъ изысканій и въ частности для тѣхъ, безъ которыхъ не мыслимо даже въ отдаленномъ будущемъ построеніе общественной эмбриологіи. Въ изслѣдованіи, посвященномъ всецѣло изученію исходныхъ началъ арійскаго правового развитія, особеннаго вниманія заслуживаетъ внѣ-государственный бытъ однокровныхъ съ арійцами племенъ. Далекое не всё изъ упомянутыхъ нами горскихъ народцевъ могутъ быть причислены къ арійской семьѣ. Баски, по своему языку, не имѣютъ ничего общаго ни съ кельтами, ни съ германцами, а тѣмъ болѣе съ восточными или южными представителями арійской расы. Филологи относятъ ихъ къ числу первоначальныхъ насельниковъ Европы—иберовъ, отъ которыхъ Пиринейскій полуостровъ получилъ свое древнее наименованіе Иберійскаго. Къ тому же племени, по всей вѣроятности, принадлежали и гелветы, наложившіе свой отпечатокъ на этнографическомъ составѣ древней Ретіи—нынѣшняго Граубюндена. Балканскую цѣпь, наравнѣ съ славянскими народностями, заселяютъ и народы такого смѣшаннаго происхожденія, какъ болгары — на половину туранцы, на половину арійцы. Большинство Кавказскихъ племенъ также должно быть отнесено частью къ числу исчезнувшихъ въ Европѣ и Азіи народностей, частью къ великой тюркской, финской или туранской расѣ, доселѣ заселяющей большую половину Азіи и сѣверную полосу восточной Европы. Всего больше чистой арійской крови сохранилось въ прародинѣ арійцевъ,—въ древней Бактріанѣ, у сѣвернаго, а также и южнаго подножья Гималайя; но и здѣсь замѣтна позднѣйшая примѣсь туранской крови въ лицѣ народностей монгольскаго племени, въ разное

время смѣнявшихъ другъ друга во владычествѣ Индостаномъ и смежными съ нимъ сѣверными долинами Гималайской цѣпи.

Къ арійской семьѣ изъ названныхъ нами народностей принадлежатъ одни только потомки вестготовъ, аллемановъ и бургундовъ, сербы, хорваты, далматинцы, черногорцы, босняки и герцеговинцы, осетины, курды, авганцы, раджпуты и джаты. — На изученіи ихъ общественнаго быта и должно быть сосредоточено наше вниманіе, однако, не въ равной степени. Вестготы, аллеманы и бургунды въ разное время входили въ составъ большихъ политическихъ организмовъ, — обстоятельство, которое не могло не отразиться разлагающимъ образомъ и на ихъ общественномъ быту. Арійскія племена Турціи, Бактріаны и сѣвернаго Индостана въ свою очередь пережили эпоху владычества надъ ними народностей тюркской расы. Но это владычество сравнительно слабо затронуло ихъ внутреннюю организацію, такъ какъ мирилось съ широкой системой мѣстнаго самоуправленія. Что же касается до арійскихъ народностей Кавказа, то и онѣ въ разное время состояли въ болѣе или менѣе номинальномъ подчиненіи, кто — у кабардинцевъ, кто — у грузинъ и армянъ. Это подчиненіе не шло, однако, далѣе платежа постоянныхъ, всего же чаще временныхъ сборовъ въ пользу господствующаго сосѣда. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всего болѣе сохранилась бытовая особенность кавказскихъ представителей арійской семьи, а за ними — тѣхъ, которые одинаково въ Азіи и Европѣ нашли въ народахъ туранскаго происхожденія распорядителей ихъ политическими судьбами и защитниковъ ихъ національной культуры. Эти народности доставятъ намъ главный матеріалъ по вопросу о переживаніяхъ родоваго устройства въ современномъ намъ быту. Этотъ матеріалъ получить, впрочемъ, значительное восполненіе въ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ такъ мало изученное еще и столь богатое въ археологическомъ отношеніи русское обычное право.

По догадкамъ, впервые представленнымъ Всеволодомъ Миллеромъ въ его «Осетинскихъ Этюдахъ» и нашедшимъ себѣ блистательное подтвержденіе въ массѣ данныхъ, собранныхъ имъ лѣтомъ 1883 г. во время нашихъ странствій по горнымъ обществамъ Кабарды, осетины нѣкогда занимали не только сѣвер-

ныя долины Кавказскаго хребта, но и большую часть той плоскостной возвышенности, которая тянется къ сѣверу отъ него—отъ Терека до Кубани. Не говоря уже о кабардинцахъ, сравнительно позднихъ пришельцахъ, горскіе татары, черкесы, ингуши и др. племена сѣвернаго Кавказа—не болѣе, какъ позднѣйшіе насельники тѣхъ самыхъ мѣстностей, которыя нѣкогда заняты были осетинами. Осетинскія наименованія горъ и рѣкъ, мѣсяцевъ въ году, чиселъ и т. п., а также многихъ предметовъ домашняго обихода, христіанскіе могильники, разрушенныя часовни, освященные обычаемъ мѣста для полу-христіанскихъ, полу-языческихъ жертвоприношеній, доселѣ обозначаемыя осетинскимъ наименованіемъ Мадимайрамъ (ангелъ матери, вѣроятно,—Божіей Матери) въ одно слово указываютъ на то, что первоначальными поселенцами названныхъ мѣстностей были осетины—христіане. Изустныя преданія горцевъ въ свою очередь сплошь и рядомъ упоминаютъ о покореніи выходцами изъ Крыма, изъ Абхазіи и Сванетіи народа, жившаго родовыми формами быта, не знавшаго ни частной собственности на землю, ни различія сословій,—народа, исповѣдовавшаго чуждую мусульманамъ полу-языческую, полу-христіанскую вѣру. Сравненіе обычнаго права осетинъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ въ средѣ ихъ сосѣдей—черкесовъ, ингушей, горскихъ татаръ и т. д., также не мало подкрѣпляетъ эту догадку. Основныя начала этого права, если не говорить о различіяхъ въ сословной и политической организаціи, у всѣхъ этихъ народностей одни и тѣ же; а это обстоятельство всего легче объясняется тѣмъ соображеніемъ, что позднѣйшіе поселенцы внесли только слабыя измѣненія въ исконные осетинскіе обычаи.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что современные осетины—часть несравненно болѣе численнаго племени, потомки котораго встрѣчаются до сихъ поръ въ низшихъ слояхъ кабардинскаго, черкесскаго и татарскаго обществъ. Изученіе бытовыхъ особенностей осетинъ призвано поѣтому пролить свѣтъ на вопросъ о томъ, какими формами жизни жило нѣкогда населеніе всего сѣвернаго Кавказа до того момента, когда подъ вліяніемъ нашествій и завоеваній сосѣднихъ, не арійскихъ племенъ, начался въ его средѣ процессъ феодализаціи.

При всей непродолжительности русскаго владычества на Кавказѣ, русское вліяніе уже сказалось разлагающимъ образомъ на многихъ сторонахъ національнаго быта осетинъ. Часть ихъ была выселена изъ горъ и поселена вблизи кабардинскихъ ауловъ и казачьихъ станицъ, причѣмъ за поселенцами признано было право общиннаго владѣнія землею и установлена въ ихъ средѣ система передѣловъ по образцу той, которая практикуется въ средѣ казачьихъ поселеній. Сельскія общества осетинъ получили отъ русскаго правительства свою внутреннюю организацію, своихъ аульныхъ старшинъ, свои народныя сходы или «нихасы», своихъ выборныхъ судей или «тархановъ», причѣмъ въ самомъ устройствѣ сельскаго управленія и суда удержаны были далеко не всѣ особенности древняго осетинскаго быта. При отсутствіи письменности и обязательной въ то же время записи аульных рѣшеній, осетинскимъ сельскимъ обществамъ пришлось завести писарей изъ русскихъ, а это обстоятельство въ свою очередь косвенно повліяло и на самый характеръ сельской юрисдикціи. Всемогущій писарь сдѣлался живымъ проводникомъ въ туземное право чуждыхъ ему началъ русскаго законодательства. Прибавимъ къ этому, что предѣлы вѣдомства аульныхъ судовъ подверглись значительному ограниченію, и большая часть предоставленныхъ имъ дѣлъ передана въ завѣдываніе сперва словесныхъ горскихъ, а затѣмъ окружныхъ судовъ.

Сказанное должно быть принято въ расчетъ при изученіи современнаго быта осетинъ. Не всѣ черты этого быта проникнуты въ равной степени національнымъ характеромъ, много въ нихъ наноснаго и пришедшаго извнѣ. Задача изслѣдователя выдѣлить то и другое и возстановить общественный строй осетинъ во всей его первоначальной самобытности.

Существеннымъ подспорьемъ къ личнымъ наблюденіямъ является въ этомъ отношеніи изученіе, съ одной стороны, тѣхъ описаній осетинскихъ порядковъ, какія сдѣланы были частью иностранцами, частью русскими чиновниками вскорѣ послѣ первоначальнаго подчиненія края, а съ другой — раннихъ по времени приговоровъ горскихъ судовъ, въ которыхъ обычное право выступаетъ еще во всей его первоначальной чистотѣ.

Пользуясь этими источниками, я считаю возможнымъ пред-

ставить слѣдующую картину общественнаго быта осетинъ въ эпоху, предшествующую ихъ подчиненію русскимъ.

Если не говорить о тѣхъ сельскихъ обществахъ, которыя возникли въ сравнительно недавнее время, при ближайшемъ участіи русскаго правительства путемъ выселенія изъ старыхъ ауловъ отдѣльныхъ семействъ, жить которымъ на прежнихъ мѣстахъ становилось тѣсно, то мы вправдѣ будемъ сказать, что большинство осетинскихъ сель по своему составу можетъ быть включено въ одну изъ слѣдующихъ группъ: во 1-хъ, аулы, населенные семьями, родственными между собою, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею на общинномъ началѣ и ведущими нерѣдко совмѣстное хозяйство; во 2-хъ, аулы, въ которыхъ земля раздѣлена подворно между родственными другъ другу семьями; въ 3-хъ, аулы, населеніе которыхъ составилось изъ нѣсколькихъ фамилій, члены которыхъ живутъ частью совмѣстно, частью отдѣльными дворами, удерживая въ большей или меньшей нераздѣльности принадлежащую имъ земельную собственность *). Сообразно своему составу аулъ носитъ наименованіе общее съ тѣмъ, какое принадлежитъ сообществу заселяющимъ его семьямъ, или же то, какое присвоено семьямъ древнѣйшихъ его поселенцевъ, обыкновенно родственниковъ между собою. Въ обоихъ случаяхъ названіе аула патронимическое, онъ обозначается именемъ своего основателя, родоначальника той фамиліи, члены которой или одни обитаютъ въ немъ, или являются его первоначальными насельниками, не исключаящими позднѣйшей примѣси и со стороны другихъ фамилій. Патронимическія названія впрочемъ попадаются на ряду и съ такими, источникомъ которыхъ является наименованіе той или другой возвышенности, того или другаго потока, у подножія или на берегахъ котораго расположенъ самый аулъ. Отличаясь другъ отъ друга по составу своего населенія, аулы разнятся также и по своей внутренней организаціи. Тѣ изъ нихъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ родственникововъ, имѣютъ своимъ старшиною не выборное лицо, а старѣйшаго по лѣтамъ. Въ аулахъ же, заселенныхъ нѣсколькими фамиліями, обыкновенно встрѣчалось столько старшинъ, сколько было са-

*) Ср. Пфафъ, стр. 202, т. I. Сб. св. о Кавказѣ.

михъ фамилій. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ аулахъ, старшина дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта такъ называемаго нихаса, или собранія старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Ауль не только самоуправляемый округъ, но и юридическое лицо, члены котораго все сообща владѣютъ или всею недвижимою собственностью, передѣляемою между дворами въ опредѣленные сроки, или только тою частью ея, которая служить пастбищемъ для скота, при чемъ пахотныя и луговые пространства разъ навсегда раздѣлены между дворами, члены которыхъ продолжаютъ пользоваться ими сообща. Въ составъ каждаго двора входитъ большее или меньшее число родственныхъ другъ другу семей. Не только отецъ живетъ вмѣстѣ съ сыновьями, но тутъ же въ одномъ дворѣ помѣщаются и дяди и племянники. Личный составъ двора поэтому нерѣдко обнимаетъ собою отъ 25 до 50 и даже до 100 человекъ обою пола, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Неудобства совместнаго сожительства такого большаго числа людей устраняются тѣмъ, что по мѣрѣ вступленія въ бракъ совершеннолѣтнихъ сыновей, племянниковъ и внуковъ, къ прежнему ряду смежныхъ другъ къ другу саклей дѣлаются новыя пристройки, такъ что каждая семья имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, и общая сакля служитъ только кухней и столовой безразлично для всѣхъ сожителействующихъ семействъ. Послѣднія не только владѣютъ со-обща принадлежащей двору землею, но и все прибрѣтенное къмъ либо изъ членовъ ихъ на сторонѣ поступаетъ въ ихъ общее пользованіе. Завѣдываніе общимъ хозяйствомъ поручается обыкновенно старѣйшему по возрасту; названіе ему хистеръ (старшій) или унафаганагъ (управитель). Пользуясь довольно широкою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ по хозяйству, старшина въ то же время связанъ въ дѣлѣ отчужденія дворовой собственности. Онъ не можетъ продать ни малѣйшаго участка земли безъ того, чтобы не испросить предварительнаго согласія всѣхъ и каждаго изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ одного съ нимъ двора. Противодѣйствіе любаго изъ нихъ можетъ воспрепятствовать заключенію любой сдѣлки. Старшая во дворѣ женщина подъ наименованіемъ авсинъ (тетка) начальствуетъ надъ остальными женщинами, распредѣляетъ занятія между ними и держитъ ключи отъ кладовой. При недо-

вольствѣ старшимъ или старшей, дворъ въ правѣ ихъ смѣнить, въ правѣ назначить на ихъ мѣсто лучшаго хозяина или хозяйку.

Какъ въ тѣхъ аулахъ, жители которыхъ все однофамильцы, такъ и въ тѣхъ, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько фамилій, принадлежность къ фамиліи налагаетъ на отдѣльное лицо извѣстные обязательства и надѣляетъ его въ то же время извѣстными правами.

Правонарушенія, направленные противъ того или другаго изъ однофамильцевъ, считаются обидою для всей фамиліи и являются поводомъ къ осуществленію кровной мести любымъ изъ ея членовъ. Если дѣло кончится примиреніемъ и обидчикъ согласится заплатить скотомъ или деньгами причитающуюся съ него виру, эта вира дѣлится между всеми однофамильцами на неравныя доли, сообразно близости ихъ родства съ обиженнымъ.

Тѣ же однофамильцы обязаны на судѣ приносить подрѣпительную присягу въ пользу обвиняемаго, каждый разъ, когда послѣдній въ ихъ глазахъ невиненъ во взводимомъ на него правонарушеніи.

Однофамильцы, какъ уже сказано, или владѣютъ всею сообща недвижимою собственностью, прибѣгая къ періодическимъ передѣламъ ея между дворами, или раздѣляютъ ее разъ на всегда въ частную собственность дворовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣды первоначальнаго владѣнія сохраняются въ правѣ родственниковъ покупать отчуждаемую дворомъ собственность предпочтительно предъ посторонними лицами; а также и въ томъ, что разъ перешедшая къ чужеродцу собственность можетъ быть выкуплена у него любымъ изъ родственныхъ продавцу дворовъ.

Тѣ же однофамильцы при совершенномъ вымираніи того или другаго двора являются наследниками оставленной имъ собственности. Въ предѣлахъ каждаго двора въ отдѣльности частная собственность признается только по отношенію къ оружію, пищѣ и одеждѣ, и эти же предметы одни передаются по наследству. Наслѣдованіе въ недвижимою собственность неизвѣстно, такъ какъ смерть старѣйшаго изъ жителей двора имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не раздѣлъ дворовой собственности, управителемъ которой онъ былъ при жизни, а выборъ на его мѣсто новаго завѣдывателя ею.

Таковы вкратцѣ существеннѣйшія черты того общественнаго порядка, какой застало въ средѣ осетинъ русское владычество. Особеннаго вниманія въ немъ заслуживаютъ слѣдующія стороны.

Всѣ однофамильцы считаютъ другъ друга родственниками и приписываютъ себѣ происхождение отъ общаго родоначальника. Всѣ они не на основаніи сосѣдства, а на основаніи кровнаго родства, въ большей или меньшей степени владѣютъ землею сообща, помогаютъ другъ другу въ преслѣдованіи правонарушителей и ихъ родственниковъ, участвуютъ въ раздѣлѣ причитающихся съ нихъ вирь, а равно и въ платежѣ тѣхъ, поводомъ къ уплатѣ которыхъ являются правонарушения, совершенныя кѣмъ либо изъ ихъ среды. Всѣ они также помогаютъ другъ другу на судѣ, принимая одинъ за другого присягу въ подрѣпленіе показаній подсудимаго. Наконецъ, какъ члены одного сообщества, всѣ они имѣютъ общаго начальника въ лицѣ старѣйшаго родича и общее совѣщательное учрежденіе (нихасъ), составленное изъ старѣйшихъ представителей отдѣльных дворовъ.

Обозначая терминомъ «родъ» совокупность родственныхъ другъ другу семействъ однофамильцевъ, мы послѣдовательно назовемъ «родовымъ начальникомъ» общаго старѣйшину рода и «родовымъ совѣтомъ» собраніе дворовыхъ старшинъ; обозначимъ кровную мечь, участниками которой являются всѣ родственники-однофамильцы, наименованіемъ «родовой», помощь, взаимно оказываемую ими другъ другу на судѣ, — «родовою защитою», право ихъ на предпочтительную покупку фамиліной земли — «родовой преэмпціей», право же на выкупъ ея у чужеродца — «родовымъ выкупомъ».

Совокупность всѣхъ только что перечисленныхъ признаковъ составитъ то, что мы назовемъ родовымъ бытомъ, въ которомъ взаимныя отношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и семействъ опредѣляются не фактомъ принадлежности ихъ къ одному политическому организму, не сосѣдствомъ и общностью экономическихъ интересовъ, а кровнымъ родствомъ, единствомъ происхожденія отъ общаго дѣйствительнаго или легендарнаго родоначальника.

Къ югу отъ Кавказской цѣпи курды являются въ наши дни

единственнымъ племенемъ арійской крови, въ средѣ котораго сохранились еще если не всѣ, то нѣкоторыя черты архаическаго родоваго устройства. Быть курдовъ только въ послѣднее время изучень былъ съ нѣкоторой обстоятельностью г. Егіазарянцемъ, курдомъ по происхожденію и въ то же время человѣкомъ, который, благодаря обстоятельному знакомству съ этнографической и исторической литературой, стоитъ вполне на высотѣ своей научной задачи. По словамъ г. Егіазарянца, родъ у курдовъ называется «тагва». Основу его составляетъ не одно агнатическое родство, происхожденіе отъ общаго предка мужскаго пола, такъ какъ въ составъ рода входятъ также близкіе родственники по женской линіи, никакъ не далѣе однако втораго или третьаго поколѣнія. Пока живо воспоминаніе объ общемъ происхожденіи, родичи сохраняютъ между собою тѣсную родственную связь, доказательствомъ чему служитъ взаимная помощь, оказываемая ими другъ другу въ случаѣ нужды. Попечительство родственниковъ за малолѣтнихъ, другими словами, родовая опека и кровная родовая месть—таковы уцѣлѣвшія доселѣ проявленія родоваго строя у курдовъ. Обязанность попечительства, говоритъ цитируемый нами изслѣдователь, лежитъ прежде всего на отцѣ умершаго, затѣмъ на братѣ, на дядѣ по отцу, на двоюродныхъ братьяхъ со стороны отца и т. д. по близости степени родства; при этомъ, если у покойнаго останется вдова, то дѣти продолжаютъ жить совмѣстно съ нею, пока она не вступитъ въ новый бракъ, послѣ чего они переходятъ въ домъ родственниковъ со стороны отца и остаются здѣсь до совершеннолѣтія. вмѣстѣ съ дѣтьми переходитъ къ родственнику и оставленное дѣтямъ имущество. По прекращеніи опеки, попечитель обязанъ возвратитъ все принятое имъ въ свой дворъ движимое имущество; крупный же скотъ, барановъ и овецъ онъ отсылаетъ вмѣстѣ съ ихъ приплодомъ. Право опеки принадлежитъ не однимъ только агнатамъ, но и когнатамъ.—Изъ когнатовъ къ попечительству призываются одни лишь ближайшіе родственники матери покойнаго: ея братъ и племянникъ (сынъ ея брата или сестры). Тестъ умершаго и братъ его жены могутъ принять на себя опеку надъ малолѣтними только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ родственниковъ со стороны отца умер-

шаго или послѣдніе принадлежать къ слишкомъ отдаленнымъ степенямъ родства.

Перехода къ другому проявленію родового начала—къ кровной мести, Егіазарянецъ сообщаетъ о ней слѣдующее. Если человекъ не въ состояніи отмстить лично своему врагу, обязанность мести переходитъ на его родственниковъ. Личная мечь превращается въ родовую, борьба двухъ личностей переходитъ въ междоусобную борьбу двухъ родовъ. Иногда вражда продолжается очень долго, переходитъ даже отъ одного поколѣнія къ другому. Ее, какъ нельзя лучше, характеризуетъ курдское слово «бизахъ», что въ переносномъ смыслѣ значитъ: «погоди, я тебѣ отплачу». Обязанность мести лежитъ прежде всего на отцѣ и братьяхъ убитаго, затѣмъ на двоюродныхъ братьяхъ, на дядяхъ его; но это не значитъ, что только близкіе родственники имѣютъ право мести, дальніе — при удобномъ случаѣ не должны выпустить врага изъ рукъ.

Вымирание родового быта у курдовъ сказывается какъ въ упадкѣ родового культа, такъ и въ отсутствіи родового старшины, — обстоятельство, благодаря которому споры родственниковъ разсматриваются обыкновеннымъ третейскимъ порядкомъ почтенѣйшими стариками, нерѣдко чуждыми по крови тяжущимся *).

Мы отмѣтили послѣдовательно слѣды родового устройства, удержавшіяся въ современномъ быту тѣхъ арійскихъ народовъ, которые заселяютъ сѣверные и южные склоны Кавказскихъ горъ.

Спрашивается теперь, встрѣчаются ли однохарактерныя черты въ общественной организаціи тѣхъ арійскихъ племенъ, которыя, какъ мы сказали, поселены къ сѣверу и югу отъ Гималайской цѣпи, и имѣемъ ли мы поэтому право употреблять и по отношенію къ нимъ терминъ родового быта? Матеріалъ для рѣшенія этого вопроса даютъ намъ частью путешественники, частью чиновники, назначенные англійскимъ правительствомъ въ сѣверо-западные провинціи Индіи и въ Пенджабъ.

Общественное устройство авганцевъ въ описаніи, данномъ

*) Краткій этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губ. Типопись 1883 г., стр. 37, 38, 39.

ему въ 1839 году Эльфинстономъ, представляетъ слѣдующія характерныя особенности. Всѣ авганцы одинаково возводятъ свою родословную до Киза-Абдурешада. Отъ четырехъ сыновей Киза произошли, по ихъ сказаніямъ, тѣ четыре вѣтви, на которыя дѣлится авганскій народъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей носить патронимическое названіе и этимъ названіемъ является имя ея основателя, одного изъ четырехъ сыновей Киза. Второстепенныя подраздѣленія встрѣчаются въ любой изъ четырехъ вѣтвей, и каждое изъ этихъ подраздѣленій въ свою очередь имѣетъ свои собственныя и т. д. вплоть до низшихъ подраздѣленій племени, которыми являются совокупность большаго или меньшаго числа семействъ.

Каждое изъ подраздѣленій имѣетъ своего главу въ лицѣ старѣйшаго по лѣтамъ, нерѣдко однако и выборнаго начальника, именуемаго маликомъ, муширомъ или спинь-цера, что въ переводѣ значитъ бѣлобородый. Последнее названіе носятъ обыкновенно начальники низшихъ подраздѣленій. Каждый изъ начальниковъ дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта и согласія наиболѣе возрастныхъ представителей одного съ нимъ подраздѣленія. Этотъ совѣтъ носить названіе джирга. Джирга низшаго подраздѣленія состоитъ изъ семейныхъ старшинъ, слѣдующаго за нимъ—изъ начальниковъ низшаго подраздѣленія спинь-цера и т. д. Совѣтъ хана составляютъ малики или начальники высшихъ подраздѣленій. Во главѣ этихъ высшихъ подраздѣленій стоятъ такъ называемые «ханы», избираемые всѣмъ улусомъ изъ той династіи, которая признается древнѣйшей въ немъ *).

Земельная площадь, занятая улусомъ, принадлежитъ въ общую собственность всѣхъ входящихъ въ него подраздѣленій. Въ опредѣленные сроки совершается между ними передѣлъ земли, при чемъ принимается въ расчетъ самое качество послѣдней. Это соображеніе ведетъ къ установленію, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ улусахъ, слѣдующаго правила. Земля улуса, наравнѣ съ входя-

*) An account of the Kingdom of Caboul und its dependencies by Mountstuart Elphinstone, London, 1839, т. I, стр. 210. См. также Spiegel, Ueber die iranische Stammverfassung. Abhandlungen der Königlichen Ak. der Wissenschaften. München, т. VII, стр. 676 и слѣд.

шимъ въ составъ его населеніемъ, дѣлится на двѣ по возможности равныя половины. Каждая десять лѣтъ населенія обѣихъ половинокъ улуса сходятся на общую сходку. На этой сходкѣ бросаютъ жребій, какой изъ двухъ половинокъ владѣть въ ближайшее десятилѣтіе худшей или лучшей землею улуса. Тотъ же жребій рѣшаетъ, кому изъ подраздѣленій улуса владѣть тѣмъ или другимъ надѣломъ въ теченіе того же десятилѣтія. Качество земли при производствѣ передѣловъ принимается впрочемъ въ расчетъ лишь въ небольшомъ числѣ улусовъ. Обыкновенно же равенство въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ подраздѣленій достигается путемъ простаго обмѣна участковъ— обмѣна, производимаго въ напередъ опредѣленные сроки, гдѣ каждые три года, а гдѣ и въ пяти, десяти и двадцати-лѣтніе промежутки времени. Во многихъ улусахъ передѣлъ земли не касается главнѣйшихъ его подраздѣленій и производится только между входящими въ ихъ составъ семьями, опять таки въ напередъ условленные сроки.

1008 98
Передѣлы земель какъ между подраздѣленіями улуса, такъ и между отдѣльными семьями, извѣстны у Аванцевъ подъ наименованіемъ «вайшь». Они встрѣчаются преимущественно между западными, и только по исключенію, какъ переживаніе, между восточными племенами, поселенными въ Хорасанъ *).

Подобно Осетинамъ, Аванцы придерживаются въ своихъ внѣшнихъ препирательствахъ началъ самоуправства и самосуда. Преслѣдованіе правонарушителей признается обязанностью всѣхъ лицъ, входящихъ въ одно подраздѣленіе съ обиженнымъ. Кровная месть нерѣдко прекращается уплатою виры однимъ родовымъ подраздѣленіемъ другому. Эта вира платится не деньгами, которыхъ нѣтъ въ обращеніи между Аванцами, и не скотомъ, какъ у Осетинъ, а преимущественно женщинами. Въ случаѣ убійства въ уплату поступаютъ обыкновенно двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ шесть по меньшей мѣрѣ должны быть снабжены извѣстнымъ имуществомъ **).

Подобно Осетинамъ, Аванцы также обращаются при судебномъ разбирательствѣ, органами котораго являются совѣты старѣйшинъ

*) Elphinstone, т. II. стр. 15 и слѣд.

**) Spiegel. стр. 677.

или джирга, къ присяжнымъ свидѣтельствамъ лицъ одного подраздѣленія съ обвиняемымъ. О родовой преемщицѣ и родовомъ выкупѣ у нихъ только потому не можетъ быть рѣчи, что земельная собственность не отчуждаема и состоитъ въ общемъ владѣннн у лусовъ и ихъ подраздѣленнн. При вымираннн всѣхъ членовъ того или другаго изъ этихъ послѣднихъ, занятая имъ земельная площадь поступаетъ въ руки ближайшаго по крови подраздѣленн, точъ въ точъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ осетинскомъ быту.

Послѣ сказаннаго едва ли нужно останавливаться на проведеннн параллелей между общественнымъ строемъ Авганцевъ и тѣмъ, которымъ живутъ или еще недавно жили Осетины. Въ существеннѣйшихъ чертахъ этотъ строй у обоихъ племень одинъ и тотъ же. Основу его одинаково составляетъ кровное начало — родство со стороны мужчинъ. Совмѣстное владѣнне землею лицъ одной крови, круговая отвѣтственность родственниковъ за правонарушенн и взаимная поддержка ихъ на судѣ, управление старшими по возрасту или способнѣйшими представителями кровнаго начала — все это въ равной мѣрѣ встрѣчается какъ въ бытѣ Авганцевъ, такъ и Осетинъ. Какъ и у послѣднихъ, наконецъ, низшей общественной единицей у Авганцевъ является не малая семья, а союзъ нѣсколькихъ семей, живущихъ въ одномъ дворѣ, другими словами — большая семья или, употребляя ходячее въ осетинскомъ быту наименованн — дворъ.

Отъ Авганцевъ перейдемъ къ Раджпутамъ и Джатамъ, поселеннымъ къ югу отъ Гималайской цѣпи. Общей чертою въ бытѣ этихъ народностей является преобладанн въ ихъ средѣ кровнаго начала. Говоря это, мы не утверждаемъ, что всѣ лица, входящн въ составъ тѣхъ союзовъ, которые обнимаются понятнемъ родовыхъ, связаны между собою узами дѣйствительнаго родства. Мы настаиваемъ только на томъ, что всѣ они считаютъ другъ друга родственниками. Послѣднн по времени изслѣдователь общественнаго строя Раджпутовъ, Альфредъ Лайель различаетъ между родами Раджпутовъ: роды чистокровные и смѣшанные. Чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ составилось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ при-

соединились съ теченіемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнетъ общественнаго мнѣнія, сплошь и рядомъ побуждали, какъ, отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя группы семействъ вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ сообществъ. Сила обстоятельствъ, говоритъ Лайель, заставляетъ чужеродцевъ примкнуть къ родовой группѣ, принять наравнѣ съ родственниками участіе въ военныхъ предпріятіяхъ родоваго вождя, искать у него службы и земельныхъ пожалованій. Не одно усыновленіе родомъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе нѣсколькихъ чуждыхъ другъ другу по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя ведетъ къ возникновенію въ сѣверной Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ. Принимая въ свой составъ чуждыхъ ему по крови лицъ, родъ тѣмъ самымъ теряетъ на время чистоту своей генеалогіи; но такой порядокъ вещей держится весьма не долго *). По прошествіи одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказачное генеалогическое древо. Усыновленные родомъ семьи фигурируютъ въ немъ наравнѣ съ несомнѣнными представителями первоначальной династіи. Проходить еще нѣсколько поколѣній и сглаживается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами.

Сказанное о Раджпутахъ въ равной мѣрѣ можетъ быть повторено о Джатахъ и другихъ арійскихъ народностяхъ Сѣверной Индіи. На основаніи несравненно болѣе богатаго матеріала Туперъ, авторъ послѣдняго труда по обычному праву Пенджаба, приходитъ по вопросу объ ихъ внутреннемъ бытѣ къ тѣмъ самымъ выводамъ, какіе сдѣланы были мною нѣсколько лѣтъ назадъ. Расходясь съ Мэнномъ, онъ утверждаетъ, что древнѣйшими союзами въ этой части Индостана должны быть признаны не малыя или большія семьи, а роды, позднѣйшими развѣтвленіями которыхъ и являются семейныя общины **). Цѣлый рядъ селъ доселѣ носить въ Пенджабѣ родовой характеръ, т. е. между входящими въ составъ ихъ большими семьями или дворами существуетъ дѣйствительное или предпологаемое родство. Принадлежащая селу земля состоитъ въ нераздѣльномъ владѣніи дворовъ и только по вре-

*) Asiatic Studies, London. 1882 г., стр. 157. 167.

**) Punjab Customary Law, т. II, стр. 10.

менамъ передѣляется между ними. При этомъ передѣлѣ родство, большая или меньшая близость къ общему родонаачальнику, опредѣляетъ собою большій или меньшій размѣръ двороваго надѣла. Только по мѣрѣ размноженія рода, частью естественнымъ путемъ, частью путемъ искусственнымъ, включеніемъ въ его составъ новыхъ пришельцевъ, теряется мало-по-малу прежняя пропорція между размѣромъ надѣла и степенью родства. Тогда возникаетъ въ общинѣ то фактическое неравенство, которое, какъ необъяснимое болѣе родовой генеалогіей, вызываетъ нескончаемые споры и несогласія и ведетъ въ концѣ концовъ или къ раздѣлу, или къ установленію однохарактерной, съ русской системы, періодическаго передѣла общинной земли на равныя доли.

Изъ сказаннаго ясно, что родъ является первоначальной общественной единицей одинаково у Раджпутовъ и Джатовъ и что семейная община не болѣе, какъ позднѣйшая представительница того же кровнаго родоваго начала.

Какъ и у Авганцевъ, родовое начало сказывается у Раджпутовъ и Джатовъ, одинаково какъ въ сферѣ гражданскихъ отношеній, такъ и въ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ преступленій, въ первыхъ—въ запрещеніи отчуждать сперва родовую, а затѣмъ дворовую землю чужестранцамъ, иначе, какъ съ общаго согласія, въ правѣ родовой преемщи и родоваго выкупа *); во вторыхъ—въ господствѣ кровной мести и денежной отвѣтственности родственниковъ за обиды, причиненныя гѣмъ либо изъ нихъ члену другаго рода.

Переходя отъ восточныхъ къ западнымъ представителямъ арійской семьи, мы остановимся съ особенной подробностью на общественномъ строѣ *южныхъ славянъ*. На ряду съ малой семьей, извѣстны имъ еще слѣдующіе, болѣе численные по своему составу союзы, во 1-хъ, семейная община, именуемая сербами «задругой» хорватами «скущиной», герцеговинцами «домомъ», далматинцами «общинной соединенныхъ братьевъ»; во 2-хъ, родъ, извѣстный подъ наименованіемъ «братство»; въ 3-хъ «племя», представляющее собою не болѣе, какъ развѣтвившійся родъ, распавшееся на колѣна братство. Численный составъ рода-племени весьма разнообразенъ, гдѣ тридцать и пятьдесятъ человекъ, а гдѣ и семьсотъ или восемьсотъ.

Братство—это прежде всего личный союзъ, члены котораго

*) Ibid., стр. 36.

такъ называемыя «братственники» имѣютъ одного церковнаго патрона, собираются по временамъ на общіе сходы, на которыхъ рѣшаютъ интересующіе родъ вопросы, и подчиняются начальству общаго главы, такъ называемаго «князя», должность котораго наследственна въ одной и той же фамиліи и рѣдко гдѣ замѣщается по выбору старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Будучи по природѣ своей союзомъ личнымъ, братство, подобно всякому родовому соединенію, приобрѣло со временемъ значеніе союза территоріальнаго. Каждое владѣть, какъ общее правило, общественными угодьями на началѣ нераздѣльности, имѣть свою «племенщину», свой *bonum gentilitium*. Общую собственность братьевъ составляютъ также церкви, кладбища, нерѣдко мельницы и сукновальни. Солидарность, связывающая во едино братственниковъ, въ сферѣ имущественныхъ отношеній сказывается также въ правѣ предпочтительной покупки отчуждаемаго кѣмъ либо изъ нихъ участка. Братство и составившееся изъ его развѣтвленія племя—далеко не принадлежать болѣе къ числу жизненныхъ институтовъ юго-славянскаго права. Они встрѣчаются лишь на правахъ исключенія въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Восса-di-Cattaro и совершенно исчезли одинаково въ Сербіи и Хорватіи. Подобно родовымъ союзамъ Раджпутовъ и Джатовъ, братства южныхъ славянъ являются союзами экзогамическими, въ томъ смыслѣ, что бракъ въ предѣлахъ братства запрещенъ. Такое запрещеніе не распространяется, однако, на всѣхъ членовъ развѣтвившагося рода или племени, и браки между отдѣльными колѣнами, входящими въ его составъ, считаются вполне дозволенными *).

Что касается до семейной общины, то новѣйшія изслѣдованія г. Крауса мало прибавляютъ новаго къ тому, что на этотъ счетъ извѣстно намъ изъ сочиненій Утизеновича или изъ сборника юго-славянскихъ обычаевъ, составленнаго проф. Богишичемъ. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ ограничиться приведеніемъ здѣсь тѣхъ свѣдѣній о ней, какія на основаніи послѣдняго источника сообщаетъ г. Демеличъ въ своемъ «Обычномъ правѣ южныхъ славянъ». Всѣ члены одной семейной общины родственники между собою и это родство доходитъ иногда до четвертаго колѣна. Но иностранцы могутъ сдѣлаться

*) См. Kraus, Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 34—41, 57 и 63.

членами общины. Бракъ и усыновленіе—обыкновенные къ тому средства. Случается, что старики, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей и оставшись, такъ сказать, одни на свѣтѣ, не имѣя больше силы заниматься своимъ хозяйствомъ, или не будучи въ состояніи жить собственнымъ трудомъ, входятъ въ чужую общину. Эти лишенные средствъ къ жизни или больные старики принимаются сербскими общинами съ распростертыми объятіями; имъ даютъ всѣ права членовъ общины, но если они имѣютъ небольшое состояніе, то должны отдать его въ общину или при своей жизни, или въ видѣ завѣщаннаго имущества послѣ смерти.—Когда всѣ мужчины общины вымрутъ, и не останется другаго наследника, кромѣ дочери, то мужъ ея дѣлается начальникомъ общины, причѣмъ за общиной сохраняется ея прежнее наименованіе.

«Постояннымъ, т. е. недѣлимымъ и неотчуждаемымъ имуществомъ семейной общины, говоритъ авторъ экономическихъ замѣтокъ о Болгаріи г. Кондратовичъ, бываетъ обыкновенно *непокретно иманіе*, т. е. именно прежде всего земля, а затѣмъ орудія труда. Нивы, левады, виноградники, иногда участки пастбища и лѣса, а также жилища, хозяйственныя постройки, мельницы, сельско-хозяйственныя орудія—составляютъ основное общинное имущество, унаследованное общиной отъ предковъ, долженствующее перейти потомству и называемое *иманіе, стока, багиниа, бѣдиниа*. Самыя названія такого общиннаго имущества показываютъ какъ его происхожденіе, такъ и характеръ, представляя антитезу личной собственности—*свойщини, особини, добитъкъ, жива стока, покуцини*, которая приобрѣтается, независимо отъ общаго, наследственнаго капитала, путемъ чисто личнаго труда или промысла»^{*)}).

Общинная земля не отчуждаема: только въ случаѣ крайней бѣдности или постигшаго ея раззоренія, семейная община рѣшается продать свое имущество; народъ смотритъ на такую продажу, какъ на величайшій позоръ, и не многіе рѣшаются выступить покупателями такого имущества. Продажа каждый разъ происходитъ съ согласія и одобренія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины.— Въ числѣ предметовъ движимой собственности имѣются такіе, которыхъ нельзя отчуждать иначе, какъ въ случаѣ неотложной необходимости. Таковы орудія сельско-хозяйственной экспло-

*) «Русская Мысль», 1884 г., № 2, стр. 7.

атации. Что же касается до скота, то каждое семейство обыкновенно содержит двух быков и несколько парь других животных; что сверх этого, то может быть продано. Другія принадлежности хозяйства: улья, ручныя мельницы, различные продукты растительнаго и животнаго царствъ—по большей части отчуждаемы.

Теперь скажемъ объ обязанностяхъ и правахъ каждаго члена общины и сначала точно опредѣлимъ положеніе ея начальника, котораго сербскій народъ называетъ «домацин»—начальникъ или правитель дома. Домачинъ обыкновенно избирается общиною изъ среды пожилыхъ и женатыхъ членовъ. Однако же это правило представляетъ много исключеній. Не смотря на высокое уваженіе Сербовъ къ зрѣлому возрасту, часто выбираютъ молодыхъ людей, испытанныхъ и извѣстныхъ своимъ энергическимъ и честнымъ характеромъ, своими хозяйственными способностями и твердой волей. «Кто уменъ, тотъ довольно старъ», говоритъ сербская пословица. Иногда случается, что самъ домачинъ, чувствуя, что силы его уменьшаются подъ тяжестью лѣтъ, отказывается отъ своей власти въ пользу наиболѣе достойнаго изъ своихъ сыновей. Въ Черногоріи и Герцеговинѣ часто случается, что старшій братъ домачина наследуетъ ему послѣ его смерти; за отсутствіемъ же брата—старшій сынъ. Въ этомъ случаѣ начальникомъ общины можетъ сдѣлаться и младшій въ случаѣ старости или болѣзни послѣдняго; кромѣ согласія отдѣльныхъ членовъ общины избранный долженъ получить еще торжественное благословеніе отъ своего старшаго брата. Сербы, какъ уже было сказано, питаютъ большое уваженіе къ лѣтамъ. Въ пожилыхъ людяхъ цѣнятъ ихъ опытность. «Дьяволь», говорятъ они, «очень опытенъ, потому что онъ старъ». «Безъ повиновенія старцамъ нѣтъ спасенія»—гласитъ другая поговорка; но Сербы прибавляютъ при этомъ, что «если лѣта—голова, то молодость—сила» и выводятъ изъ этого, что дѣльнымъ молодымъ людямъ слѣдуетъ предоставить управленіе общиною, когда одряхлѣвшіе старики не въ силахъ болѣе нести связанныхъ съ нимъ обязанностей. Итакъ личныя качества рѣшаютъ выборъ начальника. Вотъ почему можно избрать на эту должность и женщину; точно также возможно, что предста-

вительницей дома будет дѣвушка, въ томъ однако лишь случаѣ, когда въ общинѣ нѣтъ взрослыхъ мужчинъ. Вдова послѣдняго начальника общины беретъ въ свои руки управленіе, если ея дѣти еще слишкомъ молоды и если мужъ послѣ своей смерти не оставилъ братьевъ. Но какъ только старшій сынъ достигнетъ того возраста, въ которомъ онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, мать уступаетъ ему мѣсто. Случай, когда дѣвушка становится во главѣ семейной общины, крайне рѣдки: разъ она единственная наслѣдница, мужъ ея входитъ въ общину и становится ея начальникомъ (domazet'омъ). Часто община даетъ послѣдному начальнику право назначить себѣ преемника. Но это преимущество дается только тѣмъ, кто приобрѣлъ въ общинѣ большое уваженіе. Если члены не могутъ согласиться на счетъ выбора лица, которое должно сдѣлаться ихъ начальникомъ, то вопросъ этотъ рѣшаетъ жребій. Въ Герцеговинѣ выборъ новаго начальника имѣетъ мѣсто только тогда, когда прежній скончался, не назначивъ себѣ преемника. Случается также, что помимо выбора и назначенія кто-нибудь изъ членовъ мало-по-малу овладѣваетъ этою почетною должностію. Если хозяйство процвѣтетъ подъ его управленіемъ, то онъ признается начальникомъ общины по праву. Но злоупотребленія проскользаютъ всюду, и приходится иногда видѣть людей, становящихся во главѣ общины посредствомъ грубой силы или преступной хитрости. Тогда въ семьѣ, въ которой имѣетъ мѣсто этотъ захватъ власти, перестаетъ царствовать миръ и неизбежно наступаетъ раздѣлъ, если только члены общины не сойдутся вмѣстѣ на томъ, чтобы прогнать похитителя. Подобные случаи, къ счастью, рѣдки.—Что касается до правъ домачина, то они обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего онъ имѣетъ всѣ преимущества, которыя даетъ ему его возрастъ; онъ предсѣдательствуетъ въ семейныхъ собраніяхъ и служитъ представителемъ общины во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ ея и передъ государственною властью. Прежде, когда существовала барщина, онъ былъ свободенъ отъ нея. Домачинъ управляетъ имуществомъ общины, никто безъ его позволенія не можетъ распоряжаться вещами, имѣющими какую либо цѣнность. При всемъ томъ онъ далеко не самовластный повелитель: прочіе чле-

ны общины ему равны и всѣ одинаково имѣютъ право подавать голосъ въ семейныхъ совѣтахъ—домачинъ только *primus inter pares*; онъ наблюдаетъ за выполненьемъ каждымъ его обязанностей и распредѣляетъ работы. Онъ управляетъ общинной казною и приобретаетъ все необходимое для дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ долженъ озаботиться также доставленьемъ одежды и обуви для всѣхъ членовъ общины. Онъ отвѣчаетъ за всѣ расходы и не имѣетъ права употреблять общинные доходы на покрытіе личныхъ издержекъ.

Домачинъ не имѣетъ уголовной юрисдикціи. Тѣмъ, которые не повинуются ему, онъ можетъ дѣлать замѣчанія, но не вправѣ присуждать ихъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, если только дѣло не касается дѣтей или молодыхъ дѣвушекъ. Точно также онъ долженъ воздерживаться отъ выговоровъ мужчинамъ при женщинахъ, молодыхъ мальчикахъ, дѣвушкахъ и дѣтяхъ. Въ Болгаріи мужъ вправѣ наказывать свою провинившуюся жену. Семейный совѣтъ собирается передъ церковью, вечеромъ послѣ ужина, и здѣсь обсуждаются преступленія и проступки членовъ. Въ случаѣ осужденія, виновный обыкновенно исключается изъ общины. Въ турецкихъ провинціяхъ апелліація на семейные приговоры въ общіе суды встрѣчается рѣдко, но въ Болгаріи очень часто обращаются съ нею въ городской совѣтъ, къ приходскому священнику, или къ епископу. Въ Австріи въ случаяхъ упорства домачинъ нерѣдко обращается за помощью къ государственной власти; объ исключеніи изъ общины почти всегда дается знать судамъ; имъ же выдаютъ виновнаго для поступленія съ нимъ по законамъ.

Что касается правъ домачина относительно общиннаго имущества, то онъ можетъ по собственному выбору продавать и покупать нѣкоторыя малоцѣнные вещи, но продажа и покупка должны быть совершаемы въ интересахъ всей общины. Для болѣе важныхъ операцій необходимо общее согласіе. Домачинъ производитъ закупки всего необходимаго, давая о томъ отчетъ семейному совѣту. Въ Военной Границѣ онъ вправѣ продавать только движимое имущество, отнюдь не недвижимое. Когда домачинъ дѣйствуетъ противъ воли общины, то члены ея могутъ лишить его должности, но для этого необходимо общее согласіе. Отрѣшеніе отъ должности

имѣть мѣсто обыкновенно тогда, когда домашинъ оказывается неспособнымъ къ управленію дѣлами и семейству грозитъ опасность полного разоренія; а также и въ случаяхъ, если онъ сдѣлается слѣпымъ, сумасшедшимъ или подвергнутъ будетъ позорному наказанію, если онъ единодушно ненавидимъ всѣми, склоненъ къ пьянству и безнравственному поведенію, расточителенъ или несправедливъ. Смѣщеніе такого начальника обыкновенно совершается вечеромъ послѣ ужина. Самый старшій изъ семейства перечисляетъ его недостатки; онъ указываетъ на разореніе, которое грозитъ дому, и объявляетъ ему, что все семейство считаетъ его неспособнымъ быть впредь начальникомъ общины и единодушно рѣшило замѣнить его другимъ.

Послѣ домашина наибольшими почестями и значеніемъ въ семейной общинѣ пользуется «домасиса» — хозяйка дома. Домачица обыкновенно — жена домашина. Она сохраняетъ эту почетную должность даже послѣ смерти своего мужа. Однакожь, если жена начальника семейной общины слишкомъ стара, или если она не обладаетъ качествами, которыхъ требуетъ отъ нея эта должность, то на ея мѣсто назначаютъ способнѣйшую изъ наиболѣе пожилыхъ женщинъ. Вдову при этомъ выбираютъ только тогда, если нѣтъ женщины замужней для избранія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не колеблются отдать преимущество дѣвушкѣ, чего никогда не случается въ Герцеговинѣ и Черногоріи. Выше уже было сказано, что младшій изъ двухъ братьевъ дѣлается часто домашиномъ вслѣдствіе физической или нравственной неспособности старшаго. Когда представляется такой случай, то хозяйкою дома дѣлается не жена младшаго, а жена того, кто былъ отставленъ отъ должности, или того, кто долженъ бы быть избраннымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право сами выбирать домашицу, но выборъ этотъ долженъ быть подтвержденъ семейнымъ совѣтомъ. Домачица стоитъ во главѣ домашняго хозяйства. Ея вѣдѣнію подлежатъ молочня и курятникъ. Она отвѣчаетъ за внутренній порядокъ въ домѣ. Когда всѣ работники находятся на работѣ въ полѣ, въ виноградникѣ или въ лѣсу, домашица смотритъ за дѣтьми, стряпаетъ кушанье и надзираетъ за всѣмъ домою. За столомъ она занимаетъ мѣсто подлѣ начальника семьи. Съ нею совѣ-

туются на счетъ брака дѣвушекъ, въ этомъ дѣлѣ она имѣеть чаще всего рѣшающій голосъ. Домачица надзираетъ не только за матеріальнымъ порядкомъ въ семьѣ. На ней лежатъ и нѣкоторыя нравственныя обязанности: она руководитъ религіознымъ воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ, обучаетъ ихъ ежедневнымъ молитвамъ, по праздникамъ сопровождаетъ ихъ въ церковь и приучаетъ ко всѣмъ домашнимъ работамъ. Обязанности домачицы не ограничиваются попеченіями объ однихъ живущихъ. Она заботится даже и о тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ. Почитаніе умершихъ считается у Сербовъ одною изъ самыхъ священныхъ обязанностей. Папихиды по умершимъ у православныхъ служатся по субботамъ. Хозяйка дома непременно присутствуетъ на нихъ.

Познакомившись съ правами и обязанностями начальника семьи и хозяйки дома, мы переходимъ къ изложенію правъ другихъ членовъ общины. Всѣ члены одинаково участвуютъ въ общемъ имуществѣ и всѣ должны соединять свои силы и труды для блага и процвѣтанія общины. Всякій членъ имѣетъ свою долю пользованія и свое право на пропитаніе, одежду и помѣщеніе отъ общины. Ко дома ради тај и гадује—кто дома работаетъ, тотъ и пользуется, гласитъ Сербская пословица. Право голоса одинаково принадлежитъ всѣмъ участвующимъ въ семейномъ совѣтѣ и всякому дозволено вводить своихъ гостей на домашній пирушки. Членъ общины можетъ при желаніи выйти изъ нея; онъ можетъ также поселиться въ другой мѣстности, но для этого онъ долженъ получить предварительно согласіе начальника общины; то же согласіе необходимо даже для временной отлучки изъ общины. Возрастъ и полъ сильно измѣняютъ эти разнообразныя права членовъ общины. Дѣти и молодыя дѣвушки не пользуются всѣми тѣми преимуществами, которыя предоставляются совершеннолѣтнимъ. Въ Военной Границѣ только въ двадцать четыре года наступаетъ совершеннолѣтіе. Сербскій обычай придаетъ возрасту меньшее значеніе. Кто способенъ выполнять работы и исполнять обязанности взрослога человѣка, тотъ можетъ пользоваться и всѣми его правами. Человѣкъ женатый уважается въ семьѣ болѣе, чѣмъ холостой. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи

молодой человекъ начинаетъ пользоваться своими правами съ того времени, какъ онъ становится способнымъ носить оружіе, т. е. обыкновенно съ восемнадцати лѣтъ. Женщины не всюду пользуются правомъ голоса на семейномъ совѣтѣ. Въ Черногоріи онѣ допускаются на совѣтъ только тогда, когда тамъ разсуждаютъ о весьма важныхъ вопросахъ. Въ другихъ сербскихъ странахъ совѣты женщинъ, въ особенности женщинъ пожилыхъ, всегда уважаются, хотя за ними рѣдко признается право рѣшающаго голоса. Въ Далмаціи онѣ почти всегда получаютъ это право. Въ Военной Границѣ женщины могутъ подавать голосъ, если у нихъ нѣтъ мужчины-представителя. Слѣдовательно, это право должно принадлежать только вдовѣ, сынъ которой еще не достигъ совершеннолѣтія. Въ Болгаріи всѣ женатые мужчины могутъ подавать голосъ въ семейномъ совѣтѣ. Впрочемъ, настоящее значеніе придаютъ только голосу члена, которому исполнилось 25 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Военной Границы дѣла рѣшаются большинствомъ. При равенствѣ голосовъ одерживаетъ верхъ та сторона, къ которой принадлежитъ начальникъ. Ему предоставляется подчасъ полная свобода дѣйствія, именно тогда, когда послѣ долгихъ преній не достигнуто будетъ соглашенія. Въ Болгаріи во всѣхъ важныхъ дѣлахъ необходимо единогласіе. При противоdѣйствіи со стороны одного какого-нибудь члена стараются склонить его къ тому, чтобы онъ взялъ назадъ свое veto; умоляютъ его не подвергать опасности внутреннее соглашеніе; указываютъ ему на позоръ, который палъ бы на домъ, если бы сосѣди узнали о такомъ разномысліи. Рѣдко случается, чтобы противящійся не подчинился въ концѣ концовъ общему рѣшенію.

Въ Сербіи домашину запрещено совершать займы или дѣлать долги безъ особаго на то согласія общины. Совѣтъ общины завѣдуетъ также всѣмъ, относящимся до виdшнихъ сношеній семьи; семейные раздѣлы происходятъ не иначе, какъ съ его согласія. Однимъ словомъ, домашинъ обязанъ собирать семейный совѣтъ во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ, требующихъ необыкновенныхъ мѣропріятій.

Спрашивается теперь, владѣютъ ли члены общины частною собственностью? Въ Черногоріи недвижимость никогда не можетъ

составлять индивидуальной собственности кого-нибудь из членов общины; позволено оставлять въ свою пользу только добычу, полученную на войнѣ, и въ частности — оружіе непріятели. Точно также священникамъ дозволяется удерживать подарки, которые имъ дѣлаются по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ; но ту сумму, которую они взимаютъ съ жителей, какъ жалованье, они постоянно должны отдавать въ общее достояніе всей своей общины. Въ Сербіи, когда нѣтъ общинныхъ работъ, каждый можетъ искать заработка на сторонѣ. Этотъ заработокъ не поступаетъ въ общую казну. Находки составляютъ также частную собственность. Если кто изъ членовъ общины занимается ремеслами или торговлей, то получаемый имъ доходъ идетъ исключительно въ его пользу. Равнымъ образомъ, молодые люди, посвящающіе себя морскому дѣлу, имѣютъ право оставлять себѣ въ собственность все приобретенное ими во время морскихъ путешествій или экспедицій. Приданое женщины разсматривается, какъ ея частная собственность. Оно обыкновенно состоитъ изъ скота, платья, нарядовъ и т. д., очень рѣдко изъ недвижимости. У Болгаръ однѣ замужнія женщины имѣютъ право на частную собственность. Предметами ея являются подарки, полученные отъ мужа въ день свадьбы. Что касается приданого, то оно, въ чемъ бы ни состояло, въ скотѣ, недвижимости, или деньгахъ, поступаетъ въ общую казну; женщина можетъ взять его обратно только въ случаѣ раздѣла общины.

Случается часто, что нѣкоторые члены общины находятся по цѣлымъ годамъ въ отсутствіи. Они занимаются торговлею или службою на морскихъ судахъ и почти всегда скопляютъ небольшой капиталецъ. На счетъ того, должны ли они по возвращеніи въ свою общину отдавать барыши въ общее достояніе, или могутъ считать ихъ своею частною собственностью, — общаго правила не установилось. Если членъ оставилъ семью по приказанію домачина ради имущественныхъ приобретеній, то все, что онъ заработалъ, принадлежитъ общинѣ. Но если онъ отправился на заработокъ по собственной волѣ, то онъ ничего не обязанъ отдать общинѣ. — Иногда общины заключаютъ условія съ тѣми, кто отправляется на неопредѣленное время.

Договоры этого рода рѣшаютъ вопросъ о барышахъ, но почти всегда и безъ такихъ договоровъ членъ общины отдаетъ часть своего заработка въ общую казну. Членъ, находящійся въ отсутствіи, никогда не теряетъ своихъ правъ на часть въ общинномъ имуществѣ, хотя бы онъ провелъ даже нѣсколько лѣтъ внѣ дома. Между правами члена общины мы назвали право на пропитаніе и одежду отъ общины; но не существуетъ обязанности доставлять ему сполна всю одежду. Обыкновенно община снабжаетъ только головнымъ уборомъ, обувью и теплымъ платьемъ на зиму.

Остается сказать еще о правахъ и обязанностяхъ женщинъ и дѣвушекъ, входящихъ въ составъ общины. Женщина у Южныхъ Славянъ помогаетъ мужчинамъ въ полевыхъ работахъ. Она же производитъ все необходимое для внутренняго хозяйства семьи: мыло, свѣчи и даже наиболѣе употребительныя лѣкарства. Эти различныя работы отправляются каждою изъ женщинъ поочереді. Однѣ остаются дома, другія отправляются въ поле. Кому что дѣлать—рѣшается жребіемъ. Что касается до распредѣленія ручнаго труда, то каждая женщина работаетъ для своей семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. для своего мужа и дѣтей и, кромѣ того, для неженатыхъ членовъ общины и для сиротъ. Въ общинѣ, которая сама сѣетъ и обрабатываетъ ленъ, пряжа распредѣляется между женщинами; въ противномъ случаѣ, каждая придетъ для своей тѣсной семьи. Старухи, женщины и молодыя дѣвушки свободны отъ трудныхъ работъ вообще. Молодымъ дѣвушкамъ даютъ время для заготовленія приданого, если же онѣ сироты, то и для того, чтобы заработать небольшую сумму на покупку коровы. Каждая дѣвушка должна принести что-нибудь своему жениху, и поэтому она никогда не занимается хозяйствомъ. За исключеніемъ той собственности, которая лично принадлежитъ женщинѣ, послѣдняя можетъ отчуждать только нѣкоторыя малоцѣнныя вещи, напр., молоко. Община доставляетъ женщинамъ, какъ и мужчинамъ, головные уборы и обувь; верхнее платье каждая получаетъ отъ мужа. Другія принадлежности туалета женщина изготовляетъ сама для себя, а украшенія покупаетъ на собственные деньги. Женщина, какъ мы сказали, можетъ имѣть свою частную собственность точно также, какъ

и другіе члены общины. Все, что подарятъ ей по случаю брака приглашенные на свадьбу, принадлежитъ ей по праву. Все, что она заработаетъ своимъ трудомъ, внѣ общины, тоже становится ея исключительною собственностью, но въ этомъ случаѣ женщина заблаговременно должна испросить у домачина позволеніе отправиться искать счастья внѣ общины, что и разрѣшается ей каждый разъ, когда общинныя работы приходятъ къ концу. — Индивидуальная собственность дѣвушекъ состоитъ только въ приданомъ.

Какъ и у описанныхъ уже нами племенъ—Осетинъ, Авганцевъ, Раджпуртовъ и Джатовъ—родовое начало у южныхъ Славянъ находитъ выраженіе себѣ, какъ въ нераздѣльности въ наше время семейнаго, такъ нѣкогда и родоваго владѣнія, а также въ запрещеніи выдѣлившимся уже малымъ семьямъ отчуждать свою землю чужеродцамъ иначе, какъ послѣ предварительнаго предложенія ея родственникамъ для покупки и формальнаго отказа съ ихъ стороны. Законодательство Черногорскаго князя Данила содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія касательно отчужденія недвижимой собственности. Продавецъ обязанъ прежде всего предложить отчуждаемый имъ участокъ своимъ родственникамъ и сосѣдямъ. Это предложеніе дѣлается въ присутствіи свидѣтелей. Если родственники, а за ними сосѣди не воспользуются его предложеніемъ, продавецъ вправе продать имущество кому самъ заблагоразсудитъ. Въ Болгаріи, если въ силу такого согласія земля и перейдетъ въ собственность чужеземца, члены семейной общины или ихъ потомки вправе выкупить ее во всякое время, возвративши заплаченные за нее деньги *).

Въ уголовномъ правѣ то же родовое начало проявляется въ господствѣ кровной мести и участіи родственниковъ въ уплатѣ виры. И то и другое еще весьма недавно было въ полномъ ходу въ Черногоріи и доселѣ практикуется, по крайней-мѣрѣ отчасти, въ Герцеговинѣ. Въ процессѣ кровное начало сказывается у южныхъ Славянъ въ той помощи, которую оказываютъ подсудимому его родственники, подъ присягою свидѣтель-

*) «Русская Мысль», 1884 г., № 2. Кондратовичъ, стр. 7.

ствующіе достовѣрность дѣлаемыхъ имъ на судѣ показаній. Такой порядокъ вещей все еще продолжаетъ держаться въ Черногоріи: родственники въ числѣ двухъ или четырехъ чловѣкъ приносятъ клятву въ храмѣ, цѣлуя крестъ и произнося страшное заклинаніе, въ которомъ призывается на клятвopеступника гнѣвъ Божій. Освященная обычаемъ формула говорить о распаденіи жилища и вымираніи всего рода — какъ о послѣдствіяхъ принесенія къмъ-либо ложной присяги. *)

Въ Великороссіи, въ которой сельская сосѣдская община находитъ себѣ такое широкое распространеніе, слѣды родового нѣкогда владѣнія сохранились въ существованіи такъ наз. большой семьи или семейной общины.

Первыя данныя о ней сообщены были г. Оршанскимъ и г-жею Ефименко. **) Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другая, не поняли дѣйствительнаго характера этихъ группъ: въ семейныхъ общинахъ они увидѣли одно подобіе артелей, а не кровные родственные союзы, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ. Излагаемая въ немногихъ словахъ сущность того воззрѣнія, которое въ литературѣ получило извѣстность подъ наименованіемъ теоріи трудового начала въ русской крестьянской семьѣ, г. Пахманъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ существеннѣйшія ея основы. 1) Кровная связь въ семьѣ не составляетъ ея сущности, а является какъ бы случайнымъ элементомъ въ ней. 2) Власть семейнаго главы обуславливается лишь общностью хозяйства и потому самъ домохозяинъ, *не исключая отца или матери*, не болѣе, какъ распорядитель общаго хозяйства, какъ бы на правахъ артельнаго старосты. 3) Все имущество въ

*) Porovic, Recht und Gericht in Montenegro, стр. 82.

**) «Народный судъ и на родное право» — Оршанскаго («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1875.») «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ», А. Ефименко (Слово 1878г.). Трудовой принципъ, говоритъ послѣдній, красною нитью проходитъ черезъ всѣ семейныя и наследственныя отношенія крестьянъ, насколько они опредѣляются обычнымъ правомъ (стр. 165). — Лица, не имѣющія съ семьей никакой родственной связи, напр. принятые въ домъ зятя, пасынки, пріемыши, если они только участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое же право на долю въ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники.

семьѣ принадлежитъ не домохозяину лично, а членамъ семьи сообща, какъ дольщикамъ «общей семейной собственности», къ числу коихъ относится и самъ домохозяинъ, хотя бы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ остальнымъ членамъ семьи. 4) Право дольщиковъ на семейное имущество основывается не на узакъ или близости родства, а единственно на личномъ трудѣ каждаго и притомъ въ размѣрѣ дѣйствительнаго участія его въ приобрѣтеніи и накопленіи семейнаго имущества. 5) Означенное право принадлежитъ каждому независимо отъ усмотрѣнія главы семьи и можетъ быть осуществлено требованіемъ выдѣла слѣдующей ему доли или полнаго раздѣла семейнаго имущества. *)

Разбирая это ученіе, г. Пахманъ на основаніи громаднаго матеріала, накопленнаго Комиссіей по преобразованію волостныхъ судовъ, приходитъ къ отрицанію вышеизложенныхъ основъ артельной теоріи. 1) Семья и по понятіямъ крестьянъ, говоритъ онъ, не можетъ быть приравниваема къ артели, ибо для понятія семьи существенно, чтобы она состояла изъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, тогда какъ для артели это безразлично; если же въ составѣ крестьянской семьи и являются иногда также и стороннія лица, не родственники, то они причисляются къ семьѣ только тогда, когда приняты въ нее на правахъ дѣтей или усыновлены ею; въ противномъ же случаѣ они пользуются одними правами наемныхъ работниковъ. Съ другой стороны, для артели существенно, чтобы она была основана на договорѣ, чего нельзя сказать о семьѣ. 2) При жизни отца прочіе члены семьи имѣютъ право на жилье въ его домѣ и на содержаніе въ немъ; по отношенію же къ семейному имуществу одно право пользованія, отнюдь не распоряженія. Выдѣлъ дѣтей, какъ и отчужденіе семейной собственности, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія отца, какъ главы семейства. 3) Право участія въ наслѣдствѣ основано и въ крестьянскомъ быту не на правѣ труда, а на родствѣ. Ближайшіе родственники устраняютъ собою дальнихъ. Приемъши и воспитанники допускаются къ наслѣдованію какъ усыновленные.

*) Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 7 втораго тома.

То же должно быть сказано и о зятяхъ. Размѣръ долей не зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ общемъ трудѣ, такъ какъ всѣ, призванные къ наслѣдованію получаютъ равныя доли, не говоря о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ непочтеніе къ родителямъ, нерадѣніе къ хозяйству, самовольное оставленіе родительскаго дома и т. п. ведутъ къ совершенному устраненію кого-либо отъ наслѣдства.

Таковы важнѣйшія изъ возраженій, дѣлаемыхъ г. Пахманомъ противъ артельной теоріи. Повѣйшія данныя подтверждаютъ, по нашему мнѣнію, сдѣланные имъ выводы. Говоря это, я разумѣю въ частности отвѣты, присланные изъ разныхъ волостей Орловской губерціи на тѣ вопросы, которые были разосланы имъ г. Матвѣевымъ. Эти данныя, доселѣ не напечатанныя, въ настоящее время находятся въ моихъ рукахъ. Не имѣя возможности познакомить съ ними читателей въ подробностяхъ, я ограничусь приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Старшина Хиневской волости, Съвскаго уѣзда, пишетъ въ своемъ донесеніи слѣдующее. Семью въ крестьянскомъ быту нашей волости составляютъ нѣсколько родственниковъ съ ихъ женами и дѣтьми, числомъ отъ 15 до 20 и даже болѣе, которые всѣ живутъ въ одномъ домѣ. «Власть старшаго въ семьѣ имѣетъ большое значеніе. Онъ слѣдитъ за сохраненіемъ въ семьѣ общаго согласія, спокойствія и благочинія, всѣ семейные ему повинуются. Онъ распредѣляетъ занятія и наблюдаетъ за исправнымъ выполненіемъ ихъ, завѣдываетъ всѣмъ хозяйствомъ и жизненными продуктами, уплачиваетъ казенныя подати и всѣ повинности. По смерти родоначальника, власть его на управленіе семействомъ и хозяйствомъ переходитъ къ совершеннолѣтнему старшему сыну; если же у покойнаго нѣтъ совершеннолѣтняго сына, а остались въ семьѣ его родные братья, то къ одному изъ нихъ, «по его при жизни назначенію или по усмотрѣнію всей семьи», а если остался взрослый сынъ, то къ нему; но бывають, хотя и очень рѣдко и такіе случаи, что по смерти родоначальника, изъ мужскаго пола къ принятію управленія никого не остается; тогда его мѣсто занимаетъ жена его.—Отецъ имѣетъ полное право распоряжаться имуществомъ дѣда и, по своему желанію, можетъ закладывать

его, а также и отчуждать изъ него часть, какую пожелаетъ. Если сынъ пожелаетъ отдѣлиться отъ отца противъ его воли, то отецъ имѣетъ право не дать ему ничего изъ дѣдовскаго имущества. Когда нѣсколько братьевъ или дядей съ племянниками, живя въ одномъ домѣ, ведутъ между собою семейное согласіе и порядокъ, то у нихъ все общее, кромѣ женскихъ принадлежностей, какъ то—холстовъ, бѣлья и прочаго наряда, что въ общее употребленіе не входитъ; распорядителемъ же надъ всѣмъ бываетъ или старшій по лѣтамъ, или кого изберутъ по своему согласію; въ такомъ случаѣ жена избраннаго хозяина имѣетъ преимущество въ распоряженіи хозяйствомъ, относящимся до женщинъ, если она къ тому способна и рачительна; если же нѣтъ, то избирается по усмотрѣнію одна изъ младшихъ женщинъ. Работы въ семьѣ распределяются между мужскими и женщинами по ихъ силамъ и здоровью. Въ зимнее время женщины, попеременно каждая, занимаются изготовленіемъ пицци для всего семейства и уходомъ за скотомъ. Соблюдаемая при этомъ очередь называется «деньщицествомъ». Помимо нисходящихъ и боковыхъ, въ составъ семьи подчасъ входятъ и лица не одной съ нею крови. Часто случается, читаемъ мы въ томъ же донесеніи, что родители, принимаютъ въ домъ зятя, мужа дочери, котораго зятьмъ считаютъ за сына. При раздѣлѣ семейнаго имущества всѣ братья получаютъ по равной доли. Домъ же достается тому изъ нихъ, кому сами назначать съ общаго согласія, обыкновенно младшему брату.—

Данныя, сообщаемыя по тому же предмету изъ другихъ уѣздовъ, въ общемъ согласны съ только что приведенными и разнятся только въ частности. Такъ напр., изъ одной волости Дмитровскаго уѣзда пишутъ. «Величина семействъ разная, отъ двухъ до десяти и болѣе рабочихъ душъ. Старшій въ семьѣ всѣмъ распоряжается. По смерти его власть его переходитъ къ слѣдующему за нимъ по лѣтамъ, *если онъ не зазорнаго поведенія*; въ противномъ случаѣ власть эта переходитъ по усмотрѣнію семейства къ другому благонадежному члену семьи, который всѣмъ и распоряжается по своему усмотрѣнію. Отецъ имѣетъ право отчуждать или закладывать долю изъ дѣдовскаго имущества, также имѣетъ право по смерти дѣда и ничего не дать

отдѣляющемуся отъ него сыну, въ особенности же въ случаѣ несогласія родителя на раздѣлъ, а также въ наказаніе за неповиновеніе сына».

Жена домохозяина считается въ семьѣ старшею надъ другими женщинами; нерѣдко бываютъ ссоры и драки между ними за первенство, въ особенности между невѣстками и свекровьями.— Пріемыши и подкидыши нерѣдко пользуются въ семьѣ тѣми же правами, что и собственныя дѣти, и участвуютъ въ наследованіи имущества по смерти ихъ воспитателей.— Семейныя работы производятся сообща мужчинами и женщинами, приготовленіе же пряжи и бѣлья производится каждой женщиной въ отдѣльности для мужа и дѣтей.

Изъ другихъ мѣстностей Орловской губ. доводятъ до свѣдѣнія, что по освобожденіи своемъ отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе дѣлежей своихъ, крестьянскія семьи до того перемѣлялись, что въ настоящее время подъ однимъ кровомъ живутъ обыкновенно или отецъ съ двумя и болѣе сыновьями, или два брата, или дядя съ племянникомъ, или тесть съ зятемъ. «Сожительства по общему труду, прибавляетъ одинъ изъ корреспондентовъ, священникъ села Лобнова, я не встрѣчалъ». — Хозяйство въ каждой семьѣ ведется съ общаго согласія. Хозяиномъ не всегда бываетъ старшій по лѣтамъ, если только во главѣ семейства не стоитъ отецъ. Имъ обыкновенно назначается тотъ изъ членовъ семьи, который обладаетъ знаніемъ хозяйственныхъ дѣлъ и доброю славою. Власть передается ему съ общаго согласія всѣхъ мужчинъ семьи. На равной ногѣ съ законными дѣтьми стоятъ нерѣдко принятыя въ домъ зятя, усыновленные незаконныя дѣти и пріемыши. Въ случаѣ дѣлежа каждый изъ сыновей и пріемышей получаютъ по равной части съ остальными. Принимается однако во вниманіе то обстоятельство, много ли времени прожили некровные дѣти въ семьѣ; если съ малолѣтства, то они получаютъ равную часть, если же только съ 12-ти или 15-ти лѣтняго возраста, то меньшую *). Дочери, по полученіи ими приданого, обыкновенно

*) Г-жа Ефименко видитъ въ этомъ подтвержденіе тому, что семейная община построена на трудовомъ началѣ (Слово, январь 1878 г., стр. 161). Пріемышь, говоритъ она, имѣетъ такое же право на наследство,

уже не участвуют въ раздѣлѣ. Вообще, читаемъ мы въ одномъ изъ присланныхъ отвѣтовъ, «любовь отца бываетъ обращена на однихъ только сыновей; дочери же почитаются у нихъ, по ихъ же выраженію, за навозъ». Женщина такимъ образомъ играетъ далеко не первенствующую роль въ семьѣ, поэтому никто больше ея и не содѣйствуетъ ея разложенію. Изъ противоположнѣйшихъ концевъ не одной Орловской губерніи, но и всей имперіи, приходятъ извѣстія о томъ, что несогласія и раздоры между женщинами—главнѣйшая причина семейныхъ раздѣловъ.

Семейная община не составляетъ особенности той или другой изъ великорусскихъ губерній. Ее можно встрѣтить и въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губ., гдѣ, по словамъ г. Соловьева, встрѣчаются случаи, что нѣсколькими родственными семействами править дѣдъ, живущій съ семействомъ младшаго изъ своихъ внуковъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ глава каждой отдѣльной семьи совѣтуется съ дѣдомъ и часто исполняетъ его волю *).

Мы встрѣчаемъ ее и въ Самарской губерніи, гдѣ съ существованіемъ ея знакомить насъ г. Матвѣевъ, и въ Курской, въ которой проф. Самоквасовъ нашелъ семью въ 42 человѣка, управляемую выборнымъ старѣйшиною. **) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ рисуютъ намъ эту общину,

какъ и родной сынъ подъ условіемъ такого же труда; меньше труда, меньше права... Приемышъ получаетъ равную часть съ роднымъ сыномъ „когда проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, лѣтъ десять обыкновенно“. Мнѣ кажется, что факты, приведенные въ текстѣ, не только не согласуются съ трудовой или артельной теоріей, но и прямо противорѣчатъ ей. До пятнадцати лѣтъ приемышъ едва ли въ состояніи наработать много для семьи; его трудъ едва покрываетъ издержки его содержанія; если тѣмъ не менѣе такой приемышъ имѣетъ преимущество при наслѣдованіи, то не потому ли, что, принятый съ малолѣтства, вскормленный и воспитанный семьею, онъ гораздо болѣе отвѣчаетъ представленію о сынѣ, нежели принятый въ семью возрастной работникъ.

*) Рукописный очеркъ юрид. об. Мамадышскаго уѣзда, Е. Т. Соловьева.

**) Ист. Русскаго права, стр. 283.

какъ ходячій, распространенный типъ въ средѣ всего великорусскаго крестьянства.

Отъ славянскихъ государствъ Восточной Европы перейдемъ къ представителямъ западнаго германо-романскаго міра. При всей отдаленности ихъ современнаго праваго развитія отъ первоначальныхъ родовыхъ основъ, переживанія изъ эпохи родоваго быта могутъ быть открыты какъ въ Швейцаріи, такъ и во Францію и Испаніи.

Въ *аппенцельскихъ* «Rhoden» сохранились до нашихъ дней слѣды прежнихъ родовъ. Общинное владѣніе, связывавшее еще недавно членовъ этихъ нынѣ административныхъ округовъ, было не болѣе, какъ отраженіемъ родоваго единства въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Нѣчто подобное аппенцельскимъ Rhoden представляютъ такъ наз. Slachten средневѣковаго Дитмаршена. Slacht—старинное наименованіе рода (geschlecht). Въ составъ каждаго изъ нихъ входили лица одной крови, лица, признающія себя родственниками. Они платили и получали виры за убійство, помогали своимъ единокровнымъ, какъ значится въ самыхъ источникахъ—«на водѣ и въ огнѣ» (не видѣтъ ли въ этихъ словахъ указанія на водную и огневую ордалію?). Они являлись также соприсяжниками другъ друга на судѣ и эта обязанность извѣстна была подъ наименованіемъ Slacht nemedē. *)

Если въ наше время родовое устройство составляетъ вымирающую особенность одного Аппенцеля, то того же отнюдь нельзя сказать о среднихъ вѣкахъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ Аллеманами и Баварцами, начало кровнаго единства продержалось весьма долго. Въ Швабскомъ Зерцалѣ родственники выступаютъ на каждомъ шагу. Для примѣра укажемъ хотя бы на запрещеніе приходить въ судъ съ толпою родственниковъ—запрещеніе, указывающее на старинную роль послѣднихъ, какъ присяжниковъ или juratores обвиняемаго, свидѣтельствующихъ подъ присягой его добрую славу. Pfund или совокупность родственниковъ сплошь и рядомъ упоминаются также въ Швейцарскихъ и Баварскихъ граматахъ, о членахъ ихъ говорится какъ о лицахъ, пользующихся совмѣстно правомъ родовой пре-

*) Nitsch. G. der Dittmar. Geschl. Verf. въ Schleswig-Hollsteinische Jahrbücher. Kiel. 1860, B. III, стр. 83 и слѣд.

эмціи и родового выкупа, какъ о наслѣдникахъ сообща въ имуществѣ лица, не оставившаго по себѣ нисходящихъ.

Зная, въ какомъ отношеніи стоитъ семейная община къ родовому союзу, мы вправѣ видѣть доказательство первоначальнаго существованія этого послѣдняго также въ фактѣ современнаго господства семейной общины въ отдѣльных мѣстностяхъ Франціи. Извѣстенъ классическій примѣръ подобной общины—такъ называемой парсонери въ департаментѣ Нievры, описанный еще въ 1840-мъ году Дюшеномъ. *) Семьи, въ нѣскольکو десятковъ человекъ каждая, владѣютъ здѣсь сообща не только землею, но и капиталами, ведя хозяйство на общія средства всѣхъ членовъ. Право наслѣдованія—неизвѣстно, такъ какъ со смертью старшаго главы общины, члены ея сохраняютъ прежнюю связь между собою, продолжая владѣть и эксплуатировать сообща оставшееся по его смерти имущество. Въ одной изъ такихъ общинъ, Les Jaults, Дюпенъ нашелъ тридцать шесть человекъ, занимающихъ нѣсколько зданій. Происхожденіе этого семейнаго союза восходитъ до глубокой древности. Въ семейномъ архивѣ Дюпенъ видѣлъ акты 1500 г., въ которыхъ о парсонери упоминается какъ о существовавшей издавна. По фамиліальнымъ преданіямъ, Les Jaults всегда владѣли землей на правахъ общинныхъ собственниковъ, а не получали ея въ пользованіе отъ феодальныхъ сеньеровъ. Встарину во главѣ парсонери стоялъ обыкновенно старшій по лѣтамъ, въ настоящее время тотъ, кого выберетъ большинство. Избранный ведетъ общее хозяйство, продаетъ и покупаетъ продукты, приобретаетъ и отчуждаетъ землю. Въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ поступаетъ, впрочемъ, не иначе, какъ съ общаго согласія.—Членами союза считаются только мужчины. Дѣвушки получаютъ одно приданое и не имѣютъ затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ правъ на общее имущество. Семейныя общины или парсонери существовали еще недавно на правахъ не рѣдкаго исключенія, а общаго права въ Ниверне и доселѣ попадаются еще въ Оверни и въ Бурбонне; на разстояніи же одного или двухъ столѣтій онѣ были разсѣяны на всемъ протяженіи современной Франціи.

*) Excursion dans la Nièvre, lettre à M-r. Etienne, 22 Sept. 1840, стр. 6, 8 и 9-я.

Guu Coquille, въ своемъ комментарий на средневѣковый кутюмъ Ниверне, говоритъ слѣдующее о семейныхъ общинахъ или парсонеріяхъ. Согласно исконному порядку сельскаго хозяйства, нѣсколько лицъ входятъ въ составъ одного союза и ведутъ сообща хозяйство, которое представляетъ не мало трудностей въ Ниверне, благодаря дурному качеству почвы. Одни изъ этихъ лицъ пахутъ, другіе стерегутъ въ полѣ коровъ и лошадей, третьи служатъ пастухами надъ стадами барановъ и свиней. Каждый получаетъ занятіе сообразно своему возрасту и полу. Семьею завѣдуетъ одинъ человѣкъ, котораго называютъ начальникомъ надъ общиной. Начальникъ этотъ выбирается на должность всѣми членами семьи. Онъ повелѣваетъ надъ всѣми. Онъ ѣздитъ въ города и на ярмарки, продаетъ и покупаетъ продукты, распоряжается движимою собственностью семьи и одинъ вносится въ налоговые списки. Изъ сказаннаго, прибавляетъ комментаторъ, можно прийти къ тому заключенію, что названныя общества—настоящія семьи, и что члены ихъ связаны между собою родствомъ, дружбою и общностью экономическихъ интересовъ, и при томъ такъ сильно, что образуютъ изъ себя какъ бы единое тѣло. По всей вѣроятности, прибавляетъ Кокиль, то раззореніе, которое неминуемо постигаетъ семьи при ихъ раздѣлахъ, побудило древнее законодательство къ принятію слѣдующей мѣры: кто не состоитъ членомъ парсонери, тотъ не вправѣ участвовать въ полученіи наследства, оставляемаго по себѣ кѣмъ либо изъ ея членовъ *).

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какія причины содѣйствовали продолжительному удержанію во Франціи этихъ архаическихъ союзовъ, то едва-ли ошибемся, утверждая, что эти причины кроются, съ одной стороны, въ самыхъ условіяхъ феодальнаго строя, съ другой—въ фискальныхъ интересахъ правительства. Сеньеры были заинтересованы въ томъ, чтобы семьи не раздроблялись, такъ какъ общее имущество являлось въ ихъ глазахъ матеріальной гарантіей неукоснительнаго отправленія барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей и службъ. Аналогія съ русскими порядками въ этомъ случаѣ поразительная. Въ Рос-

*) La coutume de Nivernais. 1864 г. §§ berclages.

си, какъ и во Франціи, семейная община жила подъ покровомъ крѣпостничества и стала исчезать вмѣстѣ съ его паденіемъ. Съ другой стороны, и государство видѣло въ нераздѣльной семейной собственности средство къ вынужденію податной исправности. Круговая порука членовъ парсонери, взаимная отвѣтственность ихъ другъ за друга казались ему, не безъ основанія, залогомъ своевременнаго поступленія въ казну причитающихся съ крестьянъ налоговъ. Послѣдствіемъ такого воззрѣнія, какъ владѣтельныхъ классовъ, такъ и правительства, было проведеніе въ обычное право, въ кутюмы различныхъ мѣстностей Франціи, слѣдующаго правила. Господинъ только тогда не пользуется правомъ участія въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ его крѣпостнаго человѣка, когда семья покойнаго продолжаетъ жить въ нераздѣльности. Что мотивомъ такой мѣры было приведенное выше соображеніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, аналогія съ тѣми порядками, которые по тому же предмету держались еще недавно въ средѣ феодаловъ нашего Кавказа. Въ адатахъ Кабардинцевъ, собранныхъ въ 1844-мъ году, прямо значится, что въ интересахъ удержанія семейной нераздѣльности, обезпечивающей князьямъ и узденямъ своевременное отправленіе крестьянами падающихъ на нихъ службъ, кабардинскіе феодалы требуютъ отъ лицъ, производящихъ раздѣлъ, уплаты имъ опредѣленной части общей семейной собственности.

Я довольно коротко изложилъ устройство французскихъ парсонери, такъ какъ существованіе и характеръ ихъ достаточно выяснены въ литературѣ *).

Гораздо менѣе извѣстно не только русскимъ, но и иностраннымъ юристамъ существованіе подобныхъ-же союзовъ въ *Испанской Галиціи*. Эти союзы подъ наименованіемъ галиційскихъ обществъ, «*Compañias de Galicia*», обнимаютъ собою всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлей и принимающихъ пищу за общимъ столомъ. Члены ихъ владѣютъ въ нераздѣльности какъ недвижимостью, такъ и капиталомъ, и ведутъ хозяйство сообща. Выгоды и потери, которыя терпитъ общество, равномерно распределяются между всѣми. Характерной особенностью этихъ группъ,

*) Карѣвъ. Крестьяне во Франціи, стр. 143.

отличающей ихъ отъ добровольныхъ сообществъ, является кровное родство лицъ, входящихъ въ ихъ составъ, и раздѣленіе прибыли и убытка не сообразно величинѣ внесеннаго каждымъ капитала, а поровну.

Въ составъ общаго имущества не входитъ все пріобрѣтенное отдѣльнымъ членомъ на сторонѣ, безъ содѣйствія капитала общества — черта, отличающая галиційскіе союзы отъ болѣе архаическаго типа осетинскихъ дворовыхъ общинъ. Во главѣ общества стоятъ выбираемое лицо, которымъ обыкновенно является старѣйшій родственникъ. Онъ завѣдуетъ интересами всего союза, управляетъ его собственностью, распределяетъ полевые и домашнія работы, дѣлитъ между членами поголовно получаемыя въ концѣ года доходы и распоряжается общимъ достояніемъ съ совѣта и согласія всѣхъ участниковъ въ немъ. *)

Единственнымъ способомъ прекращенія этихъ союзовъ, если не говорить о вымираніи всѣхъ членовъ, является дѣлежъ, производимый каждый разъ не иначе, какъ съ общаго согласія. — Эти дѣлежи сдѣлались болѣе частыми въ послѣднее время и, по мнѣнію мѣстныхъ юристовъ, повлекли за собою весьма невыгодныя послѣдствія, въ частности — крайнее дробленіе земельной собственности, дѣлающее невозможнымъ разумное веденіе частныхъ хозяйствъ.

Общинный принципъ еще настолько живутъ въ Галиціи, что по образцу только что описанныхъ союзовъ возникали еще недавно искусственныя сообщества лицъ, не родственныхъ одинъ другому. Лица эти соединяли свои земельныя владѣнія и капиталы, эксплуатировали ихъ сообща и дѣлили доходы не по гата личныхъ паевъ, а поголовно и поровну.

Итакъ, отправляясь отъ Индіи и оканчивая западнымъ берегомъ Атлантическаго океана, мы на протяженіи сотенъ тысячъ верстъ, на которомъ раскинулось арійское племя, всюду находимъ то еще вполне жизненные, то вымирающіе слѣды общественнаго устройства, ни въ чемъ не похожаго на современное. Кровное начало — происхожденіе отъ общаго родона-

*) Don Basilio Besada-Vigo. 1849 г. Practica legal sobre foros y companias de Galicia. стр. 141, 143, 148, 158, 159; 163 и 171

чальника мужскаго пола, дѣйствительнаго или легендарнаго, всюду составляетъ его основу. То же кровное начало связываетъ отдѣльныхъ его членовъ и въ землевладѣльческую общину, и въ союзъ круговой помощи и защиты, обуславливая собою одинаково какъ особенности ихъ гражданскаго и уголовнаго права, такъ и ихъ гражданскаго и уголовнаго процесса.

Совокупность тѣхъ признаковъ, въ которыхъ сказывается вліяніе, оказываемое единствомъ крови на характеръ общественныхъ отношеній, обнимается обыкновенно понятіемъ родоваго быта. Употребляя этотъ терминъ, мы вправѣ сказать, что арійскіе народы представляютъ въ своемъ современномъ общественномъ складѣ много переживаній родоваго быта.

Спрашивается теперь, оправдываетъ ли исторія этихъ народовъ ту гипотезу, на которую невольно наводитъ изученіе этихъ переживаній: другими словами, вправѣ ли мы говорить о родовомъ бытѣ, какъ о присущемъ всѣмъ имъ въ равной степени въ самой колыбели ихъ развитія?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы представимъ въ слѣдующей главѣ.

II

Родовой бытъ въ прошедшемъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ представленъ нами рядъ переживаній той стадіи общественнаго развитія, которая характеризуется господствомъ кровнаго начала; эти переживанія только въ томъ случаѣ могутъ быть признаны доказательствомъ родоваго характера отношеній у древнихъ арійцевъ, если въ историческихъ свидѣтельствахъ, данныхъ языка и миѳологіи мы не найдемъ ничего противорѣчащаго такому положенію. Отсюда необходимость предварительнаго изученія этихъ данныхъ и проверки ими уже добытыхъ результатовъ.

Древнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ арійцевъ—тѣ, которыя сообщаетъ намъ Ригъ-Веда, сборникъ религіозныхъ гимновъ, всего менѣе рассчитанныхъ, разумѣется, на то, чтобы быть описаніемъ юридическихъ обычаевъ. Въ этихъ гимнахъ, въ тѣхъ обращеніяхъ, какія молящійся дѣлаетъ различнымъ божествамъ индусскаго пантеона, неоднократно попадаются отдѣльные слова и цѣлыя выраженія для обозначенія слѣдующихъ понятій: понятія племени, рода, села, большой и малой семьи. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ стиховъ, въ которыхъ попадаются эти термины. Слово «јапа», племя, употребляется Ригъ-Ведою въ приложеніи къ Баратамъ, одному изъ арійскихъ народцевъ Индіи. Короля или раджу ихъ Ригъ-Веда называетъ въ одномъ мѣстѣ—«јапаса», племенной—доказательство тому, что король стоялъ во главѣ племени.

Первостепеннымъ подраздѣленіемъ по отношенію къ «jana», племени, является «Viç» — родъ. Ригъ-Веда упоминаетъ о нѣсколькихъ «Viç», какъ образующихъ своимъ соединеніемъ племя Баратовъ. О королѣ говорится въ Ригъ-Ведѣ, какъ о лицѣ, котораго «желаютъ видѣть во главѣ себя всѣ роды (viç) одного и того же племени—«jana».

Родъ «Viç» занимаетъ своими членами нерѣдко нѣсколько селеній (gâma). Эти селенія составлены изъ большого или меньшаго числа дворовъ, всѣ члены которыхъ родственны между собою; другими словами, родъ развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ подраздѣленій и каждое изъ послѣднихъ составляютъ ближайшіе родственники, обозначаемые словомъ «subandhu». Самое же подраздѣленіе носить наименованіе «janman'a». Въ одномъ изъ гимновъ мы читаемъ: кто желаетъ имѣть на своей сторонѣ отца боговъ, тотъ да приноситъ ему жертвоприношенія. Исполняющему это предписаніе гимнъ обѣщаетъ добычу отъ непріятелей и богатство отъ людей; это богатство, значится въ немъ, доставятъ ему племя (jana), село (viç), союзъ болѣе близкихъ родственниковъ (janman) и, наконецъ, его семья (putrass). Въ этомъ перечисленіи одинъ за другимъ слѣдуютъ тѣ союзы, въ которыхъ проходила жизнь древнихъ арійцевъ: племя, родъ, большая и малая семья. Это тѣ самые союзы, которые на правахъ переживаній доселѣ продолжаютъ держаться въ нѣкоторыхъ частяхъ Индостана.

Замѣчательно при этомъ, что терминъ, употребляемый Ригъ-Ведою для обозначенія союза ближайшихъ родственниковъ, или «janman», часто стоитъ на мѣстѣ «gâma» — наименованія села, обстоятельство, на основаніи котораго Циммеръ, авторъ сочиненія, озаглавленнаго «Жизнь древнихъ Индійцевъ», позволяетъ себѣ утверждать, что у древнихъ Индусовъ жители села были между собою въ родствѣ, другими словами, что село было не иное что, какъ осѣвшійся родъ или подраздѣленіе рода.

Только что указанная организація владетъ свой отпечатокъ и на устройство индусскаго войска. Гимны Ригъ-Веды, упоминая о подраздѣленіяхъ арміи, употребляютъ слово «Viç» — родъ (Viçamviçam). Нерѣдко также они говорятъ о «Viçah» воюющихъ, другими словами — о «родахъ», члены ко-

торыхъ сплошною массою идутъ на непріятеля, составляя изъ себя одно изъ подраздѣленій войска—племени. Общественная организація, сказали мы, отражается и на устройствѣ индусскаго войска; мы бы могли выразиться—цѣликомъ переносится на него. Поэтому, слѣдуя подраздѣленію племени на роды, союзы болѣе близкихъ родственниковъ и малыя семьи, индусское войско не только распадается на родовыя отряды, но и эти послѣдніе дѣлятся на второстепенныя группы, при чемъ связующимъ началомъ между воюющими боги о боги является кровное родство. Вотъ почему также о начальникахъ низшихъ подраздѣленій войска говорится, какъ о семейныхъ главахъ (Kularā). Эти «Kularā» приводятъ свои отряды начальнику сельскаго войска (Vgajarati), который въ свою очередь, соединяясь съ предводителями другихъ сельскихъ отрядовъ, образуетъ родовой отрядъ; соединеніе же нѣсколькихъ такихъ отрядовъ и составляетъ войско племени. Обратимъ при этомъ вниманіе на то обстоятельство, что о лицахъ, входящихъ въ сельскій отрядъ, гимны Ригъ-Веды говорятъ какъ о родственникахъ. — Итакъ войсковое устройство древнихъ Индусовъ проникнуто кровнымъ началомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и общественное, другими словами, оно—снимокъ съ послѣдняго*).

Свѣдѣнія, доставляемыя намъ Ригъ-Ведою о родовомъ бытѣ древнихъ Индусовъ, восполняются тѣми, которыя на этотъ счетъ содержатъ древнѣйшіе памятники индусскаго права. Въ сводѣ Ману этотъ бытъ, правда, является уже болѣе или мене разложившимся, но это обстоятельство не имѣетъ для насъ большаго значенія, разъ мы признаемъ вмѣстѣ съ Максъ-Мюллеромъ и Мэномъ сравнительно позднее происхождение какъ самаго свода, такъ и дошедшей до насъ редакціи его. Браминское право неблагопріятно родовой нераздѣльности: чѣмъ больше семей, тѣмъ больше число жертвенныхъ очаговъ и тѣмъ значительнѣе пожертвованія, дѣлаемыя въ пользу жреческаго сословія. Не удивительно поэтому, если Ману не только дозволяетъ, но и рекомендуетъ семейныя раздѣлы. Послѣдствіемъ ихъ является постоянное увеличеніе числа жертвоприношеній, такъ какъ каж-

*) Altindisches Leben, von Heinrich Zimmer. Berlin, 1876 г. стр. 159—162.

дое изъ отдѣлившихся семействъ поддерживаетъ свой домашній культъ. Поэтому раздѣлъ семей согласенъ съ закономъ *).

Провода то же воззрѣніе, одинъ изъ новѣйшихъ индусскихъ сводовъ, Віаса, слѣдующимъ образомъ высказываетъ свое отношеніе къ раздѣламъ. «Культъ предковъ», значитъ въ немъ, «имѣеть несомнѣнно меньшее число очаговъ въ томъ случаѣ, когда родственники живутъ вмѣстѣ; отсюда—польза и даже необходимость семейныхъ раздѣловъ для душъ усопшихъ предковъ **).

Другой сводъ, Куллука, въ тѣхъ же видахъ называетъ семейные раздѣлы похвальными ***). Еще другая причина побуждаетъ браминское право стать на сторону раздѣловъ, сдѣлаться антагонистомъ архаическаго начала недѣлимой и неотчуждаемой родовой и семейной собственности. Эта причина лежитъ именно въ этой неотчуждаемости, или по меньшей мѣрѣ затруднительности отчужденія. Отчужденіе родовой собственности предполагаетъ согласіе всѣхъ членовъ кровнаго союза; такое согласіе достигается не легко. А между тѣмъ даренія, иначе говоря, безвозмездныя отчужденія — тотъ источникъ, изъ котораго жреческое сословіе почерпаетъ средства для своего существованія. Мыслимо-ли послѣ этого сочувственное отношеніе съ его стороны къ началу родоваго и семейнаго единства, дальнѣйшее удержаніе котораго препятствуетъ накопленію недвижной собственности въ его рукахъ? Очевидно, что нѣтъ. Всячески содѣйствуя его разложенію, индусскіе своды, не исключая и Ману, поставлены въ то же время въ необходимость неоднократно упоминать о немъ, хотя бы для того, чтобы установить нѣкоторыя границы по отношенію къ его дальнѣйшему дѣйствію. По смерти отца и матери, постановляетъ статья 105 книги IX, старшій сынъ вступаетъ въ управленіе всѣмъ достояніемъ семьи; остальные братья живутъ подъ его попечительствомъ, подобно тому, какъ прежде они жили подъ попечительствомъ отца ****).

Что значатъ эти постановленія, какъ не то, что собственностью, по своду Ману, владѣютъ не частныя лица, а нераздѣль-

*) Ману, кн. IX, §§ III.

**) Ковалевскій. Общинное землевладѣніе, стр. 114.

***) Mayne. Hindu Law and Usage, стр. 192.

****) Ковалевскій; стр. 91.

ныя семьи, члены которыхъ связаны между собою какъ общностью экономическихъ интересовъ, такъ и кровнымъ родствомъ; что старшему родственнику въ нихъ (отцу или старшему брату, по смерти отца), принадлежить только завѣдываніе общимъ достояніемъ семьи, распоряженіе же семейной собственностью сосредоточивается въ рукахъ всей совокупности ея членовъ. Обнимаемая однимъ словомъ эти различные признаки, мы не ошибемся, утверждая, что своду Ману извѣстна большая семья или семейная община.

Если новѣйшіе своды еще содержатъ въ себѣ слѣды прежняго родового единства, то по отношенію къ болѣе раннимъ, менѣе проникнутымъ разлагающимъ вліяніемъ браманизма, можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ кровное начало является вполне жизненнымъ и опредѣляетъ собою различнѣйшія проявленія общественности.

Одинъ изъ древнихъ сводовъ, Ушанасъ *), говоря о недвижимой собственности, принадлежащей цѣлому роду, объявляетъ ее недѣлимой. Вотъ буквальный переводъ самаго текста: «собственность нераздѣльна между родственниками, состоящими между собою даже въ тысячной степени родства».**) Митакшара къ этой чертѣ родового землевладѣнія присоединяетъ еще слѣдующую. По отношенію къ недвижимой собственности отчужденіе не дозволяется (очевидно, управителю родового или семейнаго достоянія), а въ другомъ мѣстѣ: земля переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія шестью различными способами, въ числѣ которыхъ стоитъ «согласіе родственниковъ» и, какъ отдѣльный способъ, «согласіе наслѣдниковъ»; другими словами: распоряженіе и въ частности отчужденіе недвижимой собственности зависитъ не отъ воли лица, стоящаго во главѣ рода или семейства, а отъ согласія всѣхъ членовъ родового союза (всѣхъ родственниковъ) и всѣхъ членовъ семейнаго союза (всѣхъ возможныхъ наслѣдниковъ). — Итакъ нераздѣльная и неотчуждаемая родовая и семейная собственность извѣстны древнему индусскому праву. Развитие послѣдняго отправляется отъ эпохи существованія такой собственности, а слѣдовательно и тѣхъ

*) См. Monier Williams, Indian Wisdom стр. 304.

**) Mayr, Das indische Erbrecht, стр. 51.

союзовъ, по отношенію къ которымъ она является матеріальной основой.

Отъ этой родовой нераздѣльности и неотчуждаемости позднѣйшее право унаслѣдовало цѣлый рядъ характерныхъ особенностей. Ею объясняется между прочимъ существованіе, если не въ писанномъ, то въ обычномъ правѣ, такъ наз. родовой преэмпціи, другими словами, — предпочтительной покупки родственниками участка, отчуждаемаго къмъ либо изъ ихъ среды *).

Только что приведенные тексты являются впрочемъ единственными указаніями на существованіе рядомъ съ нераздѣльной семейной собственностью собственности болѣе численныхъ по своему составу кровныхъ союзовъ, другими словами, родовъ. Большинство индусскихъ сводовъ застаютъ уже населеніе на той стадіи развитія, при которой отъ первоначальнаго родоваго единства сохраняется одно единство семейное, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ семьею не союзы однихъ родителей и дѣтей, а всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлею и участвующихъ въ жертвоприношеніи общему предку (*sapindas*). Въ составъ этой нераздѣльной семьи входятъ, по описанію Бодааны, одного изъ раннихъ сводовъ, прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сыновья, внуки и правнуки**), очевидно каждый со своею семьею. По составу своему семейная община древнихъ индусскихъ сводовъ не отличается такимъ образомъ ничѣмъ отъ тѣхъ семейныхъ общинъ, которыя на протяженіи всего арійскаго міра, а въ томъ числѣ и самой Индіи, попадаются и по настоящее время на правахъ переживаній, — это та же большая великорусская семья или юго-славянская задруга. Во главѣ ея стоитъ старшій по возрасту, поэтому всегда отецъ семьи, по смерти же его старшій сынъ. Завѣдываніе семейнымъ имуществомъ сосредоточивается въ рукахъ главы, остальные члены семьи вправѣ требовать содержанія, но не могутъ вынуждать раздѣла или настаивать на производствѣ имъ выдѣла изъ семейной собственности. Отчужденіе требуетъ согласія всѣхъ членовъ семьи. Все прибрѣтенное частнымъ лицомъ поступаетъ на первыхъ порахъ въ общую

*) Mayne, Hindu law and usage, стр. 187.

**) Maine. Early law and usage, стр. 112.

казну, идетъ на удовлетвореніе общихъ потребностей. И это не удивительно. При слабомъ развитіи обмѣна и господствѣ домашняго производства, заработокъ на сторонѣ былъ фактически невозможенъ. Понятно поэтому, если въ древнѣйшій періодъ самый вопросъ о томъ, что входитъ въ составъ общаго имущества, а что составляетъ частную собственность, «rescilium» того или другаго изъ членовъ семьи, употребляя римскую терминологию, вовсе не могъ быть поставленъ. А это обстоятельство въ свою очередь породило слѣдующія послѣдствія. Когда развитіе обмѣна вызвало желаніе изготовлять цѣнности для удовлетворенія не однихъ личныхъ или семейныхъ потребностей, но и потребностей постороннихъ лицъ или семей, и эти цѣнности приобрѣли рыночную цѣну, то прежній порядокъ поступленія въ общую казну продуктовъ частнаго труда ея членовъ сказался на порядкѣ распоряженія личными заработками. Одна треть этихъ заработковъ начала поступать въ семейную казну двѣ трети удерживаемы были самимъ приобрѣтателемъ *). Съ теченіемъ времени постепенно установилось воззрѣніе, что только тѣ цѣнности, которыя были приобрѣтены частнымъ лицомъ безъ содѣйствія семейнаго имущества, становятся его личною собственностью; всѣ же остальные признаются собственностью семейною. Вопросъ о томъ, какіе виды приобрѣтаемыхъ цѣнностей должны быть отнесены къ той или другой категоріи, рѣшался различно въ разныя эпохи правоваго развитія Индусовъ. Повидимому, право личной собственности было признано прежде всего по отношенію къ добычѣ, отнятой у непріятели, такъ какъ прямымъ источникомъ приобрѣтенія подобной добычи является личное удаство, личная энергія и храбрость. Нѣсколько позднѣе индусскіе своды признали право личной собственности и по отношенію къ цѣностямъ, добытымъ личнымъ знаніемъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ индусское право выставляетъ однако слѣдующее ограниченіе: необходимо, чтобы приобрѣтеніе чего-либо храбростью или знаніемъ произошло безъ содѣйствія или помощи со стороны семейнаго капитала. Поэтому, разъ частное лицо получаетъ воспитаніе на счетъ

*) Vasishtha, 25, цитируемая Mayer, Indisches Erbrecht, стр. 29.

семьи, все позднейшие приобретения, сделанные имъ съ помощью накопленнаго знанія, поступаютъ уже не къ нему, а къ семьѣ. Точно также, если въ походѣ частное лицо пользовалось семейной колесницей или семейнымъ оружіемъ, его добыча идетъ на пользу всей семьи, а не составляетъ исключительнаго достоинства его одного.

Съ этой точки зрѣнія къ числу цѣнностей, поступающихъ въ личную, а не семейную собственность, отнесено было со временемъ не только приносимое женою приданое, но и приобретенная ею на личные средства, послѣ предварительнаго отчужденія семьей, наследственная собственность послѣдней.

Дальнейшій процессъ разложенія семейной собственности не входитъ въ область нашего изученія. Мы ограничимся поэтому только краткимъ указаніемъ тѣхъ сторонъ быта, на которыхъ всего нагляднѣе отразился этотъ процессъ.

Въ Митакшарѣ, сравнительно близкомъ къ намъ по времени памятникѣ индусскаго законодательства, право требовать выдѣла изъ семейной собственности признается за сыномъ даже при жизни отца и матери; права этого отнюдь не признаютъ за нимъ древнѣйшіе своды. Въ этой возможности ежечаснаго выхода изъ семьи съ сохраненіемъ причитающейся доли семейной собственности сказывается перемѣна въ самыхъ воззрѣніяхъ на характеръ и цѣли, преслѣдуемыя семейной общиной. Союзъ, опирающійся на кровное начало, скрѣпляемый родственными узами его членовъ, современемъ становится чѣмъ-то похожимъ на основанную на паяхъ производительную ассоціацію, выходъ изъ которой съ возвращеніемъ пая дозволяется въ каждый данный моментъ.

Другимъ проявленіемъ того же процесса разложенія семейнаго единства и упадка поддерживающаго его кровнаго начала является большая, сравнительно съ прежнимъ, свобода отчужденій. Митакшара допускаетъ дареніе изъ недвижной семейной собственности, какъ со стороны отца, такъ и со стороны любаго изъ членовъ семьи, но подъ однимъ условіемъ, чтобы такое дареніе производимо было съ благочестивой цѣлью, другими словами—въ пользу касты жрецовъ-браминовъ. Катаяна, Гарипта и другіе новѣйшіе своды признаютъ, въ свою очередь, дѣй-

ствительными тѣ даренія, которыя въ пользу духовенства произведены будутъ кѣмъ-либо на смертномъ одрѣ. Поступая такимъ образомъ, они кладутъ начало завѣщательному праву, о которомъ въ древнѣйшихъ сводахъ нѣтъ и помину *).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что какъ въ эпоху Ригведы, такъ и ко времени составленія древнѣйшихъ сводовъ, индусское общество жило родовыми союзами, обломками которыхъ являются современные семейныя общины. Какъ и повсюду, родовой бытъ приходитъ у Индусовъ въ упадокъ съ момента замѣны натурального хозяйства хозяйствомъ денежнымъ, съ развитіемъ обмѣна и появленіемъ мѣновыхъ цѣнностей. Разложенію его способствовали въ значительной степени тотъ антагонизмъ, какой нераздѣльность и неотчуждаемость родовой и семейной собственности должны были вызвать въ членахъ жреческой касты. Подъ вліяніемъ браманизма, позднѣйшее право благоприятствуетъ раздѣламъ и вводитъ совершенно новое начало свободы дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій, практическое же примѣненіе этихъ началъ въ конечномъ результатѣ приводитъ къ совершенному вымиранію архаическаго принципа кровнаго единства.

Отъ Индусовъ мы перейдемъ къ Иранцамъ. Древнѣйшія данныя объ общественномъ ихъ бытѣ даетъ намъ Геродотъ. Въ части первой кн. 125 онъ говоритъ, что Персы распадались на 10 родовъ, которые въ свою очередь обнимали нѣсколько колѣнъ, обозначаемыхъ имъ греческимъ терминомъ «фратрій». Въ древнемъ памятникѣ Зендской литературы—въ Вендидадѣ—мы находимъ матеріалъ для провѣрки и восполненія вышеприведеннаго свидѣтельства. Этотъ памятникъ упоминаетъ о существованіи у древнихъ Персовъ слѣдующихъ общественныхъ союзовъ: 1) лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ; наименованіе этого союза «пшара». Онъ составляетъ низшее подраздѣленіе персидскаго общества. За нимъ слѣдуетъ; 2) родъ—«vīç». Замѣтимъ, что родъ на языкѣ персовъ носитъ то же наименованіе, какое принадлежитъ ему въ древнѣйшемъ патятикѣ Санскритской литературы—въ Ригъ-Ведѣ. Еще болѣе численный союзъ составляетъ; 3) племя—«zantu». Такъ какъ нѣсколько

*) Маурс, гл. VIII и X.

племень нерѣдко поселены бываютъ въ предѣлахъ одной и той же области, то 4) область (daghu) является какъ бы высшимъ, не только территориальнымъ, но и личнымъ союзомъ по отношенію къ племени. Только приблизительное понятіе о числѣ членовъ каждаго изъ этихъ союзовъ даетъ напечатанный Бюрнуфомъ отрывокъ изъ «Яджна». Въ этомъ отрывкѣ Нериозенгъ говоритъ о «пшапа», какъ о союзѣ мужа и жены; такимъ образомъ «пшапа» есть не иное что, какъ малая семья. «Viç», по его словамъ, заключаетъ въ себѣ пятнадцать паръ, «zantu» — 30, daghu — 50. Очевидно, что въ приведенномъ текстѣ нельзя видѣть доказательства численной опредѣленности личнаго состава вышеупомянутыхъ кровныхъ союзовъ. Онъ могъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ больше или меньше названнаго. Тѣмъ не менѣе только-что упомянутыя числовыя данныя не лишены для насъ интереса. Изъ нихъ видно, что процессъ разложенія кровныхъ союзовъ достигъ у древнихъ Персовъ той степени развитія, при которой происходитъ выдѣленіе малой семьи и образование изъ нея самостоятельнаго союза, члены котораго — мужъ, жена и дѣти живутъ особнякомъ отъ другихъ родственниковъ въ своемъ домѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ о личномъ составѣ различныхъ общественныхъ группъ у древнихъ Персовъ мы можемъ прибавить слѣдующее о характерѣ управленія ими. Каждая состоитъ въ завѣдываніи и подъ начальствомъ особаго главы. Этимъ главою является старшій родственникъ: въ семьѣ отецъ, въ родѣ — родовою, а въ племени — племенной старшина. Тогда какъ у Индусовъ въ эпоху появленія Ригъ-Веды село — «grama» — представляло уже нѣчто отличное отъ рода — «viç», какъ слѣдуетъ изъ самаго факта обозначенія его особымъ терминомъ, у Персовъ родъ совпадаетъ съ селеніемъ: одно и то же слово «viç» выражаетъ собою какъ то, такъ и другое понятіе. Это очевидно объясняется только тѣмъ, что село было не болѣе, какъ осѣвшимися родомъ, и такимъ образомъ прямо подтверждаетъ мысль о родовомъ бытѣ, какъ объ исходномъ моментѣ развитія у Иранцевъ *). Таковы тѣ отрывочныя и скудныя указанія, какими

*) Ostiranische Kultur im Altertum, von W. Geiger, стр. 412.

располагаетъ изслѣдователь древнѣйшаго быта Персовъ. При всей ихъ неполнотѣ, они все же даютъ въ результатъ право утверждать, что общественное развитіе Персовъ, подобно индусскому, открывается эпохой господства кровныхъ союзовъ.

Чтобы погончить съ арійскими народностями древняго міра, намъ необходимо остановиться еще на характеристикѣ общественного устройства *Грековъ и Римлянъ*.

Замѣтимъ съ самаго начала, что наши свѣдѣнія по этому вопросу далеко не отличаются обиліемъ и полнотою. Причина тому лежитъ въ недостаточности источниковъ. Если не говорить объ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*, въ которыхъ, какъ и во всякаго рода эпическихъ поэмѣхъ, самыя условія народнаго быта затрогиваются только инцидентно, все, что мы знаемъ о древнѣйшемъ строѣ общественныхъ отношеній у грековъ, сводится, по справедливому замѣчанію Гильберта, къ отрывочнымъ указаніямъ позднѣйшихъ по времени «грамматиковъ» и «лексикографовъ». *)

Еще скуднѣе тѣ свѣдѣнія, какія для рѣшенія поставленнаго вопроса заключаютъ въ себѣ римскіе источники. Изслѣдователи греческихъ древностей въ состояніи опереться по крайней мѣрѣ на тѣ, правда, неполныя и случайныя указанія, какія по занимающимъ ихъ вопросамъ представляютъ гомеровскія эпопеи; ничего подобнаго имъ не имѣетъ передъ собою занимающійся римскими древностями. Все, чѣмъ онъ располагаетъ, сводится къ записаннымъ анналистами народнымъ легендамъ или къ отрывочнымъ и, главное, позднимъ свидѣтельствамъ законовъ двѣнадцати таблицъ и Институцій Гая.

Неудивительно, если въ виду такого состоянія источниковъ мы поставлены въ необходимость совершенно отказаться отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, — и въ частности вопроса о древнѣйшемъ характерѣ греческихъ и римскихъ родовъ, и ограничиться поневолѣ изученіемъ скорѣе переживаній родоваго быта у классическихъ народовъ, нежели исторіи его происхожденія и развитія.

Ограничивая такимъ образомъ нашу задачу, мы начнемъ съ констатированія факта существованія въ легендарной Греціи,

*) Handbuch der griechischen Staatsalterthümer.

съ одной стороны, родовыхъ, съ другой—семейныхъ общинъ. Илиада и Одиссея равно упоминають о нихъ, описывая устройство греческаго войска. Наиболее рѣшительное указаніе на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ слѣдующіе два стиха Илиады, которые мы приведемъ цѣликомъ въ переводѣ Гнѣдича. Во II пѣснѣ Гомеръ, передавая содержаніе совѣта, даннаго Агамемнону Несторомъ, влагаеть въ уста послѣдняго, между прочимъ, слѣдующія слова:

Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племена племю.
(Стихъ 362 и 363). *)

Военное устройство древнихъ грековъ очевидно было снимкомъ съ гражданскаго, точь въ точь какъ мы видѣли это въ древней Индіи. Отсюда то заключеніе, что и въ мирное время греки времени Гомера жили тѣми же родовыми и семейными общинами, изъ которыхъ состояли низшія и второстепенныя дѣленія ихъ войска. Родовое начало сказывается также въ легендарной Греціи въ господствѣ кровнаго возмездія, осуществляемаго не одними ближайшими, но и отдаленными родственниками и даже свойственниками потерпѣвшаго въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мстителями являются сыновья и отецъ; затѣмъ—братья, сперва родные, а потомъ двоюродные **). Опасеніе мести со стороны братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, убитаго имъ соотечественника, побуждаетъ Теоклимена искать убѣжища у Телемаха, какъ рассказываетъ о томъ Одиссея. Весьма характеренъ также совѣтъ влагаемый Илиадой въ уста Дейфоба: «Отомсти, говоритъ онъ Энею, за смерть твоего зятя Алката, убитаго въ сраженіи Идоменеемъ, въ этомъ твоя прямая обязанность ***). Въ исторической Греціи организація, основанная на кровномъ началѣ, встрѣчается одинаково какъ у дорійской, такъ и іоній

*) См. также Одиссею, пѣснь XV, ст. 409, и XIX, ст. 377. Thonissen. Le droit criminel de la Grèce légendaire.

**) Leist, Graeco-Italische Rechtsgeschichte, стр. 42.

***) Buchholz. Die Homerischen Realien. Т. II, I Abth. S. 79 Т. II, zweite Abth. S. 37.

свой народности, и въ частности у ихъ главныхъ представителей—Спартанцевъ и Аѳинянъ.

Спартіаты (въ тѣсномъ смыслѣ, не включая въ ихъ число періойковъ и гелотовъ), какъ видно изъ Геродота, дѣлились на три вѣтви, названія которымъ—Гиллеи, Диманы и Памфилы. Каждая изъ этихъ вѣтвей считала себя происходящей отъ одного изъ сыновей Дора, родоначальника всѣхъ Дорійцевъ. Замѣчательно, что тѣ же три вѣтви встрѣчаются въ любомъ изъ дорическихъ государствъ. Каждая изъ нихъ распадается въ свою очередь на тридцать «объ» или «фратрій». Древность этихъ дѣлений выступаетъ уже изъ того факта, что къ нимъ приурочены древнѣйшія изъ публичныхъ должностей Спарты: такъ, напр., Герузію, или аристократическій сенатъ, составляютъ 30 геронтовъ, по десяти отъ каждаго изъ родовъ; каждый изъ родовъ поставляетъ по 100 всадниковъ, въ общемъ 300 и т. п.— Вотъ все, что намъ извѣстно о родовомъ устройствѣ древней Спарты. Слѣдомъ этого родового устройства до послѣднихъ годовъ существованія Спартанской республики остаются тѣ нераздѣльныя семьи, о которыхъ со словъ Тимея говоритъ Полибій, разумѣя подъ ними естественные союзы, составленные изъ братьевъ, продолжающихъ владѣть сообща имуществомъ, послѣ смерти родителя, жить подъ одною кровлею и совершать жертвоприношенія предкамъ на семейномъ очагѣ. Распорядителемъ общаго семейнаго имущества и представителемъ остальныхъ братьевъ въ ихъ сношеніяхъ съ публичными властями является старшій братъ, носящій характерное названіе «поддерживателя семейнаго очага» *).

Отъ Спарты перейдемъ къ Аѳинямъ. Въ основѣ общественнаго устройства Аѳинянъ до времени Клизона лежитъ подраздѣленіе ихъ на 4 филы—Гелеонтовъ, Гоплитовъ, Эгикореевъ и Аргадеевъ. Подобно дорическимъ, іоническія филы производятъ себя отъ общаго родоначальника Иона. Названіе послѣднихъ трехъ филъ въ буквальной переводѣ указываетъ на важнѣйшее занятіе, которому предавались ихъ члены. Гоплиты—воины, Эгикореи—пастухи, Аргадеи—земледѣльцы. Въ противополож-

*) *Institutions sociales de Sparte*, par Claudio Janet, 2 éd., стр. 22 и 88.

ность прежним толкователямъ, видѣвшимъ въ дѣленіи на филы своего рода кастическое устройство, новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что названія отдѣльныхъ филъ указываютъ только на преобладаніе извѣстныхъ занятій въ тѣхъ территоріальныхъ округахъ, къ которымъ приурочены были современемъ отдѣльныя филы *). Какъ дѣленіе на три филы встрѣчается въ любой изъ дорійскихъ «политій», такъ точно дѣленіе на 4 филы попадаетъ сплошь и рядомъ въ древнѣйшихъ колоніяхъ, основанныхъ Іонійцами. Оно замѣтно возрастаетъ въ позднѣйшихъ. Наибольшее число филъ встрѣчаемъ мы въ Милетѣ, счетомъ 12 **). Въ нашу задачу не входитъ обстоятельная характеристика этихъ союзовъ. Мы ограничимся поэтому замѣчаніемъ, что въ историческую эпоху въ нихъ слѣдуетъ видѣть союзы религіознаго характера. Какъ таковые, филы являются очагами культа, совершаемаго каждой въ честь ея specialнаго патрона — бога или героя. Заботы объ этомъ культѣ возлагаются на особаго начальника фило-базилевса ***). Филы являются каждая соединеніемъ трехъ фратрій, также религіозныхъ союзовъ по преимуществу. Фратріи распадутся всѣ вмѣстѣ на 360 геносовъ, считая по 30 на каждую фратрію. Грамматики и лексикографы, которымъ мы обязаны нашими свѣдѣніями объ этой своеобразной организаціи, прибавляютъ, что каждый геносъ въ свою очередь состоялъ изъ 30 семействъ. Гроть справедливо видить въ такой строгой численной опредѣленности не болѣе, какъ вымыселъ какого-то изобрѣтательнаго археолога, который, отправляясь отъ числа мѣсяцевъ въ году и числа дней въ мѣсяцѣ, придумалъ для древнѣйшаго періода аѳинской жизни эту весьма искусственную систему. Наше вниманіе останавливаетъ въ ней только фактъ включенія въ фратрію нѣсколькихъ геносовъ и составленіе послѣднихъ изъ ряда семействъ. Если мы зададимся вопросомъ о томъ, что связывало между собою членовъ этихъ геносовъ, то въ отвѣтъ на это мы должны будемъ поставить на первомъ планѣ: 1) культъ общаго предка, обык-

*) Gilbert. Handbuch der Griechischen Staatsalterthümer, стр. 110.

***) Arnold Hug. Studien aus dem klassischen Alterthum, стр. 2.

***) За болѣе подробною характеристикой филъ и фратрій мы отсылаемъ читателя къ Фустиелю — «Гражданская община античнаго міра», ч. II, гл. I.

новенно признаваемого геносомъ за его родоначальника; 2) общее мѣсто для погребенія; 3) обязанность взаимной поддержки и защиты на судѣ; 4) нерѣдкое существованіе общей родовой собственности; 5) право вступать въ бракъ съ сиротами-наслѣдниками всего оставленнаго отцомъ имущества — эпиклерами; 6) право взаимнаго наслѣдованія, въ случаѣ окончательнаго вымиранія той или другой семьи. Характерную особенность аѳинскихъ геносовъ въ эпоху нашего ближайшаго знакомства съ ними составляетъ сообщаемый Поллуксомъ фактъ, что члены ихъ не всегда были родственниками, хотя и приписывали себѣ общее происхожденіе, нерѣдко даже въ 16 степени, отъ какаго нибудь бога или героя — доказательство тому, что къ составу геносовъ частныя лица и цѣлыя семьи причисляемы были нерѣдко и на основаніи искусственнаго родства, каждый разъ создаваемого путемъ усыновленія *).

Въ недавно появившемся сочиненіи Лейста—Graeco-Italische Rechtsgeschichte—сдѣлана попытка соединить во едино всѣ тѣ отрывочныя указанія, какія источники даютъ намъ о гентильной организаціи древнихъ Аѳинъ. Характеръ матеріала — причина тому, что пѣмецкій ученый прибавляетъ сравнительно мало новаго къ тому, что раньше его было извѣстно на этотъ счетъ. Любопытнѣйшій результатъ его изслѣдованій представляетъ въ моихъ глазахъ тотъ выводъ, что внутренняя организація греческаго геноса была та же, что и внутренняя организація индійскаго рода: что подобно тому, какъ въ Индіи между родственниками различались ближайшіе — восходящіе и нисходящіе въ трехъ степеняхъ, именуемые терминомъ *śarīnda* и болѣе отдаленные члены рода—*śaśānōdase*,—такъ точно въ греческомъ—мы встрѣчаемъ противоположеніе тѣхъ и другихъ: — первыхъ подъ названіемъ *anchisteis* и вторыхъ — *aperiadōi*. Только на первыхъ одинаково въ Индіи и Греціи падала ближайшая обязанность погребенія и почитанія мертвыхъ. Она переходила на послѣднихъ только при совершенномъ ихъ вымираніи. Положеніемъ, занимаемымъ ими по отношенію къ погребенію и къ культу усопшихъ, опредѣляются и дальнѣйшія ихъ права - обя-

*) Grote. Исторія Греціи, ч. II, гл. III.

занности по отношенію къ родству, въ частности обязанность продолжать родъ усопшаго въ случаѣ его бездѣтной смерти. Достигается эта цѣль двоякимъ образомъ: или тѣмъ, что ближайшій родственникъ изъ числа *anchisteis* беретъ себѣ въ жены старшую дочь покойнаго (эпиклеру), наслѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ и оставленное ея отцомъ имущество; или же, при необеспеченности сироты и нежеланіи вступить съ ней въ бракъ, дѣлаетъ ей приданое въ положенномъ закономъ размѣрѣ и выдаетъ ее замужъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково дѣти, рожденныя отъ такого брака съ эпиклерой, считаются дѣтьми ея покойнаго отца и продолжателями семейнаго культа.

Изъ сказаннаго видно, что наслѣдованіе у Аѳинянъ идетъ за одно съ обязанностью поддержанія культа предковъ и обусловленной имъ необходимости не дать угаснуть роду. То же можетъ быть сказано и о кровной мести. Она также, какъ и право наслѣдованія, падаетъ на ближайшаго по степени родства *anchisteis*. Въ историческую эпоху отъ этой обязанности мести удержалось одно лишь преимущественное право обжалованія тѣми же ближайшими *anchisteis* преступленій, совершенныхъ надъ ихъ единокровными. Изъ того же источника вытекало право ихъ не свидѣтельствовать на судѣ противъ родственника или выступать въ его защиту и право быть опекуномъ въ случаѣ сумасшествія кого либо изъ ихъ среды *).

Генось, сказали мы, состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Эти семьи являлись въ Аѳинахъ такими же землевладѣльческими общинами, какими были онѣ въ Спартѣ. Отсутствие на первыхъ порахъ права завѣщательнаго распоряженія (установленіе послѣдняго приписывается Солону), ограниченіе правоспособности усыновленія случаями отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ и т. д. являются не болѣе, какъ частными послѣдствіями того общаго начала, въ силу котораго отецъ семьи являлся только пожизненнымъ управителемъ ея имущества и лишень былъ права свободнаго распоряженія послѣднимъ. Со смертью отца семья не распадалась: раздѣлъ не всегда имѣлъ мѣсто между братьями и они нерѣдко продолжали владѣть сообща семейнымъ до-

*) См. Leist, Graeco-Italische Rechtsgeschichte, Jena, 1884; стр. 21—54.

стояніемъ, обыкновенно подъ начальствомъ старшаго. Такой порядокъ вещей продолжалъ держаться еще въ IV вѣкѣ до Р. Х., въ эпоху великихъ ораторовъ, рѣчи которыхъ и являются важнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о гражданскомъ правѣ Аѳинянъ и въ частности объ ихъ семейномъ устройствѣ *).

Перейдемъ теперь къ другому народу классической древности — къ Римлянамъ. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о родовомъ бытѣ у Римлянъ является Гай. Этотъ юристъ говоритъ намъ о родовомъ устройствѣ, какъ о фактѣ прошлаго, какъ о чемъ-то пришедшемъ въ упадокъ «Cum illic admonuerimus totum gentilicium ius in desuetudinem abiisse, supervacuum est... de eadem re curiosius tractare», говоритъ онъ въ 17 § 3 книги—**).

Если прямые свидѣтельства о родовомъ устройствѣ принадлежатъ къ сравнительно поздней эпохѣ—эпохѣ его разложенія, то отсюда прямо слѣдуетъ необходимость или, точнѣе говоря, неизбѣжность изученія тѣхъ косвенныхъ указаній, какія на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ памятники языка и письменности; эта необходимость вполне сознается Моммзенемъ, который на 35 страницъ послѣдняго изданія своей «Римской Исторіи» въ подробности останавливается на разборѣ топографическихъ названій древняго Лаціума.

Результатомъ этого разбора является признаніе ихъ патронимическими. Древнѣйшіе патриціанскіе роды даютъ свое именованіе тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ они осѣлись. Поэтому Эмилии, Корнелии, Фабиі, Гораціи, Менени и т. д. въ одинаковой степени—названія родовъ и территоріальныхъ округовъ. Сообщая эти данныя, Моммзенъ въ то же время замѣчаетъ, что территоріальныя названія общи съ именами однихъ только древнѣйшихъ, отнюдь не позднѣйшихъ пришлыхъ родовъ,—обстоятельство, побуждающее насъ отнести къ глубокой древности первыя основы родоваго устройства въ Лаціумѣ.— И такъ основаніе родами, если не непосредственно римской, то латинской гражданственности, отъ которой произошла, какъ

*) De jure familiarum apud Athenienses Libri tres conscripsit A. H. G. P. Van den Es, стр. 78 и слѣд.—Caillemer. Le droit de succession légitime à Athènes, гл. I.

***) Gaii Institutiones изд. Studemund, стр. 97.

известно, римская, стоит вне всякаго сомнѣнія. Спрашивается, какія же черты этого древняго родоваго устройства сохранились въ историческую эпоху Римской жизни? Ланге, у котораго сгруппированы почти всѣ эти черты, указываетъ, на основаніи свидѣтельствъ анналистовъ, на 1) принадлежность нѣкоторымъ родамъ родоваго имущества—*ager gentilicium*, 2) на обозначеніе всѣхъ членовъ рода общимъ родовымъ наименованіемъ, почему юристъ Павелъ и даетъ слѣдующее объясненіе самому термину *gentilis*: «*gentilis dictus est ex eodem genere natus, et is qui simili nomine appellatur*». Изъ этихъ словъ видно 3), что къ *gentiles* вмѣстѣ съ лицами, происходящими отъ общаго родоначальника, принадлежатъ и такія, о которыхъ нельзя сказать, что они *ex eodem genere nati* и которые въ то же время носятъ общее родовое прозвище. Кто же такое эти лица? Это тѣ кліенты, которыхъ каждый родъ включаетъ въ свою среду и въ которыхъ, по вѣрному замѣчанію Нибура, слѣдуетъ видѣть побѣжденных Римлянами семьи древнѣйшихъ поселенцевъ. Этихъ кліентовъ связывала съ родами, къ которымъ они были причислены, общность культа. Предметомъ этого культа являлся для кліентовъ, какъ и для ихъ патроновъ, первый основатель рода. Издержки этого культа оплачивались въ одинаковой мѣрѣ какъ патронами, такъ и кліентами. Въ честь родоначальника совершались такъ наз. *sacra gentilicia*. Происхожденіе клиентства Нибуръ, а за нимъ и Ланге, объясняютъ тѣмъ, что обращенные сперва въ рабство туземцы постепенно вернули часть утраченныхъ ими правъ и въ числѣ ихъ прежде всего личную свободу, удерживая въ то же время подчиненное отношеніе къ тѣмъ родамъ и семьямъ, коихъ они считались нѣкогда общою собственностью *).—Перехожу къ перечисленію другихъ проявленій родоваго начала. 4) Отъ родоваго единства ко времени составленія законовъ XII таблицъ сохраняется право законнаго наслѣдованія и законной опеки (*tutela legitima*) членовъ *gens*—при недостаткѣ болѣе близкихъ родственниковъ со стороны отца, агнатовъ **). Какъ наслѣдовали *gentiles*, всѣ ли вмѣстѣ

*) *Römische Alterthümer*; стр. 214—217.

**) *Si adgnatus nec escit, gentiles familiam habento* (Leg XII. tabul., Tabula V Bruns, стр. 20).

или въ порядкѣ родства съ покойнымъ—остается неизвѣстнымъ. Что касается до законной опеки членовъ «gens», то она учреждается не столько ради опекаемаго, сколько ради самого опекуна, который, какъ наслѣдникъ опекаемаго, заинтересованъ въ томъ, чтобы имущество послѣдняго не было расхищено въ его малолѣтство *). Случаи осуществленія членами gens правъ наслѣдоваія и опеки продолжаютъ встрѣчаться, хотя и рѣдко, даже во времена Цицерона и Юлія Цезаря. Въ сочиненіи Цицерона *De oratoribus* упоминается о Клавдіяхъ, которые въ спорѣ съ Марцеллами доказывали, что наслѣдство покойника принадлежитъ имъ по той причинѣ, что они члены одной съ нимъ gens (*eiusdem hominis hæreditatem gente ad se redisse dicerent*). О подобномъ же случаѣ наслѣдованія членовъ gens во времена Цезаря, говоритъ намъ Светоній.—Введеніе права завѣщательнаго распоряженія сдѣлало постепенно возможнымъ, какъ оставленіе имущества чужеродцамъ, такъ и замѣну законной опеки (*tutela legitima*) выборной (*testamentaria*).

Позднимъ знакомствомъ древнихъ писателей съ родовымъ устройствомъ римлянъ объясняется, по всей вѣроятности, то обстоятельство, что о мести, осуществляемой цѣлыми родами, въ дошедшихъ до насъ свидѣльствахъ нѣтъ и помину. Право личного возмездія несомнѣнно допускалось въ Римѣ или, вѣрнѣе сказать, предписывалось, но изъ законовъ XII таблицъ, упоминающихъ о *jus talionis*, не видно, чтобы обязанность мести распространялась на родственниковъ обиженнаго.

Слѣдомъ этого рано исчезнувшаго права родственниковъ на возмездіе является въ историческую эпоху такъ наз. *pecis vindicta*, которой пользуются одинаково—дѣти, родители, братья *sobrini* и *consobrini* **). Подъ него слѣдуетъ разумѣть право преимущественнаго обжалованія вышеназванными лицами случаевъ убійства родственниковъ. Тоже начало родоваго заступничества сказывается въ правѣ родителей, дѣтей и братьевъ, помимо довѣренности выступать ходатаями на судѣ, отстаивая на немъ интересы своихъ родственниковъ ***).

*) Муромцевъ, Гр. пр. др. Рима, стр. 129.

***) См. Leist *Graeco-Italische Rechtsgeschichte*, Iena 1884, стр. 41.

****) *Ibid.*, стр. 41, 43 и 45.

Подобно другимъ народностямъ арійской семьи и Римляне въ своемъ древнѣйшемъ правѣ сохранили черты арханческой семейной нераздѣльности. Въ составъ древне-римской семьи входили—отецъ и мать, сыновья и дочери, внуки и внучки, наконецъ рабы *). По своей численности названные лица образуютъ скорѣе семейную общину, нежели малую семью. Говоря о наследованіи «sui», своихъ, т. е. тѣхъ, которые состояли подъ властью наследодателя до самой его смерти, проф. Муромцевъ мѣтко замѣчаетъ: «въ строгомъ смыслѣ, преемство своихъ» не было даже наследованіемъ; т. е. здѣсь не происходило вступленія въ права посторонняго умершаго лица. Уже при жизни своего домовладыки «sui» были участниками въ семейномъ хозяйствѣ; по смерти его они пріобрѣтали независимое юридическое положеніе. Имущество или, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть его, составляла достояніе всей семьи. Воспоминаніе о такомъ порядкѣ сохранилось еще у позднѣйшихъ юристовъ—Гая, Ульпіана и Павла **).

Вотъ, что говоритъ напр. о наследованіи sui авторъ Институцій: *Sed sui quidem heredes ideo appellantur, quia domestici heredes sunt et vivo quoque parente quodammodo domini existimantur ***)*. При всемъ томъ въ Римской семьѣ нельзя не отмѣтить одной характерной особенности. Особенность эту составляетъ широкое развитіе, которое получила въ ней власть главы семьи—отца. Онъ одинъ «sui juris», всѣ остальные члены семьи—«alieno juri subiecti». Это вѣрный признакъ тому, что семейная община у Римлянъ вступила уже въ періодъ ея разложенія. Другимъ такимъ же признакомъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что римское право въ отличіе отъ другихъ арійскихъ законодательствъ благоприятно относится къ семейнымъ раздѣламъ. Семья остается единымъ цѣлымъ только при жизни отца. Со смертью же его сыновья становятся свободными и самостоятельными. Они сами дѣлаются домовладыками, хотя бы не были еще женаты и не имѣли потомства ****).

*) Marquardt. Das Privatleben der Römer, стр. 4—5.

***) Муромцевъ. Гр. пр. др. Рима, стр. 121.

****) II §§ 157 (изд. Studemund, стр. 70)

*****) Муромцевъ. Гражд. пр. древняго Рима, стр. 25.

Тогда какъ въ древнемъ мірѣ Индусы, Ирландцы, Греки и Римляне, являются крупнѣйшими представителями арійской культуры, въ новомъ мѣсто ихъ занимаютъ Кельты, Славяне и Германцы. Изученіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ архаическомъ устройствѣ этихъ народностей мы и закончимъ поэтому настоящую главу. Древнѣйшій бытъ Кельтовъ сдѣлался предметомъ, сколько нибудь обстоятельнаго изученія лишь за послѣдніе годы и вотъ по какой причинѣ: прямой источникъ для ознакомленія съ нимъ, «Древніе ирландскіе законы», изданы и переведены на одинъ изъ языковъ современной Европы—англійскій, какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, не болѣе.

Все, чѣмъ до этого времени располагала историографія, сводилось къ нѣкоторымъ отрывочнымъ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита, къ довольно позднимъ по времени законамъ графства Уэльсъ, законамъ XIII-го столѣтія, къ старинной Британской кутюмѣ, видоизмѣненной французскими вліяніями, и къ клановымъ распорядкамъ сѣверной Шотландіи, ближайшее знакомство съ которыми начинается только съ XIII столѣтія. Кельтическая культура древней Галліи такъ рано была романизирована, что изученіе на основаніи ея своеобразныхъ особенностей кельтическаго быта—дѣло не мыслимое. То немногое, что говорятъ Цезарь и Тацитъ о Кельтахъ недостаточно для того, чтобы прійти къ какому нибудь опредѣленному заключенію касательно ихъ внутренняго устройства. Существованіе касты друидовъ само по себѣ ни мало не говоритъ о разложеніи родового или общиннаго строя, такъ какъ тотъ и другой одинаково уживаются съ еще большимъ развитіемъ жреческаго сословія въ Индіи. Съ другой стороны параллель съ Германцами, проводимая древними писателями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не доказываетъ того, чтобы аналогія существовала и во всѣхъ остальныхъ сторонахъ быта, какъ не прочь думать это нѣкоторые нѣмецкіе историки. При такихъ условіяхъ приходится отказаться отъ попытки возстановленія древне-кельтическаго быта на почвѣ Галліи. Памятники Уэльса, Британскаго полуострова и Шотландіи слишкомъ поздняго происхожденія и потому не раскрываютъ предъ нами древнѣйшаго быта Кельтовъ. Остаются затѣмъ Ирландскіе источники. Древнѣйшими изъ нихъ

какъ и повсюду, являются легенды, за ними слѣдуютъ такъ называемые законы Брегоновъ, ученаго сословія, члены котораго являются древнѣйшими посредниками въ гражданскихъ и уголовныхъ спорахъ. Самаго даже поверхностнаго знакомства съ этими законами достаточно для убѣжденія въ томъ, что матеріаломъ для составленія ихъ послужили судебныя рѣшенія, другими словами, тѣ третейскіе приговоры, какіе постановлялись отдѣльными членами сословія по выбору тяжущихся. Какъ литературные, такъ и юридическіе памятники древнихъ Ирландцевъ одинаково говорятъ о порядкѣ общественныхъ отношеній, не только далеко отъ современнаго индивидуализма, но и отъ предшествующаго ему по времени кланово-феодалнаго строя. Въ легендахъ, включенныхъ въ такъ наз. *leber na huidre*, памятникъ XII вѣка, говорится между прочимъ, что во времена, предшествующія правленію Эда Слена, неизвѣстны были заборы, границы, каменные стѣны, и вся земля оставалась не огороженной. Размноженіе семействъ, значителенъ въ томъ же памятникѣ, причина позднѣйшаго установленія оградъ. Отъ этого архаическаго коммунизма въ эпоху редактированія ирландскихъ сводовъ удержались слѣдующія черты. Рядомъ съ землями, обозначаемыми терминомъ «дибадъ», о которыхъ въ одномъ изъ сводовъ говорится, какъ о надѣлахъ, производимыхъ изъ племенной земли, законы Брегоновъ говорятъ еще о двухъ другихъ категоріяхъ земель. Названіе первыхъ «коибне», а вторыхъ—«орба». *) Коибне въ буквальный переводъ означаетъ совокуинство лицъ, пребывающихъ въ нераздѣльности въ интересахъ общаго пользованія имуществомъ, принадлежащимъ имъ по наслѣдству. Въ примѣненіи къ землѣ этотъ терминъ обозначаетъ нераздѣльную собственность лицъ, связанныхъ узами родства, другими словами, родовую собственность. Родовая собственность не исключаетъ наслѣдственнаго пользованія ею со стороны семейныхъ общинъ, въ составъ которыхъ входятъ: отецъ, дѣти и внуки съ ихъ семьями. Земли, находящіяся въ такомъ пользованіи, обозначаются въ ирландскихъ сводахъ терминомъ—«орба».

Итакъ древнему ирландскому праву извѣстно существованіе

*) См. Старинные законы Ирландцевъ т. IV, стр. 7, 21, 27, 39, а такъ же стр. LXXVII и XXXIV.

какъ родовой, такъ и нераздѣльной семейной собственности. Со-
ответственно этому извѣстны оба вида союзовъ, основанныхъ
на кровномъ началѣ—родъ и нераздѣльная семья. Одинъ изъ
древнѣйшихъ сводовъ, по имени Корусъ Бескна, говоритъ о
существованіи у ирландцевъ четырехъ группъ наслѣдниковъ:
джелъфайнъ, дейрбфайнъ, ярфайнъ и индфайнъ.

Первая состоитъ, по описанію свода, изъ пяти человекъ,
остальные—каждая изъ четырехъ. Если принять во вниманіе,
что три послѣднія группы одновременно призываются къ уча-
стію въ наслѣдованіи, то нельзя не признать, что за исключе-
ніемъ джелъфайновъ, прямыхъ нисходящихъ, остальные три со-
ставлены изъ боковыхъ родственниковъ, а не изъ восходящихъ,
иначе не мыслимъ былъ бы самый фактъ ихъ одновременнаго
участія въ наслѣдствѣ, предполагающій, что всѣ они находятся
въ живыхъ въ моментъ открытія его. Группа джелъфайновъ это то,
что можно назвать на языкѣ современной юридической термино-
логіи—нераздѣльной семьей. Членами ея кромѣ наслѣдодателя счи-
таются его нисходящіе: дѣти и внуки; почему численный составъ
этой группы и превосходить однимъ человекомъ составъ остальныхъ.
Вторую группу образуютъ боковые, происходящіе отъ отца наслѣ-
додателя. Третью боковые, родоначальникомъ которыхъ является
дѣдъ. Четвертую боковые отъ прадѣда. Большая или меньшая
близость родства, въ которой стоять отдѣльныя группы, съ
покойникомъ, принимается въ расчетъ при опредѣленіи доли ихъ
участія въ наслѣдствѣ. Если покойный оставилъ прямыхъ ни-
сходящихъ, другими словами джелъфайновъ, они одни его на-
слѣдники, если же ихъ нѣтъ, къ наслѣдованію призываются
всѣ остальные три группы, однако не въ равной степени. Бли-
жайшіе къ покойнику дейрбфайны получаютъ три четверти всего
наслѣдства, слѣдующіе за ними ярфайны—три четверти осталь-
ной четверти; четверть четвертой части наслѣдства, иначе одна
шестнадцатая приходится на долю отдаленныхъ родственниковъ—
индфайновъ. При отсутствіи родственниковъ всѣхъ и каждой
изъ названныхъ группъ, другими словами, при совершенномъ
вымираніи рода, принадлежавшая ему земля снова становится
племенной собственностью, иначе говоря—дибадъ. *)

*) См. т. IV, стр. 285.

Искусственность только что рассмотрѣнной системы сама говоритъ намъ о приблизительномъ только выраженіи ею числовыми данными фактическихъ отношеній. Личный составъ отдѣльныхъ группъ въ 4, 5 человекъ—не болѣе, какъ условный. Для насъ важна не эта подробность, а тотъ принципъ, который положенъ въ основу всей системы. Изъ позднѣйшихъ сводовъ мы узнаемъ, что неравный раздѣлъ наслѣдства между отдѣльными группами боковыхъ родственниковъ, характеризующихъ собою всю систему родства продолжалъ держаться въ Ирландіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Итакъ ирландскій родъ состоитъ изъ лицъ, признающихъ общаго родоначальника, связанныхъ между собою нераздѣльнымъ владѣніемъ, имѣющихъ право взаимнаго наслѣдованія и распадающихся на второстепенныя группы—семейныя общины, члены которыхъ наслѣдственно владѣютъ землею на началѣ нераздѣльности.

Родовая организація сказывается у древнихъ ирландцевъ и въ сферѣ уголовного права. Отвѣтственность боковыхъ родственниковъ и прежде всего группы—дейрбфайнъ, при отсутствіи прямыхъ, открыто признается въ сборникѣ, озаглавленномъ «трактатъ о наказаніи преступленій». Вторая статья этого сборника говоритъ, что дейрбфайны, а за ними и индфайны не избавлены отъ обязанности платить падающую на преступника пеню, въ случаѣ его несостоятельности и отсутствія прямыхъ нисходящихъ—членовъ группы джелфайнъ. *)

Отмѣтимъ еще одну изъ сторонъ проявленія родового быта въ древней Ирландіи. Усыновленіе имѣетъ своимъ очевиднымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа наслѣдниковъ. При допущеніи къ наслѣдству даже отдаленнѣйшихъ родственниковъ, весь родъ являлся заинтересованнымъ въ фактѣ усыновленія къмъ либо чужеродца; а отсюда слѣдующее послѣдствіе: усыновлять запрещается иначе, какъ съ разрѣшенія родового старѣйшины.

Мы сказали выше, что существованіе родового союза уживается съ фактомъ одновременнаго господства семейной общины или большой семьи. Эта послѣдняя является не болѣе какъ одной изъ вѣтвей родового древа.

*) Томъ IV, стр. 243.

На вопросъ о томъ, какія лица несутъ денежную отвѣтственность за преступника, одинъ изъ ирландскихъ сводовъ отвѣчаетъ: прежде всего онъ самъ, затѣмъ его отецъ, при смерти же отца—братъ. Только при отсутствіи этихъ ближайшихъ родственниковъ, образующихъ группу джельфайновъ, наступаетъ отвѣтственность боковыхъ. Тѣ же джельфайны складываются для уплаты штрафа, извѣстнаго подъ наименованіемъ ирландской пени (*egic-fine*) и взимаемаго въ случаѣ обращенія ими къ личному возмездію, къ кровной мести. Итакъ, джельфайны сплошь и рядомъ выступаютъ какъ единое цѣлое въ сферѣ тѣхъ отношеній, начало которымъ кладетъ преступленіе.—Спрашивается, существуетъ ли между ними то же единеніе и въ сферѣ гражданскихъ отношеній? Отвѣчая на вопросъ о томъ, кого считать ближайшими наследниками, одинъ изъ древнихъ сводовъ Ирландіи говорить, что ими слѣдуетъ признать отца и сына, братьевъ и семью (*fine*). Если вся семья участвуетъ въ наследованіи, если отецъ—наслѣдникъ покойнаго сына наравнѣ съ его братьями и дѣтьми, то въ переводѣ это означаетъ не болѣе какъ то, что смерть частнаго лица въ древнемъ ирландскомъ обществѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, не вела къ тому, что на современномъ юридическомъ языкѣ извѣстно подъ «открытіемъ наследства» (*delatio haereditatis*), другими словами, что послѣ смерти частнаго лица, какъ и до его кончины, продолжало держаться нераздѣльное владѣніе всей семьи. Этой нераздѣльной собственностью завѣдуетъ старшій въ семьѣ—отецъ. Его нельзя считать однако неограниченнымъ распорядителемъ семейнаго достоянія. Согласно древнѣйшимъ текстамъ, онъ вправѣ выдѣлить выходящую замужъ дочь не иначе, какъ съ разрѣшенія родоваго старѣйшины. Дочери, какъ становящіяся въ силу брака членами чужой семьи, не имѣютъ по выходѣ въ замужество участія въ семейной собственности. О завѣщательныхъ распоряженіяхъ въ древнемъ ирландскомъ правѣ нѣтъ и помину. Геральдъ дю Барри, правда, говоритъ о нихъ, но только по отношенію къ движимой собственности, которая при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ и при отнесеніи скота къ недвижимой не могла быть значительна.— Вотъ все, что можно сказать о родовомъ и общинно-семейномъ бытѣ древнихъ ирландцевъ на основаніи отрывочныхъ, темныхъ,

на половину непонятныхъ текстовъ Брегонскихъ законовъ и тѣхъ «глоссъ» или толкованій, которыя однообразно сопровождаютъ ихъ, извращая часто ихъ смыслъ.

При всей неполнотѣ картины, она все же не оставляетъ въ изслѣдователѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что родовой бытъ лежитъ въ основѣ общественнаго развитія кельтическихъ народностей и опредѣляетъ собою дальнѣйшую исторію ихъ правоваго развитія въ такой же степени, какъ и исторію индусовъ или персовъ, грековъ или римлянъ.

Переходя къ германцамъ, намъ приходится прежде всего остановиться на приведеніи тѣхъ свидѣтельствъ, какія дѣлаютъ на ихъ счетъ древніе писатели. По словамъ Цезаря, землю владѣютъ у германцевъ «*gentes et cognationes hominum qui una coequeunt*», другими словами, роды и болѣе тѣсные союзы родственниковъ, живущихъ сообща.

Что такое эти послѣдніе—какъ не семейныя общины? Тацитъ, не упоминая прямо о существованіи подобныхъ группъ, въ то же время описываетъ отдѣльные признаки ихъ; такъ, напр., говоря объ уплатѣ виры за преступленія, онъ утверждаетъ, что эта вира идетъ въ пользу всего «дома» (*recipitque satisfactionem universa domus*). Мы видѣли, что при господствѣ нераздѣльной семейной собственности домовладыка не въ правѣ самовольно дарить ея ни при жизни, ни на случай смерти. Такія-же точно запрещенія приписываетъ Тацитъ и древнему германскому праву: у германцевъ, говоритъ онъ, нѣтъ завѣщаній (*nullum testamentum*). Нераздѣльностью и неотчуждаемостью семейной собственности объясняется также упоминаемый Тацитомъ фактъ устраненія женщинъ отъ наслѣдованія и неполученія ими приданаго изъ отцовскаго имущества. Приданое платитъ не отецъ невѣсты, а ея женихъ. О существованіи семейной общины у германцевъ мы узнаемъ также изъ тѣхъ данныхъ, какія Цезарь и Тацитъ сообщаютъ о военномъ ихъ устройствѣ; по словамъ перваго, сражаются Германцы *generatim*, т. е. родами, по свидѣтельству втораго, каждого во время битвы окружаетъ его семья (*familia*) и члены болѣе численныхъ союзовъ родственниковъ, которыя Тацитъ обозначаетъ терминомъ «*propinquitates*». Эти *propinquitates* очевидно тоже, что *cognationes* Цезаря.

Семейная община встрѣчается у германцевъ и въ позднѣйшую эпоху редактированія варварскихъ правдъ. Мы находимъ ее одинаково у аллемановъ и баварцевъ, законы которыхъ упоминаютъ о такъ называемыхъ «genealogiae», какъ о землевладѣльческихъ союзахъ, спорящихъ между собою изъ за границы, у бургундовъ, которыхъ ихъ народная правда часто описываетъ какъ «*Consortes*» владѣющихъ сообща недвижимымъ *) имуществомъ, у салическихъ и рипуарскихъ франковъ, древнѣйшіе своды которыхъ хранить упорное молчаніе по вопросу о продажѣ земли частнымъ лицомъ или о завѣщательномъ распоряженіи ею, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыто высказываются въ пользу страненія женщинъ отъ наслѣдованія **). Что это все, какъ не отдѣльныя проявленія началъ неотчуждаемости и недѣлимости, присущихъ семейной собственности. Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее. Въ одномъ изъ текстовъ (текстъ Герольда) салической правды упоминается объ алодахъ, какъ о поступающихъ въ раздѣлъ между внуками и правнуками, прямое указаніе на то, что ими могли владѣть совмѣстно нѣсколько поколѣній родственниковъ (отецъ, сыновья, внуки и правнуки ***)). Въ законахъ Лонгобардовъ въ числѣ прочихъ видовъ имущества упоминается также о земляхъ, еще не поступившихъ въ раздѣлъ между братьями и родителями (*inter fratres vel inter parentes*), а также о земляхъ, раздѣленныхъ не только между братьями, но и между племянниками — фактъ, указывающій на первоначальное существованіе нераздѣльнаго владѣнія отца не только съ дѣтьми, но и съ внуками.

Древнѣйшія грамоты также рисуютъ передъ нами порядокъ вещей, при которомъ земля состоитъ во владѣніи не частнаго лица, а семейной общины. Въ грамотахъ нижняго Рейна о *coheredes et participes et consanguinei* упоминается, какъ о землевладѣльцахъ, а это означаетъ принадлежность полей въ общую собственность болѣе или менѣе значительному числу родственниковъ.

*) *Agri quoque communis nullis terminis limitati exaequationem inter Consortes nullo tempore denegandam* (add. tit I, п. 5).

**) *de terra vero nulla portio haereditatis ad mulierem veniat.*

***) Ross Early history of landholding among the Germans, стр. 33.

О *consortes* или *socii*, какъ о владѣющихъ сообща имуществомъ или подвергающихъ ихъ раздѣлу между собою, одинаково говорится какъ въ аллеманскихъ грамотахъ (въ томъ числѣ въ грамотахъ С. Галленскаго аббатства), такъ и въ бургундскихъ или лонгобардскихъ *). Интереснѣйшей стороной труда г. П. Виноградова о земельныхъ отношеніяхъ Лонгобардовъ надо признать описаніе имъ землевладѣльческихъ общинъ, составленныхъ изъ родственниковъ, или такъ называемыхъ «*Consorteriae*» на основаніи грамотъ, изданныхъ академіей города Лукка. Изъ нихъ видно, что семейная община являлась вполне жизненнымъ фактомъ въ средневѣковой Тосканѣ.

Въ кутюмахъ Франціи, какъ и въ германскихъ *Weisthümer* она попадаетъ намъ на каждомъ шагу, отсюда между прочимъ неоднократно упоминаніе въ этихъ источникахъ о необходимости испросить согласіе родственниковъ однодворцевъ на отчужденія недвижимой собственности (это такъ называемое *Weispruchrecht*) о родовой преэмпции и родовомъ выкупѣ (*droit de préemption, retrait lignager* на языкѣ французскихъ легистовъ) **).

Полная индивидуализація недвижимой собственности — дѣло новаго времени. Она создана наполеоновскаго кодекса и тѣхъ гражданскихъ сводовъ, которые возникли подъ его вліяніемъ. Говоря это, я имѣю въ виду по преимуществу крестьянское землевладѣніе. Въ средѣ высшихъ сословій разложеніе семейной общины совершилось сравнительно раньше.

Какъ и у другихъ народовъ арійской семьи, господство родового быта сказывается у германцевъ не въ одной лишь сферѣ гражданскихъ отношеній. Въ послѣдствіяхъ, простирающихся отъ преступленій, также выступаетъ начало кровнаго единства. Обязанность преслѣдованія обидчика падаетъ на родственниковъ обиженнаго. Тѣ же родственники получаютъ, въ случаѣ примиренія родовъ, и причитающуюся виру или композицію. Всего нагляднѣе выступаетъ родственная солидарность въ уголовномъ правѣ сѣверныхъ германскихъ народностей, въ древнѣйшихъ сводахъ Норвегіи и Даніи, Готланда и Исландіи. Правда,

*) Ross, Early history of landholding among the Germans. 1883 г., стр. 31. и слѣд.

**) Koenigswarter, Histoire de la famille en France.

въ нихъ это начало обставлено уже значительными ограниченіями, но изъ самой новизны этихъ ограниченій легко прійти къ тому заключенію, что нѣкогда весь родъ, какъ одинъ человекъ, являлся мстителемъ обиженнаго сочлена.—Въ древнемъ законѣ Феоніи, приводимомъ Вильдою, значится: «Ни при какомъ преступленіи родственники не обязаны платить виры за преступника, исключеніе дѣлается только для убійства.»—Преступникъ не получаетъ помощи отъ родственниковъ, значится въ свою очередь въ Ютландскомъ законѣ, иначе, какъ въ случаѣ убійства *). Въ Фрисландіи и въ позднѣйшее время за родственниками признается обязанность не оставлять собственной крови и помогать другъ другу въ платежѣ пени **). По древнимъ Норвежскимъ законамъ (Гулатингъ) весь родъ получаетъ виру, но такимъ образомъ, что большая часть ея идетъ къ ближайшимъ родственникамъ (которые отъ этого получаютъ и свое наименованіе «*Vauggildis men*), а меньшая къ отдаленнымъ, родство которыхъ идетъ отъ прадѣда, а также къ когнатамъ и незаконнорожденнымъ ***). Законникъ восточной половины Готланда распредѣляетъ слѣд. образомъ между родственниками денежную отвѣтственность за преступленія: двѣ трети виры платятъ родственники съ отцовской стороны, одну треть родственники со стороны матери. Въ отцовской линіи платежъ виры производится слѣдующимъ образомъ: братъ выплачиваетъ одну половину, другую—остальные родственники до седьмой степени. Въ томъ же порядкѣ дѣлится и вира, получаемая въ вознагражденіе за убійство единокровнаго ****).—Еще подробнѣе говорить объ участиіи родственниковъ въ платежѣ и полученіи виры Исландскій *Gragas* въ особой главѣ, озаглавленной: счетъ кругамъ (*Vaugatal* отъ *vaug* кругъ или кольцо и *tal*—число). Подъ кругами или кольцами разумѣются тѣ 4 части, на которыя дѣлится вира. Первую часть въ размѣрѣ 3 марокъ 6 унцій и 48 оболовъ выплачиваютъ и соотвѣтственно получаютъ—отецъ, сынъ и братъ. Вторую часть или кольцо въ полмарки, 20 унцій и 32 обода,—

*) Wilda, 370 стр.

**) Ibid, стр. 395.

***) Ibid, стр. 377.

****) Ibid, 378 и 370.

дѣдъ по отцу и внукъ отъ сына, дѣдъ по матери и внукъ отъ дочери. Третье кольцо въ 2 марки—дядя по отцу и племянникъ по брату, дядя по матери и племянникъ по сестрѣ. — Четвертое, всего въ 12 унцій—двоюродные братья со стороны отца и матери.— За этими четырьмя кольцами слѣдоваль еще рядъ платежей, постепенно уменьшающихся отъ одной марки до одной унціи; они распределялись въ дальнѣйшемъ родствѣ до пятой линіи боговаго родства включительно *).

Народныя правды континентальныхъ германцевъ содержатъ одни отрывочныя свидѣтельства объ участіи родичей въ платежѣ и полученіи выкуповъ; всего яснѣе говоритъ объ этомъ салическій законъ. *Si alicujus pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant et aliam medietatem parentes, qui proximiores fuerint, tam de paterna quam de materna generatione dividant.* Изъ капиулярія Хильдеберта мы узнаемъ, что этими *proximiores* считались три ближайшихъ родственника со стороны отца и столько же со стороны матери.— Въ законахъ Саксонцевъ и Фризовъ значится, что треть виры платятъ родственники убійцы, а двѣ трети самъ онъ. Законы Туринговъ, Англовъ и Веринговъ связываютъ съ правомъ на наслѣдованіе и обязанность денежной отвѣтственности за убійство. Въ однихъ лишь народныхъ правдахъ Баварцевъ, Рипуарскихъ Франковъ и Аллемановъ мы не встрѣчаемъ уже слѣдовъ участія родственниковъ въ платежѣ виры **).

Государственная власть, видя не безъ основанія ежечастую угрозу охраняемому ею миру въ круговой порукѣ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, отмѣнила эту послѣднюю, предпочитая солидарной отвѣтственности личную.

Послѣдняя изъ народностей арійской крови, на которой намъ приходится остановить наше вниманіе — Славяне. Опредѣленіе древнѣйшаго характера ихъ общественныхъ отношеній представляетъ еще большія трудности, чѣмъ тѣ, какія были встрѣчены нами при изученіи общественнаго быта Кельтовъ и Германцевъ.— Причина тому лежитъ въ слабомъ знакомствѣ древнихъ писа-

*) Шпилевскій. Союзъ родственной защиты, стр. 113.

***) Шпилевскій, стр. 117—121.

телей съ ихъ бытовымъ устройствомъ и скудости сообщаемыхъ ими свѣдѣній на этотъ счетъ. Все, что Тацитъ говоритъ намъ о Славянахъ въ 46 главѣ своего трактата о древней Германіи, — это то, что въ отличіе отъ кочевыхъ Сарматовъ, Виниды (Венды-Славяне) строятъ дома и сражаются пѣшими, вооруженные щитами. Со времени составленія Тацитовой «Германіи» ни одинъ изъ писателей втеченіе ряда столѣтій не упоминаетъ о славянахъ ни единымъ словомъ. Въ VI вѣкѣ Прокопій Кесарійскій по случаю столкновенія ихъ съ Готами и Византіей снова подымаетъ о нихъ рѣчь. Самая придирчивая критика не найдетъ въ его словахъ иныхъ указаній на ихъ бытовыя условія кромѣ слѣдующихъ: Славяне не имѣютъ общаго повелителя, управляются демократическимъ образомъ; объ общихъ дѣлахъ толкуютъ на сеймахъ. Императоръ Маврикій того же вѣка въ общемъ повторяетъ сказанное Прокопіемъ, если не говоритъ о слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы приведемъ цѣликомъ. «Не легко заключить съ ними договоръ... будучи противнаго другъ съ другомъ мнѣнія, они не сходятся на общемъ рѣшеніи; если большинство и согласится между собою, остальные возстанутъ противъ него; одинъ другому не желаетъ покоряться. У нихъ много начальниковъ, неладающихъ другъ съ другомъ», почему Маврикій и совѣтуетъ Римлянамъ подарками склонять этихъ отдѣльныхъ правителей на свою сторону и тѣмъ порождать рознь между Славянами. Ко всѣмъ этимъ даннымъ присоединяется въ IX вѣкѣ свидѣтельство Императора Льва VI, которое не прибавляетъ почти ничего къ вышешриведеннымъ чертамъ славянскаго быта и интересно только тѣмъ, что подтверждаетъ свидѣтельство Прокопія и Маврикія о существованіи у Славянъ многихъ начальниковъ или повелителей *). То же можетъ быть сказано объ однохарактерныхъ показаніяхъ позднѣйшаго по времени писателя — Константина Багрянороднаго. Этотъ недостатокъ въ извѣстіяхъ о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ славянскіе историки старались восполнить тѣми многочисленными указаніями,

*) Отрывки изъ византійскихъ писателей, относящіеся къ древнему быту Славянъ, приведены у Воделя въ его «Древнѣйшей исторіи Славянъ и Чеховъ въ частности», гл. II.

какія на этотъ счетъ разсѣяны какъ въ Краледворской, такъ и въ Зеленогорской рукописяхъ. Не только Воцель, но, по его примѣру, и русскіе историки и юристы, Никольскій въ томъ числѣ, позволяли себѣ обращаться къ названнымъ двумъ источникамъ и строить на основаніи ихъ картину древнеславянскаго родового быта. Задача изслѣдователя сдѣлалась поэтому болѣе трудной съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшей критикѣ удалось доказать поддѣльность Краледворской рукописи и подвергнуть большому сомнѣнію подлинность Зеленогорской. Приводя извѣстный отрывокъ о семейномъ устройствѣ древнихъ Славянъ, какой содержитъ въ себѣ Зеленогорская рукопись, мы считаемъ поэтому нужнымъ оговориться, что придаемъ этому отрывку значеніе лишь на столько, на сколько имъ подтверждаются другія менѣе сомнительныя свидѣтельства. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
Мужи пашуть, жены шьють одежду;
А умереть глава, начальникъ дома—
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становять надъ собой владыку,
Что за нихъ всегда на сеймы ходить...

Остается за тѣмъ еще свидѣтельство нашего начальнаго лѣтописца: «Полянамъ-бо, живущимъ особо и володѣющимъ роды своими» и въ другомъ мѣстѣ— «сидяху кыждо съ родомъ своимъ».

Таковы чуть ли не все тѣ данныя, которыми мы располагаемъ по вопросу о древнѣйшемъ устройствѣ Славянъ. Говоря это, я разумѣю одни прямые свидѣтельства; помимо ихъ мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи еще рядъ косвенныхъ указаний. Эти послѣднія доставляютъ намъ данныя языка, разборъ топографическихъ названій и изученіе тѣхъ переживаній, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ первыхъ по времени памятникахъ славянскаго права. Начнемъ съ данныхъ языка.

Воцелемъ указано на то обстоятельство, что слова для выраженія понятія рода происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же корней во всехъ и каждомъ изъ славянскихъ языковъ. Лавровскій, объясняя первоначальное значеніе слова племянникъ, говоритъ что подъ нимъ разумѣли всякаго вообще родственника и что

въ этомъ смыслѣ оно употребительно и доселѣ у Черногорцевъ. Какъ въ памятникахъ древней письменности, такъ и въ простонародной литературѣ встрѣчается, говорить онъ, нерѣдко замѣна слова плема словомъ родъ.

Племянникъ значитъ поэтому то же, что членъ рода. Архаичность этого термина такимъ образомъ сама служитъ доказательствомъ господства у насъ нѣкогда родового быта *).

Пречекъ, Кавелинъ и другіе представители родовой теоріи съ полнымъ основаніемъ останавливаются также на разборѣ топографическихъ названій съ цѣлью отгнать имъ родовой характеръ древнѣйшихъ поселеній. Съ окончаніемъ «ичи или овичи», употребительнымъ для обозначенія родовой связи, происхожденія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ поселеній, какъ въ Сербіи и Чехіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ, такъ, напр. Утизеновичи, Драшковичи и т. д. **).

Въ Черногоріи каждое село, по словамъ г-на Попова ***), получаетъ родовое названіе, а патронимическія наименованія сель съ окончаніемъ на «чи» и «ичи» напр., Увѣтичи, Хвалимичи встрѣчаются нерѣдко и въ Россіи ****).

Профессоръ Котляревскій, говоря о Балтійскихъ Славянахъ упоминаетъ о существованіи и у нихъ родовыхъ наименованій деревень и сельбищъ *****). О такихъ же патронимическихъ названіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей и сель говоритъ Богишичъ, какъ объ общераспространенныхъ въ средѣ южныхъ славянъ.

Мы оставимъ до поры до времени изученіе тѣхъ переживаній, какія содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники славянскаго права, и постараемся вывести на основаніи приведенныхъ уже данныхъ гипотетическое заключеніе о древне-славянскомъ устроѣствѣ.

Древніе писатели, какъ мы видѣли, единогласны въ утверж-

*) Лавровскій. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ стр. 49—51. Болѣе старинный терминъ для обозначенія племянника въ нашемъ смыслѣ слова—Негій.

**) Пречекъ. Das Recht in Böhmen und Mähren. Ч. I, вып. I, стр. 25.

***) Шпилевскій, 16 стр.

****) Тюринъ. Библ. для чтенія 1850 г. № 2, стр. 136—137.

*****) Древности права балтійскихъ Славянъ, стр. 74.

деніи, что Славянскія племена не знали единой политической власти, что они жили разрозненно, что въ каждомъ изъ ихъ подраздѣлений можно было встрѣтить отдѣльнаго начальника, власть котораго не была неограниченной, такъ какъ всѣ одинаково сходились на сеймы и такъ какъ противодѣйствіе одного не рѣдко мѣшало общему соглашенію. Эти черты очевидно ни мало не противорѣчатъ буквальному толкованію словъ Нестора о славянскихъ родахъ и находятъ себѣ полное подтвержденіе какъ въ общей распространенности патронимическихъ наименованій сель, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что у всѣхъ славянскихъ племенъ понятіе рода обозначается однокоренными терминами.—Господство родового быта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде, вполне уживается съ существованіемъ семейной общины, какъ подраздѣленія рода. Главы этихъ семейныхъ общинъ сходятся на сеймы, о чемъ между прочимъ говорить и приведенный выше отрывокъ Зеленогорской рукописи (владыко, что за нихъ всегда на сеймы ходить). Представляя семью въ общихъ родовыхъ собраніяхъ, владыко, судя потому, что говорить о немъ та же рукопись, является распорядителемъ внутри семейства по отношенію ко всѣмъ домочадцамъ, распределяетъ между ними работы и начальствуетъ надъ «челядью». Имъ обыкновенно бываетъ отецъ семьи, по смерти же отца его дѣти, оставаясь въ нераздѣльности, сами становятся надъ собою владыку, другими словами назначаютъ его по выбору изъ своей среды. Примѣръ такой нераздѣльной семьи приводитъ и нашъ начальный лѣтописецъ, говоря о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбедь.

Итакъ родъ, представляющій совокупность нѣсколькихъ нераздѣльных семей, имѣющій своего старшину и свое вѣче (указаніе на послѣднее содержать въ себѣ какъ византійскіе писатели, такъ и повѣсть временныхъ лѣтъ, упоминающая о вѣчѣ, призвавшемъ варяжскихъ князей)—такова древнѣйшая форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятниками исторія славянъ и ихъ права.

Очевидно, что родовой бытъ не могъ исчезнуть безслѣдно, а необходимо оставилъ по себѣ тѣ или другіе слѣды въ сравнительно позднихъ по времени первыхъ памятникахъ славянскаго

законодательства. Эти слѣды и будутъ указаны нами теперь. Всего нагляднѣе выступаетъ кровный характеръ отношеній въ древнемъ Сербскомъ правѣ. Задолго до появленія Законника Стефана Душана письменныя свидѣтельства упоминаютъ о сожительствѣ нѣсколькихъ братьевъ и даже болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Въ комментаріяхъ на одно евангеліе, написанныхъ ранѣе 1200 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: «ни пошадѣхъ немощныя старости матери своее и любимую братію оставихъ и сестры и ину прочу присень» т. е. родство. Изъ этого текста видно, что значительное число родственниковъ жило вмѣстѣ. Былъ ли такой союзъ родомъ или семейной общиной, мы сказать не беремъ, такъ какъ точной границы, отдѣляющей эти два вида союзовъ, — мы не знаемъ. Замѣчаніе Зигеля, что для понятія рода въ приведенномъ текстѣ не достаётъ упоминанія о родовомъ старшинѣ, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не основано. Автору не было надобности упоминать объ этомъ старшинѣ, такъ какъ его цѣль указать только на фактъ оставленія родственниковъ лицомъ, идущимъ на христіанскій подвигъ, а не дать всестороннее описаніе составныхъ элементовъ рода или семьи *). Тѣмъ не менѣе изъ сопоставленія этого текста съ другими одновременными и болѣе ранними, въ которыхъ рѣчь идетъ однообразно объ отцѣ, живущемъ съ дѣтьми, или о нѣсколькихъ сожительствующихъ братьяхъ, можно прійти къ тому заключенію, что въ немъ разумѣется союзъ ближайшихъ только родственниковъ. Вспомнимъ, что и въ настоящее время у южныхъ славянъ встрѣчаются семейныя общины, состоящія изъ десятковъ человекъ, а слѣдовательно, и заключающія въ себѣ родственниковъ въ различныхъ степеняхъ родства. Мы согласны поэтому съ общимъ выводомъ Зигеля, что задолго до изданія Законника сербы жили уже не родами, а семейными общинами **). Эти семейныя общины и разумѣетъ Законникъ 1349 года, когда говоритъ въ статьяхъ 69-й и 70-й о лицахъ, живущихъ въ одномъ домѣ: «кто окажется въ одномъ домѣ, или братья или отецъ и т. д. . . . братья, которые живутъ въ одномъ домѣ» ***).

*) Сравни Зигель, «Законникъ Стефана Душана», стр. 6.

***) См. стр. 8.

***) Собѣтанскій, Круговая Порука у Славянъ, Прага. 86-го года, стр. 38.

Однохарактерное устройство представляет намъ и Славянское население Хорватии и Далмации, насколько это устройство обрисовывается ихъ древнѣйшимъ законодательствомъ; стату-тами Винодола и Полицы.

Въ томъ описаніи, какое на основаніи свидѣтельствъ назван-ныхъ памятниковъ даетъ ей профессоръ Леонтовичъ, семейная община является союзомъ лицъ единокровныхъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью, владѣющихъ землею сообща и управляемыхъ избраннымъ господаремъ - администраторомъ и судьей *). Такая характеристика находитъ себѣ полное оправданіе въ слѣдующемъ текстѣ Полицкаго статута. Статья 31-я этого памятника въ переводѣ г-на Собѣстіанскаго гласитъ слѣдующее:

«Пока не раздѣлятся братья или другіе участники (члены задруги) до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро и зло, корысть и убытокъ, и долги, кому они должны и кто имъ дол-женъ, все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ же раз-дѣла всякому своя доля» **).

И въ польскомъ правѣ, какъ слѣдуетъ изъ текстовъ, отпе-чатанныхъ Гельцелемъ въ его Monumenta juris polonici, семей-ная община еще въ XIV вѣкѣ составляла обычную основу жизни. Отправляясь отъ той мысли, что общеніе имуществъ является источникомъ всѣхъ несогласій, одно законодательное постано-вление, дошедшее до насъ въ его латинской редакціи, указы-ваетъ на тотъ путь, какимъ братья, живущіе сообща, могутъ выйти изъ нераздѣльности. Такимъ образомъ онъ косвенно сви-дѣтельствуется о томъ, что и по смерти родителя братья про-должали составлять одну семейную общину, точь въ точь какъ это доселѣ имѣетъ мѣсто у Сербовъ и вообще у южныхъ сла-вянъ ***).

Основываясь на томъ фактѣ, что въ Полицкомъ статутѣ семейная община обозначается терминомъ вервь, г. Леонто-вичъ, а за нимъ и Бестужевъ - Рюминъ, не безъ основанія

*) Леонтовичъ, Хорвато-Далматское Право, стр. 69—71.

***) Собѣстіанскій, Круговая порука у Славянъ, стр. 59.

***) Helzel, Monumenta juris polonici.

видять въ верви Русской Правды не что иное, какъ семейную общину *). Къ соображеніямъ, представленнымъ защитниками этой теоріи, мы прибавимъ съ своей стороны слѣдующее: въ Русской Правдѣ говорится о верви, какъ и платящей дикую виру, въ томъ случаѣ, когда нельзя найти головника, т. е. прямого виновника преступленія (ст. 89). Въ той же Правдѣ значитъ, что можно вложиться и не вложиться въ дикую виру, другими словами, или участвовать въ платежѣ ея или не участвовать, и что послѣдствіемъ отказа отъ участія является прекращеніе по отношенію къ отказавшемуся прежней обязанности верви платить за него виру (ст. 90) **).

Кровная месть, какъ хорошо извѣстно каждому, предполагаетъ участіе лицъ единокровныхъ въ преслѣдованіи правонарушителя и его родственниковъ и въ вынужденіи ихъ къ уплатѣ за «кровь». Условіе для участія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для полученія виры—родство, на первыхъ порахъ родство въ любой степени, съ теченіемъ времени лишь въ ближайшихъ степеняхъ. Въ интересахъ сохраненія мира и спокойствія представители политической власти считаютъ нужнымъ ограничить право обязательнаго участія въ мести и въ композиціяхъ; не рѣшаясь однако сразу отмѣнить стародавній обычай, въ силу котораго все родство считаетъ себя солидарнымъ съ обиженнымъ, они изъ обязательной дѣлаютъ месть и замѣняющую ее уплату виры факультативной для отдаленныхъ родственниковъ. Примѣръ этому представляютъ намъ Англо-саксонскіе законы, въ которыхъ уплата виры признается долгомъ ближайшей семьи обидчика и въ то же время болѣе далекимъ родственникамъ позволяется принимать въ ней участіе, въ вознагражденіе за что ихъ правонарушенія въ свою очередь оплачиваются всѣми, въ пользу кого они несутъ виру ***).

Итакъ исторіи права извѣстно съ одной стороны—участіе въ платежѣ виры только родственниковъ, съ другой — обяза-

*) См. Леонтовичъ. О значеніи верви сравнительно съ задругою западныхъ славянъ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г.).

Бестужевъ. Русская исторія, т. I, гл. 41.

**) Калачевъ. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, стр. 114.

***) См. мою Исторію полицейской администраціи въ Англіи, гл. I.

тельность такого участія только для близкихъ родственниковъ и факультативность ея для остальныхъ. Выражаясь языкомъ Русской Правды, мы можемъ сказать, что отдаленный родственникъ можетъ вложиться и не вложиться въ уплату виры, и что послѣдствіемъ его отказа будетъ то, что «людіе впредь ему не помогаютъ, но самъ платитъ». Прилагая сказанное къ толкованію текста о дикой вирѣ, платимой вервью, мы вправѣ сказать, что, такъ какъ плательщики виры — родственники и виру платитъ вервь, то и въ составъ ея (верви) должны входить родственники, при томъ родственники, какъ близкіе, такъ и отдаленные: почему 60 ст. Русской Правды и позволяетъ не вложиться въ дикую виру, предваряя въ то же время, что послѣдствіемъ этого будетъ прекращеніе помощи со стороны остальныхъ членовъ верви. Союзъ, въ составъ котораго входятъ не только близкіе, но и отдаленные родственники, очевидно не иное что, какъ семейная община, съ ея, какъ мы не разъ имѣли случай замѣтить, десятками членовъ, связанныхъ между собою узами крови. Съ такимъ заключеніемъ вполне согласно какъ то первоначальное значеніе, какое славянскіе языки связываютъ съ однокоренными съ вервью словами, такъ и употребленіе, дѣлаемое изъ послѣдняго термина сербскимъ языкомъ. По мнѣнію Лавровскаго вервь, веревка—слова одного происхожденія, одинаково указывающія на связь, узы, соединяющія воедино лицъ одной крови. Вервникъ доселѣ обозначаетъ на сербскомъ языкѣ родственника *). Согласно съ сказаннымъ, толкованіе встрѣчающагося въ Правдѣ термина «вервь» должно отправляться отъ признанія, во 1-хъ, кровнаго родства между членами верви, а во 2-хъ, тѣсной связи между ними. — И та и другая черта одинаково встрѣчается въ семейной общинѣ, основу которой кладетъ сожителство родственниковъ подъ одною кровлею.

Но спрашивается, откуда могъ появиться въ текстъ Русской Правды юго-славянскій терминъ, каковъ терминъ вервь? какъ объяснить, что этотъ древнѣйшій памятникъ русскаго права употребляетъ непонятное для русскаго выраженіе. Замѣтимъ

*) Лавровскій, Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, стр. 93.

прежде всего, что терминъ вервь — далеко не единственное заимствование, сдѣланное составителемъ правды изъ юго-славянскаго лексикона; что на ряду съ нимъ надо поставить и столь же непонятный на первый взглядъ терминъ — брату чада, который въ значенія двоюроднаго брата попадаетъ доселѣ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго отрывка:

У мен'има девет брат'е,
И толико братучеда *).

Если согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ изслѣдователей русской старины, которые, какъ, напримѣръ, проф. Ключевскій, полагаютъ, что Русская Правда находила примѣненіе себѣ въ сферѣ церковнаго суда и была редактирована лицомъ духовнымъ, то не трудно будетъ объяснить, почему ея составитель не пренебрегаетъ терминами, смыслъ которыхъ, быть можетъ, былъ вполне понятенъ только ему одному. Въдѣ первые наши духовные и грамотѣи были, какъ извѣстно, по преимуществу, южные славяне. Удивительно ли, если при недостаточномъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ они подчасъ прибѣгаютъ къ отечественному для передачи тѣхъ или другихъ фактовъ русскаго обычнаго права!

Если наше толкованіе встрѣчающагося въ Правдѣ слова вервь будетъ принято, а оно во всякомъ случаѣ менѣе спорно, чѣмъ то, которое видитъ въ ней сельскую общину или артель (объясненія Лешкова и Калачева), то придется признать, что въ Русской Правдѣ, какъ и въ Законникѣ Стефана Душана, какъ и въ Полицкомъ и Винодольскомъ статутахъ, встрѣчаются несомнѣнные данныя въ пользу существованія нѣкогда у славянъ родоваго быта. Переживаніемъ этого послѣдняго въ Русской Правдѣ надо признать «вервь», или семейную общину, происхождение которой, какъ не разъ было замѣчено, объясняется позднѣйшимъ по времени развѣтвленіемъ рода на болѣе тѣсные союзы ближайшихъ родственниковъ.

Какъ и у другихъ народностей арійской крови, господство родоваго быта сказывается у Славянъ въ фактѣ взаимной отвѣт-

*) Вукъ Караджичъ, I. 283.

ственности лицъ единокровныхъ за совершаемыя ими преступленія. Эта отвѣтственность существуетъ какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ родомъ обиженнаго. Примѣръ перваго вида отвѣтственности мы уже видѣли выше въ отвѣтственности верви. Дикая вира, уплачиваемая ею, какъ выяснено изслѣдованіями Ланге, Иванишева и др., поступаетъ не въ руки обвиняемаго и его родственниковъ, а въ руки князя. По своему характеру она подходитъ подъ понятіе германскаго «Fredus», который, какъ извѣстно, являлся денежною пеней за нарушеніе «королевскаго мира». Для виры въ смыслѣ германскаго «Wehrgeld» или частной «композиціи» роду обиженнаго въ Русской Правдѣ существуетъ особый терминъ — «головничество». Ни въ одной изъ статей нашего древняго свода не значится, чтобы въ уплатъ «головничества» принимали участіе и родственники обидчика. Такое участіе тѣмъ не менѣ встрѣчалось несомнѣнно на первыхъ порахъ, и право думать это даетъ намъ не только аналогія съ другими славянскими правдами, но и прямое свидѣтельство договоровъ Игоря съ греками. Въ договорѣ Игоря мы находимъ слѣдующія слова: «ежели убѣжитъ сотворивый убійство и аще будетъ имовить, да возьмутъ имѣніе его ближніе убіеннаго». Множественное число, въ которомъ стоятъ лица, получающія частное вознагражденіе, даетъ право утверждать, что родственники, совмѣстно получавшіе композицію, совмѣстно участвовали и въ платежѣ ея *).

Солидарность родственниковъ всего нагляднѣе выступаетъ въ юго-славянскихъ правдахъ. О Далматинахъ Рейцъ говоритъ, что у нихъ пеню за нарушеніе преступникомъ мира несли всѣ родственники—что, прибавляетъ онъ, вело нерѣдко къ раззоренію цѣлаго ряда семействъ. У Сербовъ, какъ видно изъ ст. 60 Законника Стефана Душана, денежная отвѣтственность за преступленіе падала уже не на весь родъ, а на членовъ одной съ преступникомъ семейной общины или задруги. Вотъ почему названная статья говоритъ о «господарѣ кущны», другими словами о старшинѣ семейной общины или задруги, какъ о лицѣ,

*) Шпилевскій, союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, стр. 135—145.

на которого возлагается обязанность уплаты виры. Солидарная отвѣтственность родственниковъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока держится семейная нераздѣльность. Ст. 48 Законника постановляетъ, поэтому, что лица «отдѣльные», живущія «въ своихъ домахъ», не призываются къ уплатѣ виры и въ свою очередь не вправе требовать, чтобы родственники платили ее за нихъ. Другія славянскія законодательства ограничиваютъ участіе родственниковъ въ платежъ частью виры. Такъ, Винодольскій статутъ говоритъ лишь объ участіи ихъ въ платежѣ половиннаго выкупа *), а Вислицкій предоставляетъ дальнимъ родственникамъ полученіе выкупа только при отсутствіи ближайшихъ. Наконецъ, въ Закроченскомъ статутѣ 1390 г. участіе родственниковъ изъ обязательнаго становится факультативнымъ. Въ Чешскомъ же рядѣ о немъ не упоминается вовсе **).

Въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства родовое начало сказывается въ фактѣ присяженія родственниками на судѣ такъ называемой очистительной присяги за подсудимаго или отвѣтчика. Всего нагляднѣе эта сторона родовыхъ отношеній сказывается въ средневѣковомъ статутѣ Каттаро 1459 года. Этимъ статутомъ предписывается, что обвиняемый въ уличномъ воровствѣ обязанъ очистить себя присягою 12-ти лучшихъ родственниковъ; въ случаяхъ, менѣе важныхъ, достаточно присяги 6-ти сродниковъ. Присягающіе свидѣтельствуютъ болѣе добрую славу лица, въ пользу котораго приносится ими присяга, нежели совершеніе или несовершенство приписываемаго ему преступленія. Подъ наименованіемъ очистниковъ, соприсяжники извѣстны и древнему чешскому праву. Въ Законникѣ Стефана Душана они называются поротниками. Въ послухахъ Русской Правды, какъ это доказалъ впервые Демченко, также слѣдуетъ видѣть не свидѣтелей, а лицъ, удостовѣряющихъ присягою добрую славу отвѣтчика—его соприсяжниковъ. При всемъ сходствѣ между собою чешскіе очистники, сербскіе поротники и русскіе послухи отличаются тѣмъ существенно другъ отъ друга, что очистниками, какъ и послухами, могутъ быть и родственники,

*) См. русскій переводъ Ягича, ст. XXXI.

**) Шпилевскій.

тогда какъ паротникомъ можетъ быть только чужеродецъ. Прямое запрещеніе родственникамъ приносить очистительную присягу, о которомъ говоритъ Законникъ Стефана Душана, само по себѣ свидѣтельствуетъ однако о томъ, что въ прежнее время родственники являлись паротниками или соприсяжниками, другими словами, что судебная защита родственниковъ извѣстна была въ древности сербскому праву въ такой же мѣрѣ, какъ и Далматинскому *)).

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ вопросы о характерѣ родового устройства у различныхъ вѣтвей арійской семьи и позволимъ себѣ теперь сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые общіе выводы.

Факты дѣйствительности и факты прошлаго одинаково указываютъ на то, что въ извѣстный періодъ ихъ жизни народы одной съ нами крови были организованы въ общественныя группы, въ которыхъ связующимъ цементомъ было представленіе о происхожденіи отъ общаго родоначальника мужчины и культъ этого родоначальника. Я настаиваю на томъ, что объединяющимъ началомъ было одно представленіе. Народныя легенды, говорящія намъ о происхожденіи, напримѣръ, отдѣльныхъ клановъ Шотландіи отъ опредѣленныхъ лицъ, отъ Кона или Ферхара Макъ-Фарадайга, и однохарактерныя имъ сказанія римлянъ или грековъ о происхожденіи, положимъ, дорійцевъ или іонійцевъ и ихъ дальнѣйшихъ развѣтвленій, а также отдѣльныхъ *gentes* древне-римскаго государства,—не болѣе, какъ сказанія, въ которыхъ извѣстному лицу, выдѣлившемуся своими заслугами, прописывается роль основателя цѣлаго рода. Факты, сообщаемые Лаелемъ о порядкѣ возникновенія отдѣльныхъ родовъ у Раджпутовъ, въ свою очередь нисколько не говорятъ намъ о томъ, чтобы наличный составъ рода могъ быть съ исторической достовѣрностью возведенъ къ одному и тому же физическому лицу, по праву бы считался его потомствомъ. Наоборотъ, они представляютъ намъ процессъ зарожденія рода въ совершенно иномъ свѣтѣ. Изъ кровнаго родственника, какимъ онъ рисовался

*) Ibid., стр. 156, 157.

нѣкогда нашему воображенію, родоначальникъ нисходитъ до роли удачника, сѣумѣвшего сгруппировать вокругъ себя большее или меньшее число не родственныхъ ему семей, объединить ихъ общностью преслѣдуемыхъ ими цѣлей, къ которымъ въ ближайшихъ поколѣніяхъ присоединяется новое скрѣпляющее единство начало—общаго культа этому же удачнику. Въ своей совокупности эти два начала — экономическое и религиозное — ведутъ постепенно къ развитію той солидарности, какой держится родовая организація, и проявленіемъ которой служить одинаково, съ одной стороны, общность владѣнія, остаткомъ которой и въ позднѣйшую эпоху является право совмѣстнаго наслѣдованія жителей, а также право предпочтительной покупки и родового выкупа, съ другой— круговая порука не только въ отмщеніи обидъ, но и въ ответственности за всякаго рода дѣйствія, личныя или имущественныя, совершаемыя частнымъ лицомъ въ интересахъ рода или на средства взятыя, изъ родового капитала.

Послѣ сказаннаго ясно, что мы не можемъ болѣе смотрѣть на родъ, какъ на разросшуюся семью, и что вопросъ объ источникѣ его зарожденія остается пока открытымъ вопросомъ.

Гораздо опредѣленнѣе можемъ мы высказаться на основаніи изученнаго уже нами матерьяла о процессѣ образованія такъ называемой семейной общины. Она не болѣе, какъ послѣднее изъ развѣтвленій рода, или вѣрнѣе предпоследнее, если считать завершеніемъ процесса образованіе малыхъ семей путемъ раздѣловъ. Личный ея составъ отличается несравненно большею чистотою: кровная связь живущихъ въ ней поколѣній съ прошедшими и, переступая нерѣдко черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней, съ основателемъ всего сообщества — легко можетъ быть установлена фактически. Культъ этого общаго предка въ такой же степени является въ ней связующимъ цементомъ, въ какой въ родѣ—культъ мнѣческаго или историческаго родоначальника. Но къ этому, съ одной стороны, кровному, съ другой—религиозному началу, присоединяется въ семейной общинѣ въ несравненно большей степени, чѣмъ въ родѣ, начало экономическое, сказывающееся въ ней не только въ общности владѣнія, но и въ общности труда, и обращающее все сообщество въ своего рода производительную ассоціацію. Веденіе хозяйства

сообща предполагает сожителство по крайней мѣрѣ большин-ства членовъ семейной общины и дѣлежъ съ ними уходящими на заработки родственниками сдѣланными ими приобрѣтеніями. Экономическія и религіозныя узы семейнаго единства такъ тѣсно переплетаются между собою въ средѣ семейной общины, что очагъ служитъ въ ней одновременно и общей кухней и общимъ алтаремъ; а терминъ, которымъ обозначаются ближайшіе участ-ники въ культѣ предковъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ ключкою для всѣхъ соживительствующихъ и трудящихся на общую пользу родственниковъ. Гдѣ кончается сожителство, тамъ кончается и ближайшее родство. Индусскіе сапинда, какъ и греческіе анхі-отейсы—лица, которыхъ связываетъ одновременно и сожител-ство и ближайшее участіе въ семейныхъ сага. Послѣдняя черта особенно наглядно выступаетъ въ индусскихъ сводахъ, которые признаютъ за одними только сапинда обязательство приносить предкамъ жертвенные пироги и ограничиваютъ обязанности даль-нѣйшаго родства—саманодака возліяніемъ воды на семейный жертвеникъ.

Вытекающее изъ существованія всѣхъ вышеуказанныхъ свя-зей начало солидарности сказывается въ семейной общинѣ съ несравненно большей интензивностью, нежели въ родѣ. Не всѣ цѣнности, которыми владѣетъ послѣдній, составляютъ его об-щую собственность: рядомъ съ общимъ кладбищемъ, которое для рода имѣетъ то же значеніе жертвеннаго алтаря, какое очагъ для семьи, рядомъ съ обыкновенно встрѣчающимся въ немъ родовымъ полемъ (*ager gentilitium*),—существуетъ и обо-собленная собственность, субъектомъ которой являются входя-щія въ его составъ семейныя общины. Другое дѣло послѣднія: въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нѣтъ мѣста для индивидуальнаго обладанія. Какимъ бы путемъ ни были при-обрѣтены тѣ или другія цѣнности, съ помощью или безъ по-мощи семейнаго капитала,—онѣ равно поступаютъ въ общее владѣніе и пользованіе. Точно также, какимъ бы образомъ ни были произведены извѣстные долги, разъ виновникомъ ихъ является соживительствующій съ семьею членъ, они должны быть покрыты всѣми участниками въ ней. Отсюда въ сферѣ имуще-ственныхъ отношеній—то послѣдствіе, что нѣтъ права индиви-

дуального распоряженія, и что всѣ члены дворовой общины, выражаясь языкомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ памятниковъ, имѣютъ въ мѣнахъ и продажахъ такъ называемый *Beispruchtsrecht*. Это уже не простое право купить отчуждаемое имущество предпочтительно предъ чужеродцемъ, какимъ пользуется всякій членъ рода; это не общее также всѣмъ родичамъ право выкупа разъ отчужденнаго имущества. Это—право дать или отказать въ своемъ согласіи на отчужденіе семейнаго достоянія; это право утвердить или отвергнуть актъ личнаго распоряженія послѣднимъ со стороны главы семьи—ея управителя и хозяина.

Тѣснѣйшая связь, объединяющая собою членовъ семейной общины, сказывается и въ болѣе рѣзкомъ проявленіи въ ней начала круговой поруки. Члены семьи — ближайшіе мстители; они же—ближайшіе плательщики композицій, обыкновенные соприсяжники и поручители обвиняемаго. Участіе остальныхъ родственниковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ — не болѣе какъ добавочное. Они выступаютъ то на смѣну недостающихъ однодворцевъ, то принимаютъ на себя лишь часть падающихъ на родство обязательство. Соответственно и права ихъ несравненно менѣе значительны. Они наслѣдники семейнаго имущества только при совершенномъ вымирании владѣющаго имъ сообщества. Наоборотъ, члены послѣдняго, безъ различія степеней, — всегда сонаслѣдники, въ томъ однаго лишь смыслѣ, что, кто бы ни умеръ въ семьѣ, и какія бы новыя лица ни народились въ ней, — имущество ея продолжаетъ оставаться фондомъ для покрытія издержекъ всѣхъ однодворцевъ. Употребляя современную намъ юридическую терминалогію, фактъ «открытія наслѣдства» въ семейной общинѣ никогда не наступаетъ, такъ какъ кончина ея главы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь перемену въ лицѣ ея управителя.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ родовая и общинно-семейная организациа къ сельской, то на основаніи приведеннаго уже матерьяла, мы вправѣ будемъ сказать, что сельская община—преемница родовой, не устраняющая собою необходимости дальнѣйшаго существованія семейной. Не вдаваясь въ вопросъ о процессѣ замѣны родовой общины сельской, вопросъ, который легко-бы могъ сдѣлаться предметомъ

самостоятельнаго изслѣдованія, я отмѣчу только тотъ фактъ, что, какъ преемница родовой, сельская община унаслѣдовала многія изъ характерныхъ чертъ первой. Общинное владѣнiе въ ней—не болѣе, какъ распространенное на чужеродцевъ начало родоваго общенія. Право предпочтительной покупки сосѣдей и сосѣдскаго выкупа — не болѣе, какъ осуществляемое тѣми же чужеродцами право родовой преемщицы и родоваго выкупа. Право наслѣдованія въ выморочномъ имуществѣ (*Vicinne recht*)—перенесенное на сосѣдей право рода наслѣдовать въ имуществѣ вымершей семьи. Круговая порука, сказывающаяся въ солидарной отвѣтственности предъ правительствомъ и за сохраненіе полицейскаго порядка и за выполненіе натуральныхъ и денежныхъ повинностей и платежей,—имѣетъ своимъ источникомъ кровную круговую поруку, и тѣмъ же источникомъ объясняется выступленіе сосѣдей въ роли поручителей и соприсяжниковъ,—роли, нѣкогда осуществляемой кровными родственниками.

Нѣтъ также основанія полагать, чтобы сельскій сходъ и сельскій староста не были преемниками и не сложились по типу родоваго собранія и родоваго старѣйшины, хотя фактически такой переходъ едва ли когда либо можетъ быть доказанъ по недостатку источниковъ. Все это вмѣстѣ взятое не приводитъ ли насъ къ тому заключенію, что въ изученіи родоваго устройства лежитъ ключъ къ уразумѣнью генезиса отдѣльныхъ институтовъ одинаково гражданскаго, уголовнаго и публичнаго права.

III.

Материнскій родъ.

Мы познакомились пока лишь съ характерными особенностями той кровной организаціи, въ которой родоначальникомъ считается мужчина, и мѣсто, занимаемое каждымъ, опредѣляется большей или меньшей близостью къ нему.

Въ этой организаціи женщина не играетъ почти никакой роли и родство съ нею одною не даетъ права никому на занятіе той или другой ступени родовой лѣствицы, иначе, какъ въ силу усыновленія его мужчиной, т. е. опять таки на томъ же основаніи, если не природнаго, то искусственнаго родства съ женщиною. Прибавимъ, что тѣмъ же путемъ усыновленія лица и совершенно постороннія роду, могутъ сдѣлаться его членами, что еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что при родовой организаціи женщина ни прямо, ни косвенно не оказываетъ вліянія на общественное положеніе того или другаго лица.

Если родъ, съ характеризующей его мужской фамиліей встрѣчается, какъ мы видѣли, у самыхъ разноплеменныхъ народностей, и въ частности у важнѣйшихъ представителей арійской семьи, если эпохой его медленнаго и самопроизвольнаго разложенія открывается достовѣрная исторія всѣхъ и каждаго изъ передовыхъ народовъ Европы и Азіи, то значить ли это, чтобы человѣчеству не извѣстна была и другая, быть можетъ, еще болѣе архаическая общественная организація, гдѣ женщина, генетическая связь съ которой не требуетъ для своего признанія даже той слабой работы мысли, какую предполагаетъ установ-

леніе мужской філіаціи, играла бы ту же роль, какую въ родовой играетъ мужчина? До послѣдняго времени самая постановка такого вопроса едва ли была бы возможна. Патріархальная теорія, которую Мэнъ справедливо возводитъ еще ко временамъ Аристотеля и Платона, не допускала существованія даже въ отдаленнѣйшей древности и у наиболѣе отсталыхъ народностей такого порядка, при которомъ основанная на индивидуальномъ бракѣ моногамическая или полигамическая семья, съ вполне выработаннымъ въ ней первенствомъ и верховенствомъ мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми, не была бы тою первичной ячейкой, изъ которой, путемъ мужской філіаціи, должны были развиться со временемъ роды и отправляющіеся отъ нихъ племенные и клановые союзы, назовемъ ли мы ихъ филами, трибами или другимъ какимъ либо терминомъ, заимствованнымъ изъ быта ново-европейскихъ народностей. Упомянутія древнихъ писателей, и въ томъ числѣ Геродота, Діодора или Страбона о народахъ, которымъ извѣстно одно материнство, какъ несогласныя съ теоріей, признавались баснословными; описанія же путешественниками такихъ общественныхъ порядковъ, при которыхъ женщина играетъ первенствующую роль одинаково въ семьѣ и родѣ, отчасти относимы были къ области вымысловъ, отчасти объясняемы тѣмъ вырожденіемъ, которымъ, по соображеніямъ преимущественно христіанскихъ миссіонеровъ, обуславливается бытъ дикарей, какъ утратившихъ познаніе истиннаго Бога и связанной съ нимъ нравственности. Если не говорить о смѣлыхъ гипотезахъ Лафито, впервые подмѣтившаго еще въ концѣ прошлаго вѣка широкое господство у дикарей безпорядочнаго половаго сожитія и обусловленное имъ отсутствіе постоянной связи дѣтей съ отцами, никто ранѣ Макъ Ленана и Бахофена не подымалъ рѣчи о материнствѣ, какъ о первоначальномъ видѣ родственныхъ отношеній. Отъ признанія материнства, какъ предшествоващаго по времени отчеству, до установленія того взгляда, что основанный на женской філіаціи родъ древнѣе основаннаго на мужской—оставался одинъ только шагъ, но шагъ этотъ сдѣланъ былъ не ранѣ появленія капитальныхъ трудовъ Американца Моргана, который въ бытѣ Ирокезовъ и др. краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки открылъ господство еще въ наши

дни такой общественной организации, а въ обстоятельно изученныхъ имъ системахъ наслѣдованія сотенъ разноплеменныхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта—переживанія материнскаго рода. Какъ мы сейчасъ увидимъ, вопросъ о единообразномъ прохожденіи народами разныхъ семей той ступени развитія, которая Морганомъ обозначается терминомъ материнскаго рода, пока остается открытымъ. Послѣдователи патріархальной теоріи, съ Мэномъ во главѣ, все еще отказываютъ въ признаніи характера общности за указаннымъ имъ, но далеко еще не достаточно объясненнымъ процессомъ, послѣдовательнаго перехода материнскаго рода въ отеческій. Нерѣдко слышатся голоса и въ пользу той мысли, что существованіе материнскаго рода у туземцевъ Америки и Океаніи само по себѣ не доказываетъ того, чтобы народы семитической или арійской группѣ также прошли черезъ эту стадію развитія, что въ противоположности между материнскимъ и патріархальнымъ родами, материнской и патріархальной семьей, слѣдуетъ видѣть, такъ сказать, прирожденные этнографическія различія, говорящія развѣ противъ единства происхожденія человѣческаго рода. Прочно установленнымъ является такимъ образомъ пока только фактъ существованія на ряду съ известными уже намъ родовыми группами такихъ, основу которыхъ составляетъ происхожденіе не отъ общаго родоначальника, а отъ общей родоначальницы. Перешелъ ли этотъ материнскій родъ въ патріархальный, или нѣтъ, и если перешелъ, то по какимъ причинамъ, а также всюду ли могутъ быть констатированы слѣды его первоначальнаго существованія и послѣдующей замѣны—это такіе вопросы, около которыхъ и вращается въ настоящее время споръ защитниковъ и противниковъ Моргановской теоріи. Если наблюденія надъ не прекращающимъ своего развитія бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ состояніи указать намъ на условія, при которыхъ совершается переходъ материнскаго рода въ патріархальный, то одно лишь обстоятельное знакомство съ памятниками древнѣйшаго права арійскихъ народностей можетъ пролить свѣтъ на вопросъ о прохожденіи или непрохожденіи ими той стадіи общественнаго развитія, которая обозначается терминомъ материнскаго рода. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано трудами англійскихъ, нѣмецкихъ

и отчасти русских изслѣдователей. Конечно, приводимыя ими доказательства далеко не отличаются одинаковой убѣдительностью, многія совершенно должны быть оставлены, другія подкрѣплены новыми данными или представлены въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Пополненный, провѣренный и отчасти просвѣщенный такимъ образомъ матеріалъ долженъ подвергнуться затѣмъ систематической обработкѣ. Ни одна область права не должна быть оставлена безъ разслѣдованія. Если материнство извѣстно было аріямъ, хотя бы и въ отдаленнѣйшій періодъ ихъ исторіи, то слѣды его, его переживанія необходимо будутъ раскрыты и въ сферѣ гражданскаго права, хотя бы, на примѣръ, въ преимущественной роли братьевъ или сестеръ матери въ ряду родственниковъ-наслѣдниковъ, и въ уголовномъ правѣ, въ которомъ обязательство платить и право получать виру за убитаго прямо пропорціонально той роли, какую играютъ материнскіе родственники въ системѣ семейнаго и наслѣдственнаго права, и въ процессѣ, въ которомъ право давать подкрѣпительную присягу, всегда падающее на ближайшихъ родственниковъ, необходимо, поѣтому, должно принадлежать и имъ, какъ ближе другихъ стоящимъ къ подсудимому, въ силу преимущественнаго значенія, нѣкогда признаваемаго за женской филіаціей, наконецъ и въ сферѣ публичнаго права, въ которомъ родовое старѣйшинство, слѣдующаго тому же закону преемства, какой одновременно господствуетъ въ сферѣ наслѣдственнаго права, необходимо должно было переходить въ ихъ руки, какъ къ первенствующей нѣкогда группѣ родственниковъ. Нечего и говорить, что эти переживанія могутъ сохраниться далеко не въ равной мѣрѣ и что о существованіи ихъ въ правѣ каждаго даннаго народа не можетъ быть и рѣчи. Въ сферѣ политическихъ отношеній послѣдствія происходящей рано или поздно замѣны материнства отчествомъ должны были сказаться всего раньше; первенствующая роль, разъ достигнутая мужчиною надъ женщиною, съ особенной энергіей и послѣдовательностью должна была поддерживаться имъ въ той области права, которая является самымъ прямымъ и наиболѣе надежнымъ проводникомъ всякаго вліянія и власти. Неудивительно поѣтому, если въ порядкѣ преемства должности вождя и верховнаго представителя рода

слѣды материнства исчезли всего ранѣе, гораздо ранѣе, чѣмъ въ правѣ наслѣдованія, и не оставили въ большинствѣ законодательствъ даже косвенныхъ свидѣтельствъ своего существованія. Съ другой стороны надо помнить, что сошедшій со сцены правовой порядокъ оставляетъ за собою тотъ или другой пережитокъ лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдній находитъ новыя условія для своего существованія, сохраняетъ такъ сказась свою *raison d'être*, хотя бы и при перемѣнѣ въ характерѣ послѣдней, — а это можетъ случиться далеко не въ равной мѣрѣ во всѣхъ и каждой изъ областей права данного народа. Пояснимъ это примѣромъ. Деверство или левиратъ, встрѣчающееся у цѣлага ряда дикихъ или варварскихъ народностей, какъ послѣдствіе общенія женъ между членами одной и той же группы ближайшихъ родственниковъ — братьевъ, можетъ, какъ доказываетъ примѣръ еврейскаго, индусскаго и греческаго права, удержаться въ той или другой вымирающей формѣ и при переходѣ народа на высшую ступень общественности, поддерживаемое, напримѣръ, возрѣніемъ на женщину, какъ на объектъ имущественнаго права или заботою о продленіи рода, заботой весьма понятной при господствѣ патриархальнаго быта и обусловленнаго имъ культа предковъ. — Но значить ли это, что и другія проявленія того же начала архаическаго общенія женъ въ предѣлахъ родовой группы, напр., отчужденіе ихъ съ общаго согласія всѣхъ совладѣльцевъ родственниковъ, или отдача ихъ на тѣхъ же условіяхъ въ наемъ или временное пользованіе, непременно должны быть извѣстны тому же еврейскому, индусскому или греческому праву, хотя въ послѣднихъ съ исчезновеніемъ первоначальныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни такое общеніе, не явилось никакихъ новыхъ для поддержанія возможнаго его послѣдствія — основаннаго на коллегіальномъ началѣ права распоряженія женщиной со стороны ея родственниковъ? Очевидно нѣтъ, — и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что ни одно изъ названныхъ законодательствъ не представляетъ намъ примѣра такихъ переживаній, хотя въ то же время всѣмъ и каждому изъ нихъ равно извѣстенъ вытекшій изъ той же причины институтъ левирата или деверства. — Возьмемъ еще примѣръ. Общее всякому патриархально - родовому быту начало распоряженія женщиной со

стороны ея родственниковъ, получило возможность такого-позднего, сравнительно проявленія, какъ то, какое предполагается обязательное для эпиклеры или единственной дочери наслѣдницы вступленіе въ бракъ съ родственникомъ, въ одномъ лишь греческомъ правѣ, отнюдь не въ индусскомъ или еврейскомъ, такъ какъ въ немъ одномъ оно нашло нужную для себя поддержку въ заботливости греческаго законодателя о безповоротномъ удержаніи имущества въ рукахъ владѣющаго имъ рода. — Считая, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для выясненія въ общихъ чертахъ нашей мысли о причинахъ удержанія тѣмъ или другимъ правомъ извѣстныхъ только сторонъ уже пережитаго народами прошлаго, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что вышесказаннымъ вполне опредѣляются задача и планъ настоящей и слѣдующихъ за ней главъ. Отправляясь отъ характеристики материнскаго рода по тѣмъ образцамъ его, какіе въ наши дни представляетъ бытънѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, констатировавши затѣмъ фактъ его широкаго распространенія въ настоящемъ и прошломъ разнообразнѣйшихъ народностей стараго и новаго свѣта, я перейду къ вопросу о причинѣ и ходѣ постепенной замѣны материнскаго рода патриархальнымъ и представлю образцы такого перехода въ бытѣ современныхъ намъ дикарей. Выяснивши генезисъ патриархальнаго рода, я попытаюсь затѣмъ фактически обосновать тотъ взглядъ, что намѣченный такимъ образомъ процессъ развитія не составляетъ особенности однихъ народовъ Америки или Океаніи, но что о немъ можетъ идти рѣчь и въ примѣненіи къ такой передовой расѣ, какова арійская. Съ этой послѣдней цѣлью прослѣжены будутъ мною съ возможной полнотою всѣ тѣ пережитки материнскаго рода, какія попадаются въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ этой расы, а также въ ея религіозныхъ міоахъ и древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности.

Составъ рода у Ирокезцевъ Морганъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «родъ обнимаетъ собою лицъ считающихъ себя происходящими въ женской линіи отъ общей всѣмъ имъ миѣической родоначальницы». Такимъ образомъ въ составъ его обязательно

входить: сама родоначальница и ея дѣти, дѣти ея дочерей и дѣти ея женскихъ потомковъ, сколько бы таковыхъ ни оказа-лось *).

Внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ роду служить носимое лицомъ имя. Въ распоряженіи каждаго рода имѣется извѣстное число собственныхъ именъ, которыя съ согласія его членовъ даются матерями ихъ новорожденнымъ и которыя послѣдніе по достиженіи ими совершеннолѣтія мѣняють на другія. Никто кромѣ членовъ даннаго рода не вправѣ присвоить себѣ одного изъ этихъ именъ Чужеродецъ, сдѣлавшійся въ силу усыновленія членомъ рода, получаетъ вмѣстѣ съ принятіемъ его въ родъ и то или другое родовое названіе; причемъ обыкновенно ему сообщается имя вымершаго родственника, мѣсто котораго онъ заступаетъ. —

Другимъ, не столь рѣзко бросающимся въ глаза признакомъ принадлежности къ роду служить ограниченіе въ извѣстномъ смыслѣ свободы выбора невѣсты. Члены рода не могутъ вступать въ бракъ между собою; это значить, что бракъ немислимъ между лицами, считающимися родственниками въ женской линіи; что, разумѣется, ни мало не исключаетъ возможности брака между тетками и племянниками, дядями и племянницами, употребляя эти термины въ обычномъ намъ смыслѣ, разъ эти племянники и племянницы являются родственниками своихъ дядей и тетокъ по отцу, отнюдь не по матери. Предполагая фактъ вступленія въ бракъ, положимъ внука родоначальницы съ женщиной чужаго рода и рожденія у него ребенка—мужчины, мы, оставаясь вѣрными родовымъ представленіямъ Прокесцевъ, должны будемъ допустить возможность брака между рожденнымъ такимъ образомъ лицомъ и его тетушкой, родной сестрою его отца, съ которой онъ состоитъ въ родствѣ въ мужской, а не женской линіи. То же лицо отнюдь не могло бы вступить въ бракъ ни съ двоюродной, ни даже троюродною сестрою по матери, т. е. ни съ дочерью ея сестры, ни съ дочерью ея кузины, такъ какъ та и другая одинаково принадлежать къ одному съ нимъ роду и потому являются для него запретными. Объясненіе причинъ, поведшихъ къ установленію такого запрета,

*) Ancient Society, стр. 67.

представлена будетъ мною въ послѣдствіи, при изложеніи генезиса материнскаго рода. Въ настоящее же время для меня достаточно констатировать фактъ исключенія материнской родни изъ числа лицъ, съ которыми бракъ считается дозволеннымъ.

Характерная особенность материнскаго рода,—признаніе родства только чрезъ посредство женщины, необходимо налагаетъ свою печать на всѣ стороны общественнаго быта Ирокезцевъ. Ближе всего къ системѣ родства стоитъ система наслѣдственнаго права и на первыхъ порахъ совпадающая съ нею система преемства родовой власти. Неудивительно поэтому, если у Ирокезцевъ къ наслѣдованію, а также къ отправленію обязанностей сахема или старѣйшины, призываются одни и тѣ же лица—ближайшіе родственники по матери, ея братья или сыновья; хотя, въ послѣднемъ случаѣ, все чаще и чаще проявляющееся вмѣшательство членовъ рода въ замѣщеніе этой должности—иначе говоря, развитіе начала избранія—допускаетъ нѣкоторое отклоненіе отъ строгаго соблюденія родовой лѣствицы.

Какъ и въ патріархальномъ родѣ, такъ и въ материнскомъ, кровная связь имѣетъ своимъ послѣдствіемъ установленіе между лицами, его составляющими, извѣстной солидарности, которая сказывается и въ фактѣ взаимной помощи и поддержки въ нуждѣ, и въ круговой поруцѣ, проявляющейся одинаково и при самоуправномъ отраженіи насилій, причиняемыхъ чужеродцами одному изъ членовъ рода и обыкновенно обнимаемыхъ понятіемъ кровной мести, и при разложеніи на всѣхъ членовъ рода какъ обязанности платежа, такъ и права полученія виръ или композицій.

Подобно патріархальному, материнскій родъ опирается на широкой демократической основѣ. Преимущества родства, близость происхожденія отъ родоначальницы, сказываются лишь въ правѣ преимущественнаго занятія должности сахема или старѣйшины, но и это преимущество все болѣе и болѣе исчезаетъ по мѣрѣ удаленія отъ эпохи первоначальнаго возникновенія рода, благодаря все сильнѣе и сильнѣе упрочивающемуся началу избранія, при которомъ совершеннолѣтніе члены рода, одинаково женщины и мужчины, собранные въ родовой сходъ, не только въ правѣ отдать преимущество болѣе способному въ ихъ глазахъ даль-

нѣйшему родственнику передъ ближайшими, но и совершенно свободны въ выборѣ военныхъ вождей, функціи которыхъ пре-ращаются обыкновенно вмѣстѣ съ вызвавшей ихъ избраніе войною. Выбирая какъ родового старѣйшину, такъ и военначальника, сходы удерживаютъ за собою и право ихъ низложенія за тѣ или другіе проступки противъ родовыхъ интересовъ.

Далекіе отъ мысли отказаться въ ихъ пользу отъ всей суммы принадлежащихъ имъ правъ, они удерживаютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи такіе насущные для рода интересы, какъ усыновленіе чужеродцевъ, всего чаще военно-плѣнныхъ, обыкновенно по ходатайству желающихъ принять ихъ семей, или регулированіе кровной мести и опредѣленіе размѣра виръ и композицій съ частныхъ правонарушителей, а при ихъ несостоятельности, и съ ихъ родовъ.

Подобно патріархальному роду, наконецъ, материнскій является не только гражданскимъ и политическимъ, но и религіознымъ союзомъ, избирающимъ на своихъ сходахъ такъ называемыхъ у Ирокезцевъ «хранителей вѣры» и имѣющихъ свои особія отъ другихъ родовъ усыпальницы и кладбища.

Такова, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, характеристика материнскаго рода, какую даетъ Морганъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ бытомъ Ирокезцевъ.

На протяженіи всего Новаго Свѣта материнскій родъ является доселѣ господствующимъ. Признаніе родства только со стороны матери, запрещеніе браковъ между родственниками въ женской линіи, устраненіе родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія и отъ занятія должности сахема дядями по матери, какъ ближайшими родственниками, всѣ эти черты материнскаго рода одинаково могутъ быть отмѣчены и въ бытѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ племени Гуроновъ, и у нѣкоторыхъ изъ семьи Дакота, у Мускоковъ и Крековъ, Делаваровъ, Шошоневъ и Флоридскихъ Натче. Изъ Южно-американскихъ племенъ Морганъ упоминаетъ о краснокожихъ Гвіаны, какъ о такихъ, въ средѣ которыхъ существованіе одного материнства и запрещеніе браковъ между лицами, связанными другъ съ другомъ родствомъ со стороны матери, засвидѣтельствовано въ одно слово цѣлымъ рядомъ посѣтившихъ ихъ путешественниковъ. Слѣды материнскаго рода могутъ быть

отмѣчены, по его словамъ и въ бытѣ наиболѣе передовыхъ народностей Америки—у жителей Ацтекской Конфедераціи, какъ ни затемнило пониманіе ихъ юридическихъ отношеній невѣрное описаніе ихъ испанскими писателями *).

Но если Новый Свѣтъ съ населяющими его туземными племенами является ареною распространенія материнскаго родства и основанныхъ на немъ кровныхъ союзовъ, то это не значитъ, чтобы послѣдніе не встрѣчались и за его предѣлами, въ Австраліи, на Маріанскихъ островахъ, на островахъ Фиджи, Тонга, и Каролинахъ, въ средѣ островитянъ Остъ-Индскаго архипелага, у Сингалезовъ Цейлона, у неарійскаго населенія Индіи, въ средѣ Туареговъ, у многочисленныхъ племенъ восточной Африки, равно и у тѣхъ, которыя живутъ къ Югу отъ Сахары, у туземцевъ Гвинеи, Лоанго и Конго, у большинства средне-африканскихъ нароцевъ, Кафровъ въ томъ числѣ, на островѣ Мадагаскарѣ **). Если не въ наши дни, то сотни, вѣрнѣе тысячи лѣтъ назадъ, черты того же порядка общественныхъ отношеній можно было встрѣтить у многихъ племенъ передней Азіи, у Ликійцевъ и Локровъ, а также у древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ обитателей Европы Иберовъ и вышедшихъ изъ Азіи Этрусковъ ***). Правда, существованіе материнства у всѣхъ и каждаго изъ названныхъ народовъ можетъ быть догадываемо далеко не съ одинаковой убѣдительною: въ пользу его признанія у Этрусковъ, напр., можно привести только отрывки изъ ихъ надгробныхъ памятниковъ, на которыхъ покойникъ однообразно обозначается или плодомъ такой-то матери или рожденнымъ такою-то женщиною и имя отца ни разу не упомянуто ****); тогда какъ по отношенію къ Ликійцамъ мы имѣемъ поразительно по своей опредѣленности свидѣтельство Геродота: «Ликійцы принимаютъ имя матери, а не отца. Спросите Ликійца, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ, онъ приведетъ генеалогію матери и ея восходящихъ въ женской линіи». Если прибавить къ этому

*) Ancient Society, глава VI и VII.

***) Post. Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit, 1875 г., стр. 95.

****) Bachofen. Die Sage von Tanaquil.

****) Ibid., стр. 283 и 290.

показаніе того же Геродота о томъ, что кровь матери передается рожденному отъ нея ребенку, такъ что свободная женщина въ союзѣ съ рабомъ можетъ сдѣлаться матерью свободного чело-вѣка и на оборотъ, а съ другой слова Іоанна Дамаскина о на-слѣдованіи у нихъ имущества не уходящими въ чужой родъ сы-новьями, а остающимися въ материнскомъ родѣ женщинами— то въ результатѣ получится картина, довольно близкая къ той, каковую рисуетъ передъ нами Морганъ, говоря о родахъ Про-кезцевъ *).

Общераспространенность материнскаго рода, доказанная выше приведеннымъ перечисленіемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ су-ществованіе его было констатировано въ настоящемъ или прош-ломъ, сама по себѣ говоритъ о томъ, какъ произвольно утвер-жденіе Мэна, что—общественные союзы, подобные тѣмъ, какіе на-блюдаемы были Морганомъ въ средѣ Прокезцевъ, составляютъ особенность тѣхъ обществъ, въ которыхъ по причинѣ ли посто-янныхъ войнъ ихъ съ сосѣдями и увода послѣдними ихъ жен-щинамъ въ плѣнъ, господства ли женскаго дѣтоубійства или са-мага порядка ихъ основанія кочующими группами, представ-ляющими въ своемъ составѣ больше мужчинъ, нежели женщинъ», пропорціональное отношеніе половъ оказывается болѣе благо-приятнымъ для мужчинъ **). Начать съ того, что самое суще-ствованіе такихъ обществъ, какъ чего то не исключительнаго, а болѣе или менѣе общераспространеннаго, должно быть под-вергнуто сомнѣнію: почти повсемѣстное господство обычая по-хищать невѣсть, котораго не станеть отрицать и самъ Мэнъ, необходимо должно было вести къ установленію приблизитель-наго равенства между племенами по отношенію къ числу вхо-дящихъ въ составъ ихъ женщинъ. Къ тому же результату должно было вести и широкое господство женскаго дѣтоубій-ства, если послѣднее вообще можетъ быть признано, какъ постоянное, а не какъ временное явленіе, вызываемое преходя-щимъ недостаткомъ въ средствахъ пропитанія и потому не на-столько существенное, чтобы серьезно вліять на измѣненіе про-

*) Girard Teulon. Les Origines du mariage et de la famille 1884 г., стр. 279.

***) Мэнъ. Древній законъ и обычай, глава VII, стр. 162 и слѣд.

порціональнаго отношенія мужчинъ къ женщинамъ. Наконецъ, что касается до третьей причины, поведшей, согласно ученію Мэна, къ малочисленности женщинъ,—колонизаціи цѣлыхъ материковъ, каковы Америка и Австралія, кочующими группами, составленными по преимуществу изъ мужчинъ, то приводимый имъ въ пользу этой гипотезы фактъ «заселенія острововъ Тихаго океана мужчинами, прибывшими туда лишь съ небольшими числомъ женщинъ», такъ рѣзко противорѣчитъ тому, что намъ извѣстно о порядкѣ переселенія народовъ, что едва ли можетъ быть признанъ общимъ правиломъ, а не наоборотъ — исключеніемъ изъ него. Все, что говоритъ намъ Цезарь и Тацитъ о переселенческомъ движеніи германскихъ племенъ, переходившихъ на новыя мѣста жительства вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми, все, что мы знаемъ о порядкѣ выселенія англо-саксовъ въ Британію, выселенія, сопровождавшагося совершеннымъ опустѣніемъ ихъ прежнихъ мѣстъ жительства *), не говоря уже о хорошо извѣстномъ порядкѣ исхода евреевъ изъ Египта цѣлыми семьями и родами, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что переселенцы, какъ общее правило, снимаются съ занятыхъ ими нѣкогда участковъ сплошными массами, и что объ оставленіи ими за собою женщинъ не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, что съ перспективой отдаленнаго и опаснаго плаванія, какъ то, какого потребовало заселеніе нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, эмигрантами могутъ оказаться по преимуществу лица мужескаго пола: ближайшій примѣръ этому можетъ представить исторія тѣхъ завоевательныхъ набѣговъ, какіе предпринимаемы были въ средніе вѣка скандинавскими викингами и повели между прочимъ къ возникновенію Исландскаго государства; но не говоря уже о томъ, что за первой миграціей съ преобладающимъ мужскимъ элементомъ легко могли слѣдовать другія, въ составъ которыхъ входили и оставленныя ими женщины, не удерживаемыя болѣе отъ переселенія неизвѣстностью подлежащаго имъ пути и необезпеченностью своего положенія въ новой родинѣ,—самое предположеніе о заселеніи всего на примѣръ американскаго ма-

*) См. Freeman, Norman Conquest. Т. I, гл. 1.

терика какими то обществами «повольниковъ», при полной фактической необоснованности, настолько противорѣчить аналогичнымъ явленіямъ изъ исторіи заселеній стараго материка, что мы не затрудняемся отнести его къ числу придуманныхъ для цѣлей теоріи совершенно произвольныхъ гипотезъ. Но если бы теорія Мэна могла представить въ свою пользу и болѣе убѣдительныя доказательства, если бы въ концѣ концовъ мы и согласились съ нимъ, что во многихъ обществахъ число женщинъ было значительно меньше числа мужчинъ, то спрашивается еще, какое объясненіе могъ бы дать этотъ фактъ существованію въ ихъ средѣ материнскаго рода? Все, что говоритъ Мэнъ въ разъясненіе этого темнаго вопроса, буквально сводится къ слѣдующему: «надо признать, замѣчаетъ онъ, что въ обществахъ, страдавшихъ отъ сравнительной малочисленности женщинъ, развитіе интеллекта..... должно было привести людей къ установленію учреждений, которыя соотвѣтствовали бы такому численному неравенству между полами, хотя бы уже въ видахъ удержанія въ извѣстныхъ предѣлахъ той половой ревности, которая, не будучи чѣмъ-либо сдержана, необходимо вела бы при данныхъ условіяхъ къ непрерывнымъ насиліямъ и кровопролитіямъ» *). Не выяснивши болѣе определенно своей мысли, Мэнъ на слѣдующей затѣмъ страницѣ говоритъ уже объ «обозначеніи родства по происхожденію отъ женщинъ», какъ объ учрежденіи, вытекшемъ изъ факта существованія въ нѣкоторой части человѣчества и въ извѣстное только время общественныхъ группъ, заключавшихъ въ себѣ значительно меньшее число женщинъ, чѣмъ мужчинъ **). Такимъ образомъ мы вправѣ полагать, что къ числу учреждений, придуманныхъ, по мнѣнію Мэна, съ цѣлью наложить узду на мужскую ревность, слѣдуетъ отнести и материнскій родъ, который такимъ образомъ является чѣмъ то вполне искусственнымъ. Но приведенное объясненіе предполагаетъ въ дикаряхъ такой высокій процессъ творчества, какой Мэнъ съ своей теоріей юридическихъ фикцій не допускаетъ и на несравненно высшей ступени

*) Мэнъ, *ibid*, стр. 165.

**) Мэнъ, *ibid*, стр. 166.

общественнаго развитія. Фикція въ родѣ подведенія, напр., отношеній къ принимаемому въ семью чужеродцу подѣ типъ отношеній отца къ сыну, требуетъ отъ обращающихся къ ней лишь того наипростѣйшаго процесса мышленія, который мы называемъ аналогіей. Иное дѣло построеніе такой сложной общественной организаціи, какъ та, какую представляетъ намъ материнскій родъ, съ его дѣленіемъ членовъ одной семьи, уходящихъ въ чужой родъ братьевъ и остающихся въ родѣ сестеръ, на двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга группы, съ его запрещеніемъ браковъ въ предѣлахъ одной и той же группы, съ его включеніемъ въ союзъ круговой поруки однихъ лицъ, связанныхъ материнскимъ родствомъ и исключеніемъ столь же или болѣе близкихъ съ нашей точки зрѣнія родственниковъ по отцу. Искусственное созданіе такой сложной организаціи можетъ быть продуктомъ лишь цѣлаго ряда самостоятельныхъ творческихъ процессовъ мысли, требующихъ несравненно большей напряженности въ дѣятельности мозга и способности продолжительнаго сосредоточенія его на одномъ предметѣ, чѣмъ тотъ, какой можетъ быть допущенъ при той сравнительно еще слабой изощренности его, какая необходимо должна была отличать собою младенческій періодъ человѣческаго мышленія. Къ тому же какъ объяснить, что эти искусственныя созданія, обязанныя своимъ возникновеніемъ не самопроизвольному развитію, а сознательному преслѣдованію опредѣленныхъ цѣлей, отлились въ почти однохарактерныя формы на самыхъ отдаленныхъ концахъ земнаго шара, слѣдовательно, при полной невозможности непосредственнаго заимствованія однимъ народомъ у другого?

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теорія Мэна далеко не можетъ быть признана удачною. Опорой ей служить слишкомъ большое число неподкрѣпленныхъ фактами посылокъ; принятіе же конечнаго ея вывода требовало бы отъ насъ радикальной перемѣны въ нашихъ воззрѣніяхъ на сравнительную неподвижность человѣческаго ума въ ранній періодъ общественнаго развитія.

Посмотримъ теперь, какое иное объясненіе можетъ быть дано факту происхожденія материнскаго рода. При изложеніи генезиса материнства необходимо отвратиться отъ признанія

слѣдующихъ двухъ одинаково твердо обоснованныхъ съ нашей точки зрѣнія положеній: непрочности брачныхъ узъ на низшихъ ступеняхъ общежитія и вытекающей отсюда невозможности установить фактическую связь между ребенкомъ и родившимъ его отцомъ. Я говорю, что оба положенія кажутся мнѣ одинаково бесспорными; сомнѣнїе на ихъ счетъ едва ли возможно при современномъ состоянїи нашихъ этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣнїй. Намъ могутъ, конечно, раздѣлять попрежнему вопросы о томъ, было ли беспорядочное половое сожитіе общимъ правиломъ, мирилось ли оно съ явнымъ кровосмѣшеніемъ и можно ли видѣть въ нерѣдко попадающейся и въ историческую эпоху полиандрїи слѣды его прежняго господства. Но никто изъ насъ не вправѣ отрицать того, что связь мужчины съ женщиной на раннихъ ступеняхъ общежитія далеко не отличалась прочностью и постоянствомъ, что она расторгается на каждомъ шагу, и что цѣломудріе и вѣрность не считались необходимыми добродѣтелями ни въ дѣвушкахъ, ни въ женщинахъ. Какъ и другія явленія культуры, современная намъ нравственность женщинъ является продуктомъ тысячелѣтнаго развитія и чѣмъ болѣе мы будемъ проникаться этой мыслью, тѣмъ болѣе станемъ дорожить ею. — При непрочности брачныхъ узъ, легко могло случиться, что въ моментъ рожденія ребенка его дѣйствительный отецъ, порвавши прежнюю связь, состоялъ уже въ новомъ союзѣ *), а слѣдовательно, не оставалось иного исхода, кромѣ того, чтобы или считать отцомъ современнаго рожденію обладателя матери, или, не подымая вовсе вопроса о патернитетѣ, довольствоваться признаніемъ легко констатируемаго наблюденіемъ факта родства ребенка съ матерью и чрезъ ее посредство съ ея родственниками. Препятствіемъ къ первому долгое время должно было являться рѣшительное несходство новорожденнаго съ сожителемъ его матери. Правда, индусское и римское право доказываютъ намъ, что съ теченіемъ вре-

*) На такой именно случай повидимому и разсчитано правило одного изъ ирландскихъ сводовъ книги *Aicill*, постановляющее: ребенокъ можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому, до тѣхъ поръ пока свидѣтельство людей не укажетъ ему отца. (Сокольскій. Къ ученію объ организаціи семьи у Кельтовъ.

мени это воззрѣніе все же восторжествовало: ребенокъ сталъ считаться сыномъ лица, которому принадлежала его мать; это именно и признають индусскіе своды, когда говорятъ объ отеческихъ правахъ мужа на всѣхъ дѣтей, прижитыхъ его женою съ посторонними лицами *); это и имѣеть въ виду римское право, выставляя афоризмъ «*pater est quem nuptiae demonstrant*» (отецъ тотъ, на кого указываетъ обрядъ совершенія брака, передающій мужинѣ права надъ женщиной). Но если въ концѣ концовъ вопросъ о патернитетѣ и былъ рѣшенъ этимъ искусственнымъ образомъ, то источникомъ такого рѣшенія его было не иное что, какъ желаніе не отымать у мужа приплода отъ пріобрѣтенной имъ покупкою жены, иначе говоря, сохранить за нимъ всѣ тѣ имущественныя выгоды, которыя должны были вытекать для него изъ брака. А что это на самомъ дѣлѣ было такъ, доказательствомъ этому служить между прочимъ то обстоятельство, что за мужемъ женщины, доставшейся кому либо уводомъ, ирландскіе своды признають патернитетъ лишь въ случаѣ покупки имъ этого права у родной матери, посредствомъ платежа суммы, равняющейся вирѣ дѣтей **). Не купивши женщины, мужчина не имѣеть права и на ея приплодъ и можетъ пріобрѣсть послѣднее не иначе, какъ производствомъ соотвѣствующихъ платежей.

Объясняя материнство тѣмъ обстоятельствомъ, что при непрочности брачныхъ узъ, дѣйствительнаго отца ребенка можетъ не оказаться на лицо въ моментъ его рожденія, я рѣшительно оставляю ту почву, на которой доселѣ производима была защита Моргановской теоріи. Писатели, слѣдовавшіе, по моему, слѣпо за американскимъ этнографомъ, какъ, напр., Жиро Телонъ или Колеръ, позволяли себѣ утверждать, что древнему человѣку вовсе не было доступно сознаніе того, что ребенокъ есть продуктъ не только женщины, но и сожительствовавшаго съ нею мужчины. Нельзя согласиться съ послѣднимъ изъ названныхъ нами писателей, что такое сознаніе составляетъ осо-

*) См. Mayne. Hindu law and usage, а также Kohler. Das indische Familienrecht. Zeitschrift für die Vergleichende Rechtswissenschaft, 1879 г.

**) Ancient laws of Ireland, т. III, стр. 541.—Сокольскій. Къ учению, объ организаціи семьи у кельтовъ, стр. 46.

бенность лишь новѣйшаго времени *), такъ какъ уже Гиппократу приходилось бороться съ господствовавшей въ его время физиологической доктриной, согласно которой ребенокъ есть произведение не матери, а исключительно отца, и та же доктрина влагается Эврипидомъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ его Эвменидъ, Аполлона, который ею защищаетъ поступокъ Ореста, отмстившаго матери за смерть отца, какъ единственнаго виновника его жизни**). При чрезвычайной скудости состоящихъ въ нашемъ распоряженіи археологическихъ данныхъ, на которой съ такимъ основаніемъ настаиваетъ Мэнъ, мы навсегда, быть можетъ, должны отказаться отъ мысли узнать въ точности ширину умственного кругозора древняго человѣка, его способность или неспособность не научнаго, конечно, а интуитивнаго пониманія многого изъ того, что составляетъ достояніе современнаго намъ знанія, въ томъ числѣ, конечно, и вопроса о томъ, участвуетъ ли отецъ наравнѣ съ матерью въ рожденіи происходящаго отъ нея приплода. Болѣе вѣроятной однако кажется намъ догадка Мэна, что нерѣдко сходство дѣтей съ ихъ отцами должно было съ самаго начала наводить на мысль о непосредственномъ ихъ участіи въ актахъ рожденія***). Вотъ почему мы и считаемъ нужнымъ оставить вполнѣ ту аргументацію, которая отправилась отъ недоказаннаго факта полнѣйшаго игнорированія древнѣйшими обществами той физиологической связи, которая существуетъ между отцомъ и родившимся отъ него ребенкомъ. И безъ ея содѣйствія отсутствіе на первыхъ порахъ патернитета легко можетъ быть понято, разъ мы примемъ во вниманіе, вышеприведенныя положенія, во 1-хъ, непрочность брачныхъ связей, во 2-хъ, возможность прекращенія ихъ до момента рожденія ребенка, и сдѣлаемъ изъ нихъ тотъ ближайшій выводъ, что въ то самое время, когда для ребенка особенно необходимо постоянное присутствіе матери-кормилицы, его дѣйствительный

*) стр. 393. Während die Zusammengehörigkeit der Kinder mit der Mutter sich von der Natur selbst dem ersten Blicke verräth, ist der Zusammenhang mit dem Vater in den tiefsten Schleier gehüllt, den erst die physiologischen Forschungen unserer Tage zu lüften verstanden.

***) См. Мэнъ, стр. 155, прим., и 156.

***) Мэнъ, стр. 155.

отецъ можетъ быть уже членомъ другой семьи, такъ что о фактической передачѣ его послѣднему не можетъ быть и рѣчи. Сожительство въ одномъ жилищѣ съ родившей его матерью и ея родственниками необходимо должно укрѣпить въ младенцѣ то чувство любви, которое вызываютъ въ немъ расточаемыя на него заботы. Неудивительно поэтому, если современемъ онъ начинаетъ сознавать существованіе извѣстной родственной связи не только съ вскормившей его грудью матерью, но и съ живущими съ нею совмѣстно родственниками и прежде всего братьями, на которыхъ, какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ кормильцами (по санскритски *bhṛgātā*, по русски братъ, отъ корня *bhṛ*, означающаго поддерживать, питать), непосредственно падала забота о матеріальномъ благосостояніи живущихъ при нихъ сестеръ *), а косвенно и ея приплода. Во все то время, пока продолжается процессъ вскармливанія и первоначальный уходъ за младенцемъ, отца можетъ вовсе не быть на лицо, а такое явленіе должно было по необходимости быть болѣе или менѣе распространеннымъ, прежде чѣмъ изъ фактическаго стать юридическимъ, прежде чѣмъ сдѣлаться источникомъ происхожденія того строгаго предписанія, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ, а въ томъ числѣ и у горцевъ нашего Кавказа, дѣти до ихъ совершеннолѣтія не должны признавать своихъ отцевъ, по крайней мѣрѣ публично, и для избѣжанія возможныхъ встрѣчъ съ родителями обыкновенно отдаются на воспитаніе въ чужую семью, аталыкамъ. **)—Отсутствіе постоянного сожительства съ отцемъ, очевидно, является препятствіемъ къ развитію въ ребенкѣ того чувства привязанности, при которомъ только и мыслимо возникновеніе въ немъ сознанія родственной связи съ виновникомъ его рожденія и родственниками послѣдняго. Удивительно ли послѣ этого, если въ конечномъ результатѣ непрочность половыхъ связей среди первобытныхъ обществъ лишаетъ послѣднія необходимыхъ условій для

*) *Svasor* по санскритски составное слово отъ *vas*—жить и *sa*—предлогъ съ, что даетъ намъ право на слѣдующій переводъ этого слова: «живущая вмѣстѣ» (съ братомъ). *Pictet. Orig. indoeur.*, т. III.

**) Однохарактерныя явленія попадаются и въ бытѣ другихъ народовъ, см. *giraud-Teulon Les origines du mariage et de la famille.*

возникновенія патернитета и связаннаго съ нимъ агнатическаго родства. Сожительство исключительно съ родственниками матери до самаго момента наступленія половой зрѣлости необходимо вызываетъ въ свою очередь въ подростящихъ поколѣнїяхъ то чувство солидарности съ материнскимъ родствомъ, нагляднымъ выраженїемъ котораго является начало взаимной помощи и поддержки и круговая порука какъ въ самоуправствѣ, такъ и въ платежѣ вирѣ или композицій; а эта солидарность въ свою очередь является тѣмъ связующимъ цементомъ, благодаря которому нисходящїе и восходящїе когнаты составляютъ изъ себя одно цѣлое и въ своихъ сношенїяхъ съ сосѣдами выступаютъ какъ одинъ человекъ, владѣя сообща имуществомъ, ведя переговоры съ чужеродцами не иначе, какъ отъ имени и по полномочію всего союза, усыновляя, напр. съ общаго согласїя своихъ военно-плѣнныхъ и отщепенцевъ другихъ однохарактерныхъ съ ними союзовъ, или оканчивая заключенными на тѣхъ же основанїяхъ мировыми сдѣлками кровную вражду съ сосѣдними родами.

При полной отчужденности отъ отца и агнатическихъ родственниковъ нисходящимъ поколѣнїямъ не остается инаго исхода кромѣ подчиненїя въ интересахъ единства дѣйствїя руководительству старшихъ членовъ материнской родни, а такими необходимо долженъ быть кто либо изъ неушедшихъ въ чужой родъ для брачнаго сожительства дядей матери, а при недостаткѣ послѣднихъ ея братьевъ. Неудивительно поэтому, если одинъ изъ нихъ и становится сперва фактически, а позднѣе и въ силу признанїя его самими родичами, главою рода, старѣйшиной, или, употребляя обычное въ средѣ краснокожихъ выраженїе, сахемомъ. Предположенїе, что во главѣ рода, основаннаго на материнствѣ, необходимо должна стоять женщина, и что послѣдняя играетъ въ немъ господствующую роль, ту самую, какую впоследствии въ родѣ агнатическомъ играетъ мужчина, что съ материнствомъ такимъ образомъ неразрывно связана гинеократїя, не подтверждается этнографическими данными и, какъ построенное на одностороннемъ толкованїи религіозныхъ мїоовъ древности, должно быть оставлено окончательно *).

*) Признанїе этой гинеократїи и составляетъ слабое мѣсто въ оригинальныхъ построенїяхъ Бахофена (см. Das Mutterrecht).

Если въ предшествующемъ нами сдѣлана была попытка объяснить происхожденіе идеи материнства ранѣ возникновенія мысли о патернитетѣ и въ соотвѣтствіе съ этимъ когнатическаго родства ранѣ и при полномъ незнакомствѣ съ родствомъ агнатическимъ, если намъ удалось выяснитъ вышеприведенными соображеніями тѣ причины, которыя побуждаютъ когнатическихъ родственниковъ образоваться въ союзы круговой поруки, съ полнымъ основаніемъ обозначаемые терминомъ родовъ, и ставить во главѣ послѣднихъ старѣйшаго въ родѣ матери—ея дядю или брата, то одна черта материнскаго рода — запрещеніе брачныхъ связей между входящими въ него членами все еще не нашла себѣ надлежащаго толкованія. И это не удивительно, если принять во вниманіе, что запрещеніе, о которомъ идетъ рѣчь, встрѣчается въ обществахъ, въ которыхъ одинаково неизвѣстны, какъ патріархальный, такъ и материнскій родъ, или попадаются только зачатки послѣдняго, и что такимъ образомъ причина его возникновенія лежитъ внѣ сферы тѣхъ факторовъ, которые вызвали къ жизни матернитетъ и основанное на немъ когнатическое родство. Изучая бытъ австралійскихъ Камиларои и Курнаи въ томъ образцовомъ описаніи его, какое составлено англійскими миссіонерами Физонъ и Гауитъ, мы встрѣчаемъ указаніе на существованіе въ ихъ средѣ такихъ племенъ, которымъ, какъ напр. жителямъ «Mount Gambier», «Darling River» или «Queensland» извѣстно одно лишь дѣленіе на двѣ группы мужчинъ и такое же женщинъ, при чемъ мужчинамъ первой группы дозволяется вступать въ бракъ только съ женщинами второй группы, а мужчинамъ второй группы только съ женщинами первой. Для наглядности приведемъ самыя названія этихъ группъ, употребительныя между туземцами «Mount Gambier»: группы мужчинъ обозначаются у нихъ, первая именованъ «Kumite», а вторая «Kroki»; группы женщинъ тѣми же именами, только съ прибавкой частицы «dor»: первая такимъ образомъ терминомъ «Kimite-dor», вторая «Kroki-dor». По юридическимъ представленіемъ названныхъ племенъ каждый мужчина изъ группы Kumite вправѣ вступить въ брачное сожительство съ каждой изъ женщинъ группы Kroki-dor, всякій же Kroki можетъ взять въ жены только Kumite-dor. Пошеніе женщинами первой группы приблизительно одного имени съ мужчинами

той же группы, а второй одного съ мужчинами второй группы само указываетъ на то, что между соответствующими группами мужчинъ и женщинъ существуетъ известное родство; одинаковость наименованія, какъ мы видѣли, всегда является внѣшнимъ выраженіемъ родства: и дѣйствительно при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что братья и сестры одной матери попадаютъ въ тѣ двѣ группы, между которыми запрещается заключеніе брачныхъ узъ; а съ ними вмѣстѣ двоюродные и троюродные братья и сестры, дяди и тетки, племянники и племянницы. Такимъ образомъ ближайшей цѣлью дѣленія на группы является стремленіе воспрепятствовать половому общенію ближайшихъ родственниковъ, и такъ повидимому понимаютъ ее и сами Камиларои, одно изъ сказаній которыхъ повѣствуетъ на этотъ счетъ слѣдующее. По сотвореніи міра братья, сестры и другіе ближайшіе родственники безпрепятственно вступали между собою въ браки, до тѣхъ поръ, пока не обнаружили дурныя послѣдствія такихъ браковъ и совѣтъ старшинъ не счелъ нужнымъ принять мѣръ противъ нихъ. Обратившись съ молитвою къ Мурамара (Доброму Духу) старшины услышали отъ него слѣдующій приказъ: племена должны быть раздѣлены на вѣтви и послѣднія обозначены каждая именемъ одушевленнаго или неодушевленнаго предмета, какъ напр. собака, мышь и т. д., члены одной и той же вѣтви не должны впредь вступать въ бракъ между собою, а могутъ сожительствовать лишь съ членами другой вѣтви; такъ мужчина изъ вѣтви собаки не можетъ жениться на женщинѣ изъ той же вѣтви, но ничто не мѣшаетъ ему заключать союзъ съ женщиной изъ вѣтви мыши и т. п. *).

Въ этой легендѣ, въ которой очевидно нѣтъ ничего историческаго, сказывается то рано или поздно пробуждающееся сознаніе необходимости положить конецъ кровосмѣсительнымъ связямъ, которое проглядываетъ напр. и въ гимнахъ Ригъ-Веды въ отказѣ сестры Ями вступить въ сожительство съ своимъ братомъ Яма **). Чѣмъ обуславливалось пробужденіе этого сознанія — отвѣта на это не даетъ намъ ни легенда Камиларо-

*) Kamilaroi and Kurnai by Fison et Howitt, 1880. Melbourne, стр. 25.

**) См. Миллеръ, Очерки арійской мифологіи. Асвины, гл. I.

роевъ, ни древнѣйшіе памятники арійской письменности. Имѣя въ виду, что протестъ противъ кровосмѣсительныхъ союзовъ долженъ быть отнесенъ еще къ періоду, предшествующему эпохѣ возникновенія материнскаго рода, мы должны приписать ему причины, которыя бы отвѣчали младенческому состоянію народнаго сознанія. Вотъ почему намъ трудно согласиться съ повторяющимъ Дарвина Мэнномъ, что выгоды скрещиванія рано стали понятны людямъ и что послѣдствіемъ этого явилось запрещеніе кровосмѣсительныхъ браковъ. Не отрицая того, что пастушескіе народы простымъ наблюденіемъ надъ стадами могли убѣдиться въ выгодахъ такого скрещиванія и, разъ убѣдившись въ немъ, установить упомянутыя запрещенія, я полагаю, что послѣднія возникли гораздо ранѣ перехода къ пастушеской жизни, подъ вліяніемъ причины, которая должна была дѣйствовать съ самаго начала, такъ какъ она обща человѣку съ другими животными. Говоря это, я разумѣю то чувство ревности, раннему пробужденію котораго Мэнъ приписываетъ, какъ мы видѣли, такое рѣшающее значеніе на весь строй древней жизни, и которое, по моему мнѣнію, съ самаго начала должно было грозить мирному существованію сообществъ, не обратившихся къ началу экзогаміи, или запрещенія браковъ иначе какъ съ чужеродцами. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи еще частной собственности на недвижимость и слабо развитой привычкѣ къ накопленію запасовъ, кто, какъ не женщина, должна была явиться яблокомъ раздора между членами одного и того же сообщества; точно также какъ она являлась причиной междуплеменныхъ и родовыхъ препирательствъ, классическимъ образцомъ чего могутъ служить распри, связываемыя народнымъ преданіемъ съ фактомъ похищенія римлянами сабинокъ. Но всякое сообщество, а въ томъ числѣ и родовое, можетъ держаться лишь подъ условіемъ внутренняго мира—и этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему на разнообразнѣйшихъ концахъ земнаго шара эта общая всѣмъ имъ причина повела къ установленію системы экзогамическихъ браковъ. Нечего и говорить, что экзогамія, въ эпоху господства материнскаго рода, не вполнѣ отвѣчала тому представленію, какое связывали съ нею впослѣдствіи народы, живущіе агнатическими родами. О запрещеніи браковъ между не одними едино-

утробными, но и единокровными родственниками, не могло въ это время быть и рѣчи, такъ какъ послѣдніе вовсе не входили въ счетъ родства и относимы были къ чужеродцамъ. Это обстоятельство въ свою очередь косвенно указываетъ на то, что источникъ возникновенія экзогаміи не лежитъ въ сознаниі необходимости скрещиванія для полученія лучшей породы, такъ какъ этой необходимости она далеко не удовлетворяла вполнѣ во все время господства материнскаго рода. Гораздо вѣроятнѣе поэтому то предположеніе, что одинъ лишь позднѣйшій переходъ отъ ограниченной къ полной экзогаміи, при которой запрещаются браки и съ роднею отца, совершился подъ влияніемъ этого сознанія, что въ свою очередь вполнѣ отвѣчаетъ и большей сравнительно изощренности въ это время человѣческаго мышленія, и накопленію извѣстнаго въ этомъ отношеніи опыта, приобретаемаго, очевидно, не ранѣе эпохи прирученія животныхъ и перехода къ пастушескому образу жизни.

Во всякомъ случаѣ той экзогаміи, о которой говоритъ Магъ-Ленанъ, впервые пустившій въ обращеніи этотъ терминъ, экзогаміи, запрещающей бракъ не только въ средѣ рода, но и въ средѣ цѣлаго племени, никогда не существовало. У племенъ, стоящихъ какъ на низшихъ ступеняхъ общественности, такъ и у тѣхъ, которые перешли уже къ выдѣленію изъ своей среды когнатическихъ, и даже агнатическихъ родовъ, бракъ въ предѣлахъ племени возможенъ; чего обычай не допускаетъ, такъ это сожительства мужчинъ и женщинъ одной группы, а такихъ группъ въ племени всегда болѣе одной, будутъ ли послѣдніе организованы по типу тѣхъ, какія, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ средѣ австралійскихъ дикарей, или по сравнительно высшему типу материнскаго и даже отеческаго рода *). Точно также невѣрно и то положеніе Магъ-Ленана, будто экзогамія устраняетъ одновременное господство эндогамическихъ запрещеній, если только понимать подъ послѣдними запрещеніе брака не съ членами единоплеменныхъ родовъ, а съ лицами изъ чужаго племени или народа. У такихъ даже народовъ, какъ Евреи или Арабы, религія которыхъ ведетъ къ искусственному установле-

*) См. Giraud Teulon, стр. 103.

нію эндогаміи, т. е. къ запрещенію браковъ съ иноплеменниками, какъ съ лицами, отверженными Богомъ и нечистыми, экзогаміи внутри племени въ полномъ ходу и бракъ между членами одного рода считается не менѣе запретнымъ, какъ и у любаго изъ такъ называемыхъ Макъ-Ленаномъ экзогамическихъ племенъ. Вообще объясненіе, даваемое шотландскимъ этнографомъ какъ роли экзогаміи въ средѣ древнѣйшихъ человѣческихъ сообществъ, такъ и самому генезису ея, при современномъ состояніи нашихъ знаній по этому вопросу должно быть признано вполне неудачнымъ; отъ всѣхъ его построений, по крайней мѣрѣ въ этой области, остается лишь нѣсколько безспорно вѣрныхъ замѣчаній, въ родѣ того, на примѣръ, что всюду, гдѣ встрѣчается обычай похищать невѣсть, существовала и экзогамія и на оборотъ. Основная же мысль о томъ, что источникъ происхожденія экзогаміи лежитъ въ обычаѣ убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, послѣдствіемъ чего является скудость женщинъ въ племени и необходимость приобрѣтать ихъ у сосѣдей похищеніемъ или покупкой, не выдерживаетъ ни логической, ни этнографической проверки. Уже Спенсеромъ побѣдоносно установленъ былъ тотъ взглядъ, что при общераспространенности дѣтоубійства дѣвочекъ, недостатокъ въ нихъ долженъ былъ наступить одновременно и въ равной степени у сосѣднихъ другъ къ другу племенъ и, слѣдовательно, не могло бы возникнуть условій, благопріятныхъ развитію экзогаміи.

Но помимо этого соображенія можетъ быть представленъ и рядъ другихъ, столь же неблагопріятныхъ для теоріи Макъ-Ленана. Если, какъ онъ полагаетъ, дѣтоубійство дѣвочекъ было вызвано желаніемъ уничтожить въ самомъ корнѣ причину постоянныхъ распрей съ сосѣдями изъ за похищенія ими женщинъ и послѣдствіемъ такого истребленія явилась экзогамія, т. е. возведенная уже въ обязательный обычай практика похищенія, то несоотвѣтствіе послѣдствій съ цѣлью необходимо должно было вызвать у практикующихъ дѣтоубійство племенъ воздержаніе отъ дальнѣйшаго обращенія къ нему. Къ тому же, если признать основательнымъ приводимый Макъ-Ленаномъ мотивъ возникновенія обычая убивать новорожден-

ныхъ дѣвочекъ, то все же остается непонятнымъ, почему подъ влияніемъ того же мотива дикари не обращаются къ истребленію своихъ стадъ, которыя для ихъ сосѣдей должны быть не меньшею приманкой, а слѣдовательно такой же причиной враждебныхъ столкновеній съ ними, какъ и принадлежащая племени женщины. Необъясненнымъ является также въ теоріи шотландскаго этнографа и причина, по которой дикари смотрятъ на женщину, какъ на тягость для семьи; вѣдь женщина на низшихъ ступеняхъ культуры представляетъ собою несравненно большую цѣнность, нежели на высшихъ; до замужества она работница, трудъ которой болѣе чѣмъ оплачиваетъ издержки на ея содержаніе; при выдачѣ въ замужество она доставляетъ своему роду, позднѣе семьѣ, значительный доходъ въ формѣ калыма, уплачиваемаго ея женихомъ семьею или родомъ послѣдняго, какъ выкупъ за ея похищеніе, на подобіе того, какъ платится вѣра за всякій матеріальный ущербъ, причиненный другъ другу чужеродцами. При слабомъ развитіи другихъ видовъ цѣнностей, при зарождающейся только собственности на движимость и при отсутствіи всякаго постоянного присвоенія земельныхъ участковъ, женщина является однимъ изъ главныхъ видовъ цѣнностей, которая поэтому и переходитъ по наслѣдству вмѣстѣ съ накопленнымъ покойникомъ запасомъ и является объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ: мѣны и купли-продажи. Гдѣ же, спрашивается, тутъ условія для того, чтобы развиться дѣтоубійству дѣвочекъ предпочтительно предъ дѣтоубійствомъ мальчиковъ, и не какъ случайному явленію, вызываемому временной недостатчей средствъ къ жизни, а какъ регулируемому обычаемъ порядку? Такихъ условій очевидно не имѣется на лицо и болѣе обстоятельное знакомство съ бытомъ племенъ, которымъ приписывается дѣтоубійство дѣвочекъ, показываетъ, что къ послѣднему онѣ обращаются лишь изрѣдка подъ давленіемъ необходимости и что жертвою такого недостатка средствъ къ жизни являются, хотя и въ меньшей мѣрѣ, новорожденные мужчины, какъ и новорожденные женщины, а вмѣстѣ съ ними подчасъ и дряхлые старики и старухи, т. е. всѣ тѣ, которые по недостатку физическихъ силъ должны жить на чужой счетъ. Къ тѣмъ даннымъ, которыя по этому вопросу приводитъ Жиро Телонъ,

ссылающийся одинаково и на примѣръ Китайцевъ и на обычаи африканскихъ, американскихъ и австралийскихъ дикарей *), я съ своей стороны могу прибавить слѣдующія, полученные мною на Кавказѣ путемъ личныхъ распросовъ, по преимуществу осетинскихъ и сванетскихъ священниковъ, которымъ лица ихъ паствы нерѣдко каялись на духу въ убійствѣ новорожденныхъ ими дѣтей, одинаково того и другаго пола. Последнее имѣло мѣсто не въ Сѣверной Осетіи, сравнительно богатой стадами и хлѣбомъ, а въ Южной, въ которой народъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ горами, ведетъ почти нищенское существованіе, благодаря недостатку пастбищъ и пивъ, и нерѣдко на цѣлыя недѣли бываетъ отрѣзанъ непогодю и дурнымъ состояніемъ дорогъ отъ всякаго сообщенія съ сосѣдями. Но и въ этихъ горныхъ ущельяхъ дѣтоубійство, все болѣе и болѣе исчезающее подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства, практиковалось всегда лишь какъ крайнее средство, какъ нѣчто временное и преходящее, какъ результатъ выбора меньшаго зла изъ большаго, вовсе не какъ унаслѣдованный отъ предковъ обычай. Жертвами его являлись одинаково мальчики и дѣвочки, хотя послѣднимъ, которыхъ горцы цѣнили менѣе первыхъ, какъ неспособныхъ къ ношенію оружія и оборонѣ страны отъ непріятелей, всегда оказывалось печальное предпочтеніе, чѣмъ и обусловливаются, вѣроятно, такъ часто сообщаемыя путешественниками и о другихъ народахъ извѣстія о господствѣ въ ихъ средѣ обычая истреблять однихъ лишь новорожденныхъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., на островахъ Фиджи, встрѣчается, впрочемъ, и обратное явленіе—преимущественнаго убійенія мальчиковъ, фактъ, прочно установленный недавними статистическими изысканіями и вполне отвѣчающій тому, что намъ извѣстно о производствѣ почти всѣхъ работъ фиджійцевъ женщинами и о непосредственномъ участіи ихъ въ военныхъ предпріятіяхъ, обстоятельство, которое необходимо возвышаетъ ихъ значеніе въ обществѣ и является препятствіемъ къ ихъ истребленію въ младенческомъ возрастѣ **).

*) Les origines du mariage, стр. 112 и слѣд.

**) Fison. Kamilaroi; стр. 171—176.

Истолкованныя въ такомъ свѣтѣ этнографическія свидѣтельства объ убійствѣ новорожденныхъ вполне согласны съ тѣми, какія дошли до насъ изъ исторіи классическихъ народовъ древности, Спартанцевъ и Римлянъ. Не полъ младенца, а выборъ его семьи и въ частности отца, рѣшалъ вопросъ о томъ, будетъ ли онъ оставленъ въ живыхъ или безжалостно умерщвленъ. — И такъ все, что мы знаемъ объ истребленіи нарождающихся поколѣній по волѣ ихъ родителей, не позволяетъ намъ подводить этого обычая подъ то опредѣленіе, какое даетъ ему Макъ-Ленанъ, называющій его дѣтоубійствомъ дѣвочекъ, а слѣдовательно, и видѣть въ немъ источникъ такого общераспространеннаго факта, какова впервые подмѣченная имъ и получившая отъ него свое названіе экзогамія.

Въ результатѣ всего сказаннаго нами выше оказывается, что запрещеніе браковъ между единоутробными родственниками должно быть отнесено къ отдаленнѣйшему періоду исторіи. Оно не совпадаетъ, однако, во времени съ эпохой возникновенія материнства, которое, въ виду чисто физической связи ребенка съ матерью должно было существовать съ самаго начала, даже въ эпоху, допускавшую кровосмѣсительныя связи, порядокъ, примѣры котораго представляетъ намъ доселѣ быть дикарей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ гражданственности*), и отголоски котораго слышатся еще въ такихъ, напр., сказаніяхъ, какъ передаваемый Ригведомъ споръ брата Яма съ сестрою Ями. — Изъ комбинаціи этихъ двухъ началъ — материнства и экзогаміи, ограниченной сферою единоутробныхъ, позднѣе — всѣхъ вообще когнатическихъ родственниковъ, и развился съ теченіемъ времени материнскій родъ. Жизнь сообща, совмѣстная оборона отъ внѣшнихъ враговъ, нераздѣльное обладаніе занятой родомъ территоріи, только скрѣпили собою связь, установленную единствомъ происхождения, вызывая въ составляющихъ родъ индивидахъ то чувство солидарности, нагляднѣйшимъ проявленіемъ котораго является связывающая ихъ круговая порука.

Таковъ въ немногихъ словахъ генезисъ материнскаго рода. Спрашивается однако, всѣ ли народы необходимо должны были

*) Morgan, глава о Punaluan marriage.

пройти на своемъ пути отъ дикости къ цивилизаціи черезъ этотъ фазисъ общественнаго развитія. Очевидно, что а ргоіі ни что не говоритъ намъ объ обязательности такого происхожденія, и что поэтому Мэнъ вполне правъ, говоря, что «стадіи процесса общественнаго развитія могли быть бесконечно разнообразны, что было не одинъ или два, а множество путей его, при которыхъ каждый дѣйствовалъ въ собственной сферѣ и что въ писанной исторіи обществъ нѣтъ ничего такого, что дало бы право утверждать, что въ теченіи обширнаго по своей продолжительности до-историческаго періода слѣдовали одно за другимъ единообразно, если и не одновременно, одни и тѣ же видоизмѣненія общественнаго строя» *).

Очевидно однако, что отрицать фактъ прохожденія тѣмъ или другимъ народомъ той стадіи развитія, которая извѣстна подъ названіемъ когнатическаго рода, мы вправѣ лишь въ томъ случаѣ, если въ его прошломъ, какъ и въ прошломъ соплеменныхъ, вышедшихъ отъ одного съ ними корня и слѣдовательно жившихъ нѣкогда общею жизнью народовъ, не сохранилось никакихъ пережитковъ материнства и связанныхъ съ ними порядковъ. Прежде чѣмъ согласиться поэтому съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые, съ Мэнномъ во главѣ, полагаютъ, что арійскіе народы пошли отличнымъ отъ другихъ путемъ развитія, что съ самаго начала ихъ жизни имъ извѣстна была патриархальная семья и развившійся изъ нея агнатическій родъ, намъ необходимо было бы убѣдиться въ томъ, что въ религиозныхъ и правовыхъ памятникахъ этихъ народовъ, а также въ ихъ языкахъ, можно найти рѣшительныя данныя для такого утвержденія. Если же въ результатъ изслѣдованія получатся, какъ мы надѣемся показать это ниже, совершенно обратные выводы, то придется согласиться съ тѣми, которые, какъ напр. Морганъ, Макъ-Ленанъ или Бахофенъ, не видятъ причинъ, почему бы ходъ общественнаго развитія арійцевъ представлялъ нѣчто вполне отличное отъ того, какому слѣдовали другіе народы. Слѣды материнства и основаннаго на немъ одномъ когнатическаго родства

*) Мэнъ, Древній законъ и обычай, глава VII, стр. 168 русскаго перевода.

удержались далеко не одинаково у отдѣльныхъ вѣтвей арійской семьи. Говоря это я не хочу устанавливать между ними того различія, которое повидимому допускаетъ Bernhöft, говоря о томъ, что одни унаслѣдовали его отъ общихъ предковъ, другіе, и въ ряду ихъ римляне и индусы, заимствовали у сосѣдей, разноплеменныхъ съ ними по крови. Причина, по которой кельтическое или германское право въ состояніи дать намъ сравнительно большій матеріалъ по вопросу о материнствѣ, нежели римское, индусское или славянское, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что знакомство наше съ ними начинается въ эпоху несравненно болѣе раннюю, чѣмъ та, съ которой жизнь римлянъ, индусовъ или славянъ становится достояніемъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ съ какого періода начинается наше знакомство съ древнеримскимъ бытомъ, какъ не со времени рѣшительнаго торжества политической организациі надъ родовой, включенія послѣдней въ первую и соответственнаго окрашиванія ея далеко не архаическими чертами. Если агнатической родъ извѣстенъ намъ въ Римѣ лишь по небольшому числу его переживаній, то удивительно ли, что о материнствѣ и когнатическомъ родѣ мы можемъ найти въ памятникахъ римской жизни лишь слабыя намеки, съ трудомъ констатируемые современными романистами.

Не въ лучшія условія попадаемъ мы при изученіи занимающаго насъ вопроса по памятникамъ славянскаго быта. Указаніе на то, что славяне «сидяху кыждо родомъ своимъ», передаваемое повѣстью временныхъ лѣтъ, — литературнымъ произведеніемъ, возникшимъ, по мнѣнію Ключевскаго, не ранѣе XI-го столѣтія, — да нѣсколько столь же короткихъ и неопредѣленныхъ показаній византійскихъ и арабскихъ анналистовъ и путешественниковъ — вотъ все, что дошло до насъ о древнѣйшемъ порядкѣ ихъ устройства. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если о существованіи или несуществованіи въ ихъ средѣ материнства мы на самомъ дѣлѣ пока ничего не знаемъ положительнаго.

Ни одинъ изъ народовъ одной съ нами крови не представляетъ такого богатства раннихъ, по времени, письменныхъ памятниковъ, ни у кого послѣднія не восходятъ до такой отдаленной эпохи, какъ у Индусовъ. Повидимому, гдѣ, какъ не у нихъ, искать рѣшающихъ свидѣтельствъ по занимающему насъ

вопросу? Между тѣмъ ни у кого, за исключеніемъ развѣ римлянъ, эти свидѣтельства не являются болѣе скудными и неопредѣленными; ни одинъ народъ не представляетъ большихъ трудностей при изученіи древнѣйшихъ условій его быта. — Причина тому лежитъ однако налицо. Все, что дошло до насъ о порядкѣ устройства Индусовъ, начиная съ эпохи первоначальнаго заселенія ими Остѣ-Индіи, носитъ на себѣ рѣзкую религіозную окраску. Ни одинъ институтъ ихъ древняго права не выступаетъ передъ нами въ его первоначальномъ, такъ сказать, чистомъ видѣ, а лишь въ толкованіи, данномъ ему браминами или жрецами. При такихъ условіяхъ языкъ, случайно занесенный въ требники старинныя легенды, да немногіе пережитки древнѣйшаго права въ юридическихъ сводахъ — одни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о материнствѣ и сравнительно позднемъ признаніи патернитета и агнатическаго родства.

Гораздо обильнѣе въ этомъ отношеніи греческій матеріалъ. Неудивительно поэтому, если на основаніи его и была построена впервые теорія материнства. Характеръ матеріала наложилъ однако свою печать и на добытые съ помощью его выводы. Дѣло въ томъ, что прямыхъ свидѣтельствъ о бытѣ Эллиновъ мы не имѣемъ ранѣе эпохи Троянской войны, когда греческіе народы успѣли уже устроиться въ политическія сообщества, имѣли своихъ царей (базилевсовъ), свои собранія старшинъ и народа. Для всей предшествующей эпохи не представляется иныхъ источниковъ, кромѣ міеологическихъ сказаній: богатыя бытовыми чертами, греческія легенды постоянно смѣшиваютъ однако правду съ вымысломъ, туземное съ чужимъ, привнесеннымъ въ нихъ съ востока. Ислѣдователю не легко разобраться въ этомъ далеко не однокачественномъ матеріалѣ, не легко выдѣлить тѣ именно черты, которыми характеризуется древнѣйшая жизнь грековъ. Несомнѣнно, что народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта, но несомнѣнно также и то, что въ эту характеристику быта небеснаго привносится много сверхестественнаго. Надо помнить притомъ, что міеологическія сказанія не являются чѣмъ то навсегда приуроченнымъ къ извѣстной мѣстности, что они съ легкостью переходятъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного народа къ другому, и вполне оправдыва-

ютъ приписываемое имъ современной наукой названіе странствующихъ сказаній, а если такъ, то всегда ли удобно отличить туземное отъ заимствованнаго, и не представляется ли возможности приписать народу, чьи легенды мы изучаемъ, черты чужаго быта, быта того народа, въ средѣ котораго онѣ впервые возникли? Ошибки, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, тѣ самыя, какія были сдѣланы Бахофеномъ при построеніи теоріи материнства. Смѣшивая нерѣдко эллинскія легенды съ восточными, перешедшими къ грекамъ изъ Малой Азіи, и характеризуя подчасъ явленія земной жизни тѣми самыми красками, которыми фантазія Эллиновъ рисовала космическія явленія, облекая ихъ въ божественные образы, Бахофенъ не только повѣрилъ историческому существованію амазонокъ, но и построилъ на этой по своему источнику восточной легендѣ теорію никогда не существовавшего въ греческой дѣйствительности женовластія, чѣмъ и давалъ поводъ сомнѣваться въ основательности прочихъ его выводовъ. Съ большей критикой отнесся къ тому же матеріалу Макъ-Ленанъ и неудивительно поэтому, если его построенія въ этой области, не отличаясь тою же широтою, представляются несравненно болѣе прочными и незыблемыми.

Изъ населяющихъ Европу арійскихъ народностей, кельты до послѣдняго времени всего менѣе были изучаемы со стороны ихъ древнѣйшаго устройства. Причина тому лежала въ недостаткѣ источниковъ. Чего не въ состояніи были дать ни военныя мемуары Юлія Цезаря, ни поздніе сравнительно памятники обычнаго права Бретани и Уэльса, то въ недавнее время доставили намъ трактаты Брегоновъ, изъ которыхъ одинъ восходитъ до эпохи первоначальнаго насажденія христіанства въ Ирландіи и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ нормы, несравненно менѣе испытанныя на себѣ иноземныя вліянія, нежели проникнутыя правомъ Салическимъ и Карловингскими капитуляріями Кутюмы Бретани или редактированныя въ эпоху англійскаго владычества *Leges Wallicae*. Изданіе этихъ памятниковъ вызвало, какъ и можно было ожидать, оживленную разработку кельтическаго права, но эта разработка производима была пока приверженцами патріархальной теоріи и не привела поэтому ни къ какимъ результатамъ по вопросу о мате-

ринствѣ кельтовъ. Нашъ соотечественникъ, г. Сокольскій, первый подмѣтилъ въ старинныхъ законахъ Ирландіи существованіе многихъ пережитковъ древняго материнства. Сближая ихъ съ тѣми, какія заключаютъ въ себѣ Валлійскіе источники, онъ попытался обосновать тотъ взглядъ, что родство древнихъ кельтовъ было исключительно когнатическимъ. Эта попытка, какъ единственная въ своемъ родѣ, заслуживаетъ гораздо высшей оцѣнки, чѣмъ та, которую она получила доселѣ. Положенія г. Сокольскаго кажутся вполне обоснованными и я съ своей стороны принимаю ихъ всецѣло.

Тому же писателю принадлежитъ и первая попытка проверить теорію материнства на основаніи германскихъ источниковъ, свидѣтельствъ Тацита и иныхъ пережитковъ, какіе удержались въ варварскихъ правдахъ. Появившаяся не далѣе, какъ въ прошломъ году, монографія г. Даргуна, представляетъ лишь болѣе полное выполненіе плана, впервые задуманнаго русскимъ ученымъ.

Обозрѣвши такимъ образомъ тотъ матеріалъ, на основаніи котораго можетъ быть рѣшенъ вопросъ о материнствѣ у народовъ арійской семьи, и указавши на разработку, какую онъ нашелъ въ трудахъ европейскихъ и русскихъ ученыхъ, я перехожу въ настоящее время къ констатированію въ частности тѣхъ фактовъ, на которыхъ опирается раздѣляемое мною мнѣніе объ однохарактерности въ этомъ отношеніи процесса развитія арійскихъ и не арійскихъ народностей.

Имѣя въ виду представить въ моемъ опытѣ скорѣе выводы изъ фактовъ, нежели самые факты, я напередъ отказываюсь отъ мысли исчерпать имѣющійся по этому вопросу матеріалъ. Для моихъ цѣлей важнѣе приведеніе немногихъ, бьющихъ въ глаза данныхъ, нежели массы такихъ, которыя бы вызывали на каждомъ шагѣ разнорѣчіе въ ихъ интерпретаціи. Последнее важно для изслѣдователя, впервые подымающаго извѣстный вопросъ, отнюдь не для систематизатора.

Начну мой перечень съ тѣхъ народовъ, въ памятникахъ которыхъ удержалось всего болѣе слѣдовъ материнства—съ кельтовъ и германцевъ. Рѣшительное подтвержденіе той мысли, что родственная связь ребенка съ матерью признавалась у кель-

товъ гораздо ранѣ установленія патернитета, я вижу въ тѣхъ нормахъ древняго ирландскаго и валлійскаго права, которыя говорятъ о порядкѣ признанія извѣстнаго мужчины отцомъ ребенка. Всюду, гдѣ родительская власть вытекаетъ изъ самого факта брачной связи, всюду, гдѣ господствуетъ правило: «*pater est quem nuptiae demonstrant*», родственныя отношенія поворожденнаго къ отцу возникаютъ помимо всякаго признанія его послѣднимъ. Иное дѣло въ древней Ирландіи и въ герцогствѣ Уэльскомъ. Актъ рожденія вызываетъ здѣсь только ту родственную связь, которую мы называемъ материнствомъ. Непризнанный отцомъ ребенокъ попадаетъ въ родъ матери. Для занесенія его въ родъ отца необходимо, чтобы рожденіе его отъ опредѣленнаго мужчины было доказано женщиной, или чтобы дѣйствительный отецъ, мужъ или любовникъ призналъ его своимъ.

При рожденіи ребенка, читаемъ мы въ книгѣ «*Aicill*», мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ: чей этотъ ребенокъ? и только въ случаѣ отвѣта: твой, получалъ право считать его своимъ *). Послѣднее, впрочемъ, лишь тогда, если за жену внесенъ былъ имъ выкупъ ея роду. Иначе сынъ считался принадлежащимъ роду матери и права отца на него признавались лишь подъ условіемъ предварительной покупки ихъ послѣднимъ у рода его жены. «Отъ родственниковъ жены зависитъ продать или не продать ихъ, учить Ирландскій законовѣдъ, каждый разъ, когда жена взята была у рода силою; если же похищеніе состоялось съ ея согласія, отецъ въ правѣ требовать продажи ихъ ему родомъ жены». Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ уплата полностью всего, что требуется обычаемъ за ихъ жизнь; иначе говоря, отецъ взноситъ роднымъ жены размѣръ виры, какаѣ бы была уплачена имъ въ случаѣ убійства **). Такое право признается однако, повидимому, лишь тогда, если дѣти уведенной женщины рождены были ею на разстояніи не болѣе одного мѣсяца со времени увода ***). Г-нъ Сокольскій почему-то не обратилъ вниманія на это ограниченіе,

*) *Anc. Laws of Ireland*. Т. III, стр. 315.

***) *Ibid.*, стр. 541.

***) *The children that are begotten by her outside before a month or*

на самомъ дѣлѣ весьма существенное и свидѣтельствующее о томъ, что въ глазахъ комментатора источникомъ, изъ котораго вытекали права рода на новорожденного, являлся фактъ зачатія послѣдняго матерью во время совмѣстнаго еще сожителства ея съ родственниками. Тѣсная связь ребенка съ родомъ матери выступаетъ и изъ тѣхъ постановленій ирландскаго права, которыя предвидягь случай рожденія ребенка лицомъ, или не желающимъ признать его своимъ, или лишеннымъ правъ въ силу гражданской смерти и потому неспособнымъ установить агнатическую связь между новорожденнымъ и собственнымъ родомъ. Послѣдствіемъ отреченія, которое могло быть произведено какъ отцомъ, такъ и, при смерти послѣдняго, главой его рода съ шестью родичами-соприсяжниками, являлось включеніе ребенка въ родъ матери *). То же имѣло мѣсто и при рожденіи ребенка послѣ того, какъ отецъ его объявленъ былъ стоящимъ внѣ закона **). Неудивительно послѣ этого, если въ ряду наслѣдниковъ, мы находимъ въ Ирландіи и тагъ назыв. «glasfine» или дѣтей женщины, выданной ея родомъ за чужеродца ***), и если древнее право Уэльса перечисляетъ дѣльныхъ шесть категорій дѣтей, относимыхъ къ роду ихъ матери, и раздѣляющихъ ея общественное положеніе 1) сынъ, отъ котораго законнымъ образомъ: отрёкся его отецъ, 2) сынъ, прижитой незамужней женщиной съ согласія ея рода, 3) сынъ дѣвушки, изнасилованной неизвѣстнымъ мужчиной, 4) сынъ свободной, выданной ея родомъ за полусвободнаго (чужеродца, поселеннаго въ Уэльсѣ—*allfud'a*), 5) сынъ дѣвушки, изнасилованной полусвободнымъ (*alltud'omъ*), наконецъ, 6) сынъ женщины, отданной въ видѣ залога по обязательствамъ ея отца въ чужую землю и сдѣлавшейся беременной во время пребыванія въ ней ****).

Въ виду той преимущественной роли, какую мать играетъ

within the space of a month, belong by right to the family of the mother (стр. 541).

*) Venedotian Code, B. II, ch. XXXI, 18, 19.

**) Aicill (A. L. т. III, стр. 385).

***) A. L., т. IV, стр. 285 и 291.

****) Сокольскій, Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 44 и 45.

въ опредѣленіи общественнаго положенія дѣтей, неудивительно, если одинъ изъ комментаторовъ древнѣйшаго трактата Брегоновъ—Сенхусъ Моръ, считаетъ возможнымъ дать слѣдующее толкованіе слову *mathoir*. Последнее, по его мнѣнію, состоитъ изъ двухъ словъ: *mo* (болѣе) и *thoir* (помогаетъ), и указываетъ на то, что мать болѣе помогаетъ (ребенку), чѣмъ отецъ *).

При такой тѣсной связи ребенка съ матерью и чрезъ нея посредство съ родомъ послѣдней, неудивительно, если ирландское и кимврійское право, признавая агнатическое родство, въ то же время не устраняють и когнатовъ ни отъ участія въ родовомъ самоуправствѣ, ни отъ права получать по крайней мѣрѣ часть виръ, слѣдуемыхъ съ чужеродцевъ, позволившихъ себѣ нарушеніе мира и нанесеніе матеріальнаго вреда. Этому праву соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, обязанность участвовать въ платежѣ композицій въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ по обычаю утробный родъ призывается къ полученію ихъ. На все это мы находимъ рѣшительныя указанія какъ въ трактатахъ Брегоновъ, такъ и въ сводахъ Сѣвернаго и Южнаго Уэльса. Последніе опредѣляютъ размѣръ участія рода матери въ платежѣ виры слѣдующимъ образомъ: изъ двухъ третей головщины, падающихъ не на убійцу, его родителей и дѣтей, а на болѣе далекихъ родственниковъ, двѣ трети уплачивается родъ отца, одну треть родъ матери. Получается головщина родичами убитаго въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она платится родичами убійцы: часть, поступившую отъ отцовскаго рода убійцы, получаетъ отцовскій родъ убитаго, а часть, выплаченную материнскимъ родомъ убійцы, материнскій родъ убитаго. При этомъ, какъ замѣчаетъ г. Сокольскій, каждый изъ родовъ убійцы заключалъ отдѣльно миръ съ соотвѣствующимъ родомъ убитаго и миръ этотъ скрѣпляемъ былъ каждый разъ присягою ста лучшихъ мужей изъ рода убитаго, удостовѣрившихъ, что убійца прощенъ **).

Солидарность каждаго отдѣльнаго лица не съ одними родствен-

*) А. Л., т. II, стр. 347.

**) Venedotian Code, кн. III, гл. I, §§ 12 и 16.

никами по отцу, но и съ родственниками по матери, выступает не при одной лишь кровной мести и платежѣ головщинѣ. Она даетъ знать о себѣ и въ правѣ кредитора обезпечить уплату долга насильственнымъ захватомъ имущества у родичей не только по отцу, но и по матери *), и въ обязательствѣ утробнаго рода участвовать наравнѣ съ агнатическимъ въ призрѣніи малолѣтнихъ, больныхъ, увѣчныхъ и умалишенныхъ **). Всего слабѣе выступаютъ слѣды первоначальнаго господства у Кельтовъ когнатическаго родства въ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая должна быть отнесена къ числу позднѣйшихъ по времени возникновенія—я разумю тѣ отношенія, которыя устанавливаются фактомъ владѣнія землею.

Материнскій родъ, какъ мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, возникъ въ эпоху, предшествовавшую постоянной осѣдлости и прочно установившемуся землевладѣнію. Удивительно ли, если слѣды его менѣе замѣтны въ этой области, если кодексъ Гвента, напр., считаетъ возможнымъ установить слѣдующее правило: «буде лицо, требующее земельного участка въ силу родства, прибѣгнетъ, доказывая послѣднее, три раза къ веретену (т. е. родству по женской линіи), требованіе его признается неосновательнымъ». Тѣмъ не менѣе и въ сферѣ земельныхъ отношеній г. Сокольскому удалось открыть нѣкоторые слѣды материнскаго родства, по крайней мѣрѣ, въ правѣ Уэльса. Родъ матери обязанъ былъ дать земельный надѣлъ дѣтямъ, принадлежность которыхъ отцу или любовнику не могла быть доказана ни ордалями, ни свидѣтельскими показаніями, дѣтямъ свободной кимрянки, выданной родомъ ея за полусвободнаго, наконецъ, что всего любопытнѣе, дѣтямъ, утратившимъ доставшійся имъ отъ отца земельный надѣлъ, если причиною такой утраты было поступленіе надѣла въ счетъ головщины, и платежъ послѣдней вызывался дѣйствіемъ, направленнымъ къ отмщенію обидѣ, сдѣланныхъ чужеродцемъ одному изъ родичей по матери ***).

*) A. L. of Ireland, т. III, стр. 489.

**) A. L. of Ir., т. I, стр. 261.

***) Venedotian Code, кн. II, гл. IV, § 1.

И такъ, въ разнообразѣйшихъ сферахъ жизни древнихъ кельтовъ материнство и утробное родство даютъ себя знать въ большей или меньшей степени, то приобщая къ роду матери непризнанныхъ отцомъ незаконнорожденныхъ, которые при господствѣ одного агнатическаго родства навсегда остались бы безродными, то допуская и законныхъ дѣтей къ участию въ родовомъ владѣніи ихъ когнатовъ, то признавая ихъ связанными обязанностью взаимной помощи и круговой поруки не только съ родомъ отца, но и съ родомъ матери. Въ процессѣ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ стороны юридическаго быта даннаго народа, материнство также наложило свою печать въ правѣ сторонъ, доказывать свою правоту присягою не однихъ агнатовъ, но и когнатовъ. Это именно и разумѣть ирландскій Сенхусъ Моръ, говоря: въ каждомъ истцѣ и каждомъ отвѣтчикѣ заинтересованы родъ его отца, племенной старшина, церковь и родъ его матери *), заинтересованы не только получениемъ и соотвѣтственнымъ платежомъ пеней, но и возможностью установить своими показаніями фактъ виновности.

Обосновавши вышеприведенными данными мысль о существованіи нѣкогда материнства и утробнаго родства у Кельтовъ, перехожу къ разсмотрѣнію тѣхъ, какія по занимающему насъ вопросу содержатъ въ себѣ германскіе источники.

Какъ и у Кельтовъ, сожителство мужчины съ женщиной не всегда вело у Германцевъ къ установленію отцовской власти на приобретенный въ немъ приплодъ. Последнее имѣло мѣсто лишь тогда, если женихъ вносилъ вѣно за невѣсту, порядокъ, который, какъ доказываетъ почти повсемѣстный переходъ обычая похищать невѣсть въ обычай платить за нихъ выкупъ, далеко не можетъ считаться древнѣйшимъ. Въ Скандинавскомъ правѣ, по словамъ Вейнгольда, женщина, за которую не было заплачено калыма, продолжала считаться принадлежностью того рода, изъ котораго она была взята, а вмѣстѣ съ нею къ тому же роду причисляемъ былъ и весь ея приплодъ; вотъ почему дѣти изъ такихъ браковъ не имѣли права наслѣдованія въ имуществѣ отца *).

*) A. L. of Ireland, т. I, стр. 261.

**) Die deutschen Frauen im Mittelalter, II-ое изд., I, 320.

Это правило проводимо было нѣкоторыми изъ сѣверныхъ правъ, въ частности Исландскимъ, съ такой послѣдовательностью, что достаточно было жениху не доплатить калыма, чтобы прижитые имъ въ бракѣ дѣти не считались его дѣтьми, и, какъ принадлежащіе исключительно къ роду матери, лишены были права наслѣдованія въ его родѣ *). Съ меньшей наглядностью то же начало выступаетъ и въ Лонгобардскомъ правѣ, въ которомъ, какъ видно изъ Эдикта Ротари **) *mundium* надъ замужней женщиною могъ принадлежать и не ея мужу, а когнатическому родственнику, и соотвѣтственно этому дѣти, если не при жизни отца, то послѣ его смерти могли вмѣстѣ съ матерью вернуться въ ея родъ. Законодатель прямо разрѣшаетъ такое возвращеніе въ случаѣ, если бракъ заключенъ былъ свободной или полусвободной женщиною съ рабомъ и расторгнутъ смертью послѣдняго ***). Съ другой стороны въ законахъ Лиутпранда право наслѣдованія отцу также не признается безразлично за всѣми дѣтьми, въ какомъ бы бракѣ они ни были прижиты: для этого необходимо, чтобы послѣдній не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые запрещаются закономъ или признаются имъ ничтожными ****).

Весьма существеннымъ доказательствомъ въ пользу господства материнства у древнихъ германцевъ служить тотъ фактъ, что дѣти отъ неравныхъ браковъ слѣдуютъ не положенію своего отца, а положенію матери.

Это начало открыто провозглашаютъ законы аллемановъ, лангобардовъ, фризовъ и скандинавскихъ народностей, а также проникнуто рмами салического права капитуляріи франкскихъ королей *****).

*) *Dargun. Mutterrecht und Raubehe*, стр. 38.

**) *tit. 165.*

***) *tit. 217. Si haldia aut liberta in casa aliena ad maritum intraverit, et servum tulerit, libertatem suam amittat. Et si dominus neglexerit eam, replecare ad servitium, mortuo tamen marito, vadat sibi una cum filiis suis et cum omnis res suas.*

****) *Liutpr. 32—34, 105.*

*****) *filiis matri sequantur*, говоритъ эдиктъ Ротари, предполагая возможность брака между лицами разнаго состоянія—(*tit. 219*). Салическая правда, какъ видно изъ *tit. XIII*, считаетъ послѣдствіемъ брака свобод-

Одна лишь рипуарская правда, въ которой Зомъ и слѣдующіе за нимъ германисты видятъ не безъ основанія кодификацію, рядомъ съ обычаями побережныхъ франковъ, салическаго права въ позднѣйшую эпоху его развитія, выставляють афоризмъ: худшее общественное положеніе одного изъ супруговъ опредѣляетъ собою состояніе дѣтей *).

Мы видѣли, что у Кельтовъ однимъ изъ пережитковъ прежняго материнства является тотъ фактъ, что незаконнорожденные, не будучи причисляемы къ роду отца, въ то же время не могутъ быть названы безродными, такъ какъ принадлежатъ роду ихъ матери. Въ Скандинавскихъ правдахъ мы находимъ рѣшительное основаніе утверждать, что положеніе незаконнорожденныхъ въ древне-германскомъ обществѣ ничѣмъ существенно не отличалось отъ того, какое они занимали въ кельтическомъ, и это показаніе въ частности датскихъ источниковъ тѣмъ болѣе цѣнно, что народныя правды континентальныхъ нѣмцевъ, по вѣрному замѣчанію Цепфля, хранятъ на этотъ счетъ упорное молчаніе **). Принадлежность къ роду матери находила себѣ наглядное проявленіе въ правѣ незаконнорожденныхъ наследовать въ оставленномъ ею и ея законными дѣтьми имущество; что же касается до отцовскаго имущества, то незаконнорожденные, какъ не принадлежащіе къ его роду, не имѣли на него никакого права. Сводя къ одному все сказанное выше, мы вправѣ придти къ слѣдующимъ выводамъ. Въ эпоху редактированія германскихъ правдъ бракъ не всегда приводилъ къ установленію отцовской власти по отношенію къ рожденнымъ въ немъ дѣтямъ; для этого требовалось, чтобы женщина и имѣющій произойти отъ нея приплодъ были приобрѣтены

наго съ рабой потерю виновнымъ его прежняго состоянія, а слѣдовательно и принадлежность дѣтей къ роду матери. См. capit. olon. III a. 823 § 4. (Pertz Mon. L. I, 236. Lex Fris. Tit. VI. Lex Alam. Illoth. Tit. XVIII. (Dargun, стр. 32 и слѣд.)—Seeländische Gesetze III, 12 свидѣтельство епископа Sunesen 1201 — 227. Matris conditionem sequitur semper partus (ibid., стр. 39).

*) Lex Rib. Tit. LVIII.

**) Kolderup—Rosenvinge. Dänische Rechtsgeschichte, стр. 60. Zöpfl, D. Rechtsgeschichte, т. III, стр. 25.

мужем покупкой у ея родни, а такой порядокъ заключенія брака сравнительно поздняго происхожденія. Ему предшествуетъ во времени бракъ уводомъ, не сопровождавшійся признаніемъ за мужемъ правъ опекуна или такъ называемаго *mundium*; ему предшествовали и тѣ свободныя связи, которыя послѣдующее право признаетъ незаконными. Въ обоихъ случаяхъ за отцомъ не признавалось правъ на приплодъ, и послѣдній всецѣло принадлежалъ роду матери. — Преобладающее значеніе, какое связь ребенка съ матерью, какъ ранѣе возникшая, должна была удержать сравнительно съ связью его съ отцомъ, выступаетъ также и въ томъ, что при неравенствѣ состояній общественное положеніе ребенка опредѣляется не его отцомъ, а его матерью. Еслибы когнатическое родство достигло признанія позже родства агнатическаго, необходимо имѣло бы мѣсто обратное, т. е. положеніе отца опредѣляло бы собою и положеніе ребенка. Изъ того же факта признанія отеческой власти только за лицомъ, пріобрѣтшимъ право считаться опекуномъ жены, ея *mundioald'омъ*, вытекаетъ и то послѣдствіе, что родительская власть у древнихъ германцевъ, какъ и у кельтовъ, порождается не столько фактомъ участія мужчины въ рожденіи ребенка, сколько принадлежностью ему власти надъ женою (*mundium*). Всего откровеннѣе проводить это начало аллеманская Правда. Предвидя случай похищенія жены у ея мужа и послѣдующаго рожденія ею ребенка, законъ аллемановъ отказывается признать за дѣйствительнымъ отцомъ права родительской власти и предоставляетъ ее всецѣло мужу, какъ послѣдствіе его правъ надъ женою, его *mundium'a*. *Non sint, говоритъ титулъ 51, illius qui eos genuit, sed ad illum priorem maritum mundio pertineant.* *)

Но если *mundium* одинъ является источникомъ установленія извѣстныхъ правъ на ребенка, то неудивительно, что лицо, которое ранѣе установленія браковъ покупкою являлось обыкновеннымъ *mundioald'омъ* жены (я разумѣю ея дядю или брата) должно было играть первенствующую роль въ ряду другихъ родственниковъ, если, какъ прямо утверждаетъ это Тацитъ, связь даннаго лица съ дядею его матери (съ его *avunculus*) считалась

*) См. *Lex Alam.* въ изд. Меркеля (*Pertz Mon.*).

многими германцами болѣе священной, чѣмъ связь его съ отцомъ *); если поэтому убійство дяди или брата по матери признаваемо было за преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ убійство отца или мужа. Последнее возрѣніе наглядно выступаетъ какъ въ сѣверныхъ Сагахъ, такъ и въ Нибелунгахъ. Сплошь и рядомъ женщины и дѣти въ нихъ соглашаются отомстить на мужѣ и отцѣ убійство ихъ брата, дяди по матери; ни разу не упоминается объ убійствѣ послѣдняго, которое, очевидно, казалось въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, столь же противуестественнымъ, какъ и убійство самой матери. Вступленіе въ бракъ съ убійцею брата — Эдда считаетъ величайшимъ стыдомъ **). Читая Нибелунги, говоритъ Бахофенъ ***), легко убѣждаешься въ томъ, насколько родство женщины съ братомъ ставилось ею выше связи ея съ мужемъ. Гудруна и не думаетъ о томъ, чтобы отомстить братьямъ за смерть своего мужа Сигурда, который, умирая, утѣшаетъ ее тѣмъ, что братья ея остались въ живыхъ. По выходѣ вторично замужъ за Ати, брата Брунгильды, Гудруна ни на минуту не останавливается передъ мыслью отомстить на немъ убійство своихъ братьевъ и закалываетъ его собственной рукой. Обязанность мести существуетъ не между одной только сестрой и ея братомъ, обычай распространяетъ ее и на взаимныя отношенія племянниковъ и дядей по матери. Григорій Турскій приводитъ, между прочимъ, слѣдующій случай, рѣшительно подтверждающій такой взглядъ. Нѣкто, по имени Нантгинъ, добивается надѣленія его Ангулемскимъ графствомъ по той лишь причинѣ, что занятіе въ немъ высшей должности облегчить ему раскрытіе дѣйствительнаго виновника смерти его дяди

*) Sororum filiis idem apud avunculum quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur (Germ. c. 20).

**) Schweig Idun. Von allen Frauen
Mein ich dich die Männertollste:
Du legtest die Arme, die leuchtenden gleich
Um den Mörder eines Bruders.

(Dargun, стр. 53),

***) Antiquarische Briefe; vornehmlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegriffe. Strassburg. 1880 г., стр. 178.

по матери; разъ добившись назначенія, онъ вскорѣ затѣмъ узнаеть, что дядя его убитъ епископомъ Марахаръ, который затѣмъ и подвергается имъ цѣлому ряду преслѣдованій *).

Не разъ упомянутый нами нѣмецкій ученый Даргунъ приводитъ не одинъ фактъ въ подтвержденіе той мысли, что дядя по матери сплошь и рядомъ является у германцевъ въ роли опекуна надъ малолѣтнимъ и по этой причинѣ нерѣдко занимаетъ постъ регента, что на него падаетъ обязанность выдавать замужъ своихъ племянницъ, дочерей сестры, что ему нерѣдко поручается воспитаніе племянниковъ, которые чаще всего получаютъ при крещеніи его имя, что занятая дядею должность сплошь и рядомъ замѣщается по смерти послѣдняго сыномъ его сестры **).

Неудивительно послѣ этого, если частныя лица, вмѣсто того, чтобы называться по отчеству, нерѣдко упоминаются въ источникахъ, какъ племянники ихъ дядей по матери, что совершенно было бы невысказимо при современной системѣ обозначенія родства ***).

Выдающаяся роль материнской родни въ сферѣ семейныхъ отношеній сама собою ставитъ на очередь вопросъ о томъ, не принадлежатъ ли, по крайней мѣрѣ, ближайшіе къ покойнику члены послѣдней къ числу его наслѣдниковъ и не участвуютъ ли они какъ въ уплатѣ, такъ и въ полученіи части виры или композицій, наконецъ, не принадлежитъ ли имъ извѣстная роль и на судѣ въ рядахъ подкрѣпляющихъ показанія родственника со-присяжниковъ?

Отвѣчая прежде всего на первый вопросъ, мы должны сказать, что согласно салической Правдѣ при наслѣдованіи недвижимой собственности мать, тетка и дядя по матери стоятъ не только въ числѣ наслѣдниковъ, наряду съ столь же близкими родственниками по отцу, но и предшествуютъ обыкновенно послѣднимъ въ порядкѣ наслѣдованія; въ древнѣйшихъ же редакціяхъ, носящихъ названіе *Pactus legis Salicae*, о наслѣдованіи отца и его боковыхъ родственниковъ вовсе не упоминается,

*) Dargun, стр. 56.

**) Ibid., стр. 57.

***) Ibid., стр. 57.

тогда какъ мать слѣдуетъ въ порядкѣ преемства непосредственно за дѣтьми, а сестра матери (тетка) непосредственно за братомъ и сестрою *).

Въ свою очередь первенство сестры передъ братомъ при наслѣдованіи собственности, которое одинаково выступаетъ какъ въ Салической правдѣ, такъ и въ законахъ Туринговъ, находитъ объясненіе себѣ въ томъ преимущественномъ значеніи, какое признаваемо было за женщиной какъ единственной продолжательницей рода **), и слѣдовательно косвенно свидѣтельствуеетъ о признаніи нѣкогда германцами одного материнства.

Преимущество утробнаго родства надъ кровнымъ еще съ большею рѣзкостью выступаетъ въ титулѣ *de reipus*, рѣшающемъ вопросъ, кому послѣ смерти мужа долженъ поступить калымъ его вдовы? — Прежде всего это право признается за старшимъ сыномъ сестры, затѣмъ за сыномъ племянницы, матерью которой была бы сестра; третье мѣсто въ порядкѣ преемства занимаетъ *consobrinae filius*, четвертое «*Avunculus frater matris*», и только за ними слѣдуютъ отцовскіе родственники, прежде другихъ его братъ ***).

Переходя къ роли материнскихъ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, взысканіи и платежѣ вирь, мы считаемъ возможнымъ вполне присоединиться къ тому, что сказано было на этотъ счетъ г. Сокольскимъ. «Принадлежность къ родовому союзу, говорить русскій ученый, опредѣляется, какъ извѣстно, главнымъ образомъ правомъ мести и выкупа. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія, что германская замужняя жен-

*) Tit. LVIII de alodis. Cp. Waitz Das alte Recht der Salischen Franken, стр. 108. Fehlen aber Kinder so folgt nach dem alten Text die Mutter, nur die Mutter, nicht auch der Vater. Man hat gemeint der Vater habe sich von selbst verstanden, dagegen sei die Zulassung der Mutter zum Erbe ein neues gewesen und eben deshalb hier hervorgehoben worden. Allein so verfährt das Gesetz in der Tat nirgends und sollte der Vater folgen können, so musste er genannt sein, wie denn auch alle späteren Texte ihn hinzufügen. Такими же соображеніями объясняетъ Вайцъ и тотъ фактъ, что въ рядахъ наследниковъ стоитъ одна лишь тетка по матери, а не по отцу.

**) Dargun, стр. 56.

***) Lex salica, tit XLIV. Cod. I.

щина продолжала принадлежать къ своему прирожденному племени (точнѣе роду). По англо-саксонскимъ законамъ право мести за замужную женщину и право полученія за нее виры принадлежить не мужу или его роду, а ея прирожденной семьѣ. Равнымъ образомъ за правонарушенія, совершенныя замужной женщиной, отвѣтствуютъ не родичи мужа, а кровные родичи самой женщины. Наконецъ вира женщины опредѣляется согласно состоянію не мужа, а отца или брата. По исландскому и норвежскому праву мужъ метить за жену и получаетъ за нее виру, но не одинъ, а вмѣстѣ со своими взрослыми сыновьями и родичами жены. Подобныя начала встрѣчаются и въ правѣ шведскомъ и датскомъ, только здѣсь права родичей жены болѣе ограничены. Что касается германскихъ *leges barbarorum* средней и южной Европы, то въ большинствѣ ихъ между лицами, имѣющими право на выкупъ за женщину, мужъ не упоминается. Въ виду этого положительно невѣрно мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что *poleges barbarorum* вира за жену взималась мужемъ. Въ одномъ только лангобардскомъ правѣ вира за жену идетъ исключительно въ пользу мужа, если послѣдній приобрѣлъ законнымъ образомъ *mundium* надъ нею отъ ея родичей. Впрочемъ, это положеніе можетъ разсматриваться, какъ возникшее не задолго до преданія писъму лангобардскихъ законовъ. На это указываетъ то обстоятельство, что несмотря на то, что вира идетъ въ пользу мужа, размѣръ ея опредѣляется не по состоянію мужа, а по состоянію брата *)).

Участіе материнскихъ родственниковъ въ платежѣ виры или композицій съ наибольшей наглядностью выступаетъ изъ того титула Салической правды, который говоритъ о случаѣ, когда у виновнаго не окажется средствъ ко взносу головщины и онъ, ссылаясь на родство, возложить на своихъ родственниковъ обязанность ея уплаты, для чего закономъ предписывается совершеніе извѣстнаго обряда. Какіе, спрашивается, родственники призываются къ уплатѣ головщины: одни ли родственники по отцу или также и утробные родственники и если тѣ и другіе вмѣстѣ,

*) Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 59 и 60.

то въ какомъ порядкѣ преемства: Кодексъ I изданія Гессельса и Керна, т. е. одна изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшая редакція, упоминаетъ отца, братьевъ и затѣмъ трехъ родичей по матери и трехъ по отцу. Въ кодексахъ, начиная отъ 3-го и оканчивая десятымъ, въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ уплатѣ виры, стоитъ сестра матери и, что весьма характерно, она въ порядкѣ преемства слѣдуетъ раньше собственныхъ дѣтей преступника. Въ одной рукописи упоминается даже о дѣтяхъ сестры, какъ объ участникахъ въ платежѣ композиціи.

Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что господствующая у народа система родства сказывается и въ сферѣ процессуального права въ томъ, что одни родственники предпочтительно предъ другими призываются къ принесенію на судъ очистительной присяги въ пользу той изъ сторонъ, на которую будетъ возложено бремя доказательствъ. Неудивительно поэтому, если порядокъ, въ которомъ родственники допускаются судомъ къ соприсяжѣ съ истцомъ или отвѣтчикомъ, самъ является указателемъ существованія въ обществѣ той или другой системы родства. Спрашивается, что говорятъ намъ на этотъ счетъ тѣ нормы германскаго права, которыя упоминаютъ о коньюраторахъ или соприсяжникахъ?

«Изъ положеній, заключающихся въ одномъ изъ такъ называемыхъ *capita extravagantia* салического закона, говоритъ г. Сокольскій, можно заключить, что у франковъ салическихъ родичи по матери призывались въ соприсяжники на равномъ основаніи съ агнатами. Въ разсматриваемомъ законѣ идетъ рѣчь о томъ случаѣ, когда кто либо уличается, что онъ не свободный человекъ, а рабъ. Уличаемый можетъ очистить себя при помощи соприсяжниковъ слѣдующимъ образомъ. Если обвинителемъ является кто изъ рода отца, обвиняемый ставитъ семь свидѣтелей изъ рода матери, ближайшихъ ему по крови, и четверыхъ изъ рода отца. При обвиненіи же его материнскими родственниками достаточно трехъ свидѣтелей (соприсяжниковъ) съ отцовской стороны и четверыхъ съ материнской *).

Итакъ во всѣхъ сферахъ древняго права Германцевъ мы

*) Сокольскій. Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 87.

находимъ слѣды материнства. Едва ли поэтому можетъ остаться какое сомнѣніе въ томъ, что послѣднее лежало въ основѣ ихъ древнѣйшаго урoйства, и что изъ него всецѣло вытекали какъ первоначальныя родственныя отношенія, такъ и древнѣйшіе союзы круговой поруки, извѣстные подъ наименованіемъ родовъ. Иначе говоря, нѣтъ основанія думать, что процессъ общественнаго развитія Германцевъ уклонился отъ того общаго хода его, какой указанъ былъ нами въ предшествующей главѣ, и наоборотъ имѣется полное право утверждать, что подобно кельтамъ, они начали свое поступательное движеніе въ исторіи съ эпохи господства когнатическихъ родовъ.

Переходя къ славянамъ, я замѣчу прежде всего, что ни въ бытовыхъ памятникахъ, ни въ юридическихъ источникахъ славянъ—я не могу указать ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ непосредственно о существованіи у нихъ нѣкогда одного материнскаго родства. Съ другой стороны можетъ быть указанъ цѣлый рядъ такихъ, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ признаніемъ патриархальной семьи и агнатическаго родства за исходные моменты праваго развитія славянъ. Самымъ крупнымъ изъ этихъ фактовъ является встрѣчающееся въ древнѣйшихъ спискахъ Русской Правды, и въ частности въ спискѣ академическомъ, упоминаніе въ числѣ мстителей — «сестрина сына», очевидно,—лица не одного рода съ потерпѣвшимъ, состоящаго съ нимъ въ кровной связи не по отцу, а по матери. Будемъ ли мы почитать 1-ю ст. Русской Правды въ томъ смыслѣ, что въ ней перечислены всѣ лица, допускаемыя закономъ къ кровомщенію; или же наоборотъ, станемъ толковать ее такимъ образомъ, что перечисленные въ ней родственники не исключаютъ возможности другихъ мстителей, и что перечисленіе ихъ не болѣе, какъ примѣрное:—мы все же не въ состояніи будемъ дать другаго объясненія участію сестрина сына въ мести, кромѣ того, что въ эпоху редактированія названныхъ списковъ между братомъ и происходящимъ отъ сестры потомствомъ существовали тѣ тѣсныя родственныя связи, какія, какъ мы знаемъ, продолжаютъ держаться всюду, какъ послѣдствія нѣкогда господствовавшаго материнства. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ спискахъ той же Правды,

такъ напр. въ спискѣ Карамзинскомъ, слова:—«сестрину сынови»—замѣнены словами:—«братню сынови»—, что въ свою очередь не мало укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что признаваемое древнѣйшими списками участіе когнатовъ въ кровомщеніи не есть позднѣйшее нововведеніе законодателя, а запись исконнаго обычая, отмѣненнаго на разстояніи немногихъ поколѣній тѣмъ же законодателемъ.

Въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое «сестринъ сынъ» занимаетъ еще въ Русской Правдѣ, не лишено интереса и то обстоятельство, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ отношенія брата и сестры представляютъ несравненно большую близость, чѣмъ та, которая характеризуетъ собою эти отношенія у современныхъ народностей Европы. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Бахофенъ обращаетъ вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ видитъ въ немъ указаніе на архаическіе порядки. Дѣлаемая имъ догадка приобретаетъ большое вѣроятіе въ виду полного ея соответствія съ тѣмъ, что говоритъ на этотъ счетъ Русская Правда въ упомянутой нами 1-й статьѣ. Изъ цитируемыхъ Бахофеномъ пѣсень видно, что сербы считали отношенія брата и сестры столь же тѣсными, какъ и отношенія мужа къ женѣ. Эпитетъ брату—«любимѣйшій»; о сестрѣ говорится, какъ «о несокрушимой твердынѣ для души брата». Величайшимъ несчастіемъ признаетъ сербскій народъ отсутствіе сестры у брата и наоборотъ. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ заклинаній считаютъ потому сербы клятву братомъ или клятву сестрою. Слѣдующій отрывокъ, какъ нельзя лучше, подкрѣпляетъ все сказанное. Въ пѣснѣ, озаглавленной «братья», сынъ обращается къ матери съ укоромъ: «зачѣмъ не дала ты мнѣ брата, зачѣмъ не дала дорогую сестру? Когда стали дѣлиться со мной прочіе товарищи (члены одной задруги), каждый клялся—кто братомъ, кто сестрою; я же принужденъ былъ принести присягу своимъ оружіемъ и своимъ конемъ» *).

Извѣстно, что фиктивное родство и создаваемая имъ обязательства являются снимкомъ съ родства фактическаго, а слѣдовательно могутъ служить косвеннымъ указаніемъ тому, какъ

*) Antiquarische Briefe, Страсбургъ, 1880 г., стр. 167.

понималось это послѣднее въ ту отдаленную эпоху, когда зарождался процессъ юридическаго творчества, благодаря широкому обращенію къ аналогіямъ. Одной изъ самыхъ тѣсныхъ связей южные славяне считаютъ ту, которая существуетъ между такъ наз. побратимами и посестримами. Отношенія подобнаго рода, какъ показываетъ Краусъ, обыкновенно возникаютъ въ виду того, что дѣвушка, не рѣшаясь пуститься въ путь одинокой, избираетъ себѣ въ лицѣ своего спутника покровителя и защитника, обязаннаго оберегать ея дѣвственную чистоту и непорочность ото всѣхъ и каждаго, и прежде всего отъ увлеченій собственнаго темперамента. Отношенія эти такъ близко стоятъ къ отношеніямъ брата и сестры, что не далѣе полустолѣтія назадъ бракъ между «побратимомъ» и «посестримой» строго запрещаемы были обычаемъ *). Въ томъ фактѣ, что всякія интимныя, дружескія отношенія между лицами разнаго пола подводятся славянами подъ отношенія брата и сестры, нельзя не видѣть указанія на то, что между обоими существовала издревле та тѣсная родственная связь, о юридическихъ послѣдствіяхъ которой говоритъ намъ Русская Правда, упоминая о племянникѣ по сестрѣ, какъ о возможномъ кровникѣ.

Въ памятникахъ народной поэзіи и письменности разсѣяны нѣкоторыя черты того порядка отношеній, какой извѣстенъ подъ наименованіемъ материнскаго родства. Начать съ того, что объ отцахъ многихъ изъ нашихъ богатырей, и въ числѣ другихъ Добрыни Никитича, въ былинахъ ничего не говорится и, наоборотъ, о матеряхъ ихъ заходитъ рѣчь на каждомъ шагѣ. Тогда какъ въ позднѣйшихъ по времени произведеніяхъ народной словесности сынъ всегда находитъ совѣтъ и заступничество въ лицѣ своего отца, въ сказаніяхъ о Добрынѣ Никитичѣ, напримѣръ, роль отца всецѣло занимаетъ мать (Намельѡа Тимоѡевна); она даетъ Добрынѣ добрые совѣты, она же помогаетъ ему избавиться отъ чаръ околдовавшей его красавицы, снова сдѣлаться изъ тура, въ какаго онъ обращенъ былъ въ силу ея заклинаній, въ прежняго героя богатыря.

*) Krauss, Sitte und Brauch der Süd-Slaven, стр. 640.

Матушка Добрынюшкѣ наказывала.
Государыня Нивитичу говаривала:
Ты ходи гуляй по городу по Киеву,
По всѣмъ улицамъ ходи и переулочкамъ,
Не заворачивай во улицу Игнатьевку
Во тѣ во переулочки Маривчаты
Тамъ живетъ Маришка стравница,

.....
Извела она девяти молодецвъ,
Изведеть тебя Добрынюшку десятаго

Когда Маришка обратила Добрыню подобно прежнимъ своимъ девяти любовникамъ въ тура, та же Намельфа Тимоѣевна, пришедъ къ Маришкѣ, приказываетъ ей

Подитко ты во чисто поле,
Приведи-тко ты десять туровъ,
Поверни-ко добрыми молодцами:
А не повернешь добрыми молодцами,
Оберну тебя сорокой погуменною
И летай-ко ты вѣкъ да и по вѣку

.....
Отыскала Маришка десять туровъ,
Тая Добрынина матушка
Повернула добрыми молодцами
И взяла-то млада Добрынюшку съ собой. *)

Если прибавить къ сказанному, что въ былинахъ, какъ и въ начальной нашей лѣтописи, отношенія мужчины къ женщинамъ всего чаще носятъ характеръ временныхъ связей, мало содѣйствовавшихъ, очевидно, развитію патернитета, то немудрено будетъ заключить, что характеризуемые ими порядки всего ближе отвѣчаютъ тому представленію, какое мы имѣемъ о материнскомъ родѣ.

И историческій Добрыня, о которомъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», этотъ дядя по матери, являющийся ближайшимъ совѣтникомъ и совратителемъ Владимира, является ли-

*) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, часть II, стр. 12.

номъ, возможнымъ скорѣе на почвѣ материнскаго, нежели агнатическаго рода. Почему бы, спрашивается, не искать Владиміру поддержки и совѣта у отцовской родни, если бы по понятіямъ того времени вслѣдъ за братьями, которыхъ лѣтописецъ рисуетъ намъ открытыми врагами Владиміра, ближайшимъ къ нему родственникомъ не являлся дядя по матери!

Я не рѣшаюсь восполнить этотъ незначительный перечень фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ материнству, еще тѣми, какіе заключаетъ въ себѣ краледворская рукопись, и въ частности встрѣчающийся въ ней судъ Любуши. Доказанная нынѣ подложность этого акта лишаетъ насъ возможности видѣть въ той выдающейся роли, какую играетъ въ немъ женщина (Любуша), правитель и судья своего народа, новое доказательство противъ господства въ древнѣйшій періодъ славянской жизни патриархальной семьи и агнатическаго рода; гораздо большее значеніе имѣеть для насъ записанное начальнымъ лѣтописцемъ сказаніе объ Ольгѣ правительницѣ. Оно, очевидно, могло возникнуть лишь въ средѣ народа, у котораго женщина не состояла подъ той вѣчной опекой, какую Мэнъ и послѣдователи патриархальной теоріи связываютъ съ фактомъ господства на первыхъ же порахъ основанной на manus или на власти мужа надъ женою индивидуальной семьи. *)

Изъ древнихъ народовъ Греки, сказали мы, раньше другихъ обратили на себя вниманіе ученыхъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ материнства. — Уже одно это обстоятельство косвенно указываетъ на то, какой обильный матеріалъ представляетъ легендарный періодъ ихъ жизни по занимающему насъ вопросу. Прибавимъ, что матеріалъ этотъ обследованъ всесторонне такими писателями, какъ Бахофенъ или Макъ-Ленанъ, что въ результатъ доводитъ нашу собственную работу въ данномъ отдѣлѣ до самыхъ скромныхъ размѣровъ. Измѣняя нѣсколько тотъ порядокъ, въ которомъ упомянутые мною ученые располагаютъ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи данныя, я укажу прежде всего на то, что позднее возникновеніе у грековъ патернитета

*) Ср. The patriarchal theory by Mac. Lennau, глав. VI, стр. 71 и слѣд.

и признаніе ими на первыхъ порахъ одного утробнаго родства заносится, какъ историческій фактъ древними анналистами, Послѣдніе приурочиваютъ даже къ опредѣленнымъ событіямъ замѣну стариннаго обычая обозначать дѣтей по имени матери и приписываютъ установленіе постоянного брака съ вытекающей изъ него властью отца надъ дѣтьми хорошо извѣстнымъ историческимъ дѣателямъ. Такъ, по Варрону, напр. *), запрещеніе давать новорожденнымъ имя матери должно быть отнесено къ эпохѣ самаго основанія Аѳинъ, ко временамъ перваго царя Кекропса; по словамъ Юстина, тому же лицу должно быть приписано и установленіе въ Атикѣ постоянныхъ браковъ, фактъ, тѣсно связанный, какъ мы видѣли, съ замѣною материнства отчествомъ. Что объ Аѳинянахъ повѣствуютъ Варронъ и Юстинъ, то о Беотійцахъ говоритъ Страбонъ, изъ словъ котораго также не трудно заключить, что древнѣйшимъ порядкомъ исчисления родства у нихъ былъ счетъ поколѣній, отдѣляющихъ данное лицо отъ бабки или прабабки его матери. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими показаніями стоятъ тѣ, которыя Плутархъ даетъ намъ о Критянахъ, а Павзаній о Мессинцахъ, когда говорятъ объ обозначеніи ими ихъ родины не наименованіемъ отечества, иначе говоря, землей отца, а описательно-материнскою землею. Прибавивъ къ этому обозначеніе многихъ мѣстностей въ Греціи женскими именами, какъ, напр., Саламина, Короира, Эгина, что въ свою очередь свидѣтельствуетъ о происхожденіи ихъ древнѣйшихъ поселенцевъ отъ женщинъ, мы получаемъ въ общемъ результатъ представленіе о женской филіаціи, какъ о предшествовавшей во времени мужской.

Это заключеніе находитъ себѣ рѣшительное подтвержденіе при изученіи цикла греческихъ легендъ, какъ тѣхъ, которые связаны съ именемъ Гомера, какъ и тѣхъ, которые послужили матеріаломъ для греческихъ трагиковъ. Въ Илиадѣ и Одиссеѣ на каждомъ шагѣ наталкиваешься на фактъ признанія родства между единоутробными при отрицаніи его между единокровными братьями.

Ликаонъ считаетъ возможнымъ упрашивать о помилованіи его

*) Въ передачѣ Августиномъ De civitate Dei, XVIII, 9.

Ахилломъ, мстящимъ за смерть Патрокла, на томъ основаніи, что онъ рожденъ не отъ одной женщины съ Гекторомъ, убійцею его друга, и Ахиллесъ не находитъ инаго отвѣта въ защиту своего поведения, кромѣ того, что онъ рѣшился не щадить никого изъ дѣтей Пріама. Елена объясняетъ себѣ отсутствіе въ греческомъ лагерѣ Кастора и Поллукса тѣмъ соображеніемъ, что они ея братья по матери, не смѣющіе, поэтому, начать противъ нея вражды. Величайшей утратой, какая можетъ быть понесена человѣкомъ, Гомеръ считаетъ, какъ видно изъ словъ, влагаемыхъ имъ въ уста Аполлона, сперва потерю единоутробнаго брата, а затѣмъ уже сына. Если прибавить къ сказанному, что ни Илиада, ни Одиссея ни разу не упоминаютъ объ агнатахъ, какъ о родственникахъ, то не трудно будетъ прійти къ тому заключенію, что въ героическій періодъ греческой жизни основою родства служила одна связь съ матерью, и понятнымъ станетъ, почему ближайшій ея когнатъ—старшій братъ, считался ближайшимъ родственникомъ и имѣлъ то же первенствующее значеніе, какое по словамъ Тацита принадлежало ему у древнихъ германцевъ.

Въ позднѣйшихъ по времени легендахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятникахъ исторической Греціи, мы находимъ еще явные слѣды переживанія только что указанныхъ отношеній. У Эсхила, который такъ вѣрно передаетъ въ своихъ трагедіяхъ духъ древнихъ сказаній, Эринніи, упорно отстаивая, какъ значитъ въ текстѣ, «старинныя воззрѣнія», долго не хотятъ согласиться съ молодыми богами, что убійца матери Орестъ долженъ быть оправданъ, такъ какъ онъ не одного съ нею рода. Эта теорія является для нихъ новинкою, въ и защиту ея Аполлонъ долженъ привести то соображеніе, будто дѣйствительнымъ виновникомъ рожденія слѣдуетъ признать одного отца. Если въ сказаніяхъ объ Орестѣ мы присутствуемъ при самомъ зарожденіи, такъ сказать, теоріи патернитета и агнатическаго родства, то въ легендѣ о Мелеагрѣ передъ нами воочію выступаютъ еще характерныя черты материнскаго рода. Мать Алтея не боится призвать смерть на голову собственнаго сына, виновнаго въ убійствѣ ея брата по матери; очевидно, потому, что связь съ послѣднимъ считается самою тѣсною и наиболее священной.

Я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ законодательныхъ нормахъ также проглядываютъ черты стариннаго материнства. Говоря это, я разумѣлъ въ частности слѣдующій аѳинскій законъ, приведеніемъ котораго я и закончу перечень данныхъ въ пользу защищаемой здѣсь теоріи. Въ Аѳинахъ бракъ между братомъ и его единокровной сестрой считался дозволеннымъ. Что было запрещено, такъ это союзы между единоутробными родственниками по крайней мѣрѣ въ первой степени. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ сравнительно поздно встрѣчаемый нами фактъ о томъ, съ какимъ упорствомъ продолжали держаться въ греческомъ обществѣ отдѣльныя черты когнатическаго рода? *)

Тогда какъ греческая жизнь въ ея древнѣйшемъ періодѣ представляетъ сравнительно богатую поживу для построенія теоріи когнатическаго рода, римская, при ближайшемъ ея изученіи, только оправдываетъ воззрѣнія тѣхъ сравнительно немногихъ писателей, которые не видятъ въ ней ничего, что бы противорѣчило признанію материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи родства. Едва ли нужно останавливаться на той мысли, что причина указаннаго отличія лежитъ не въ самыхъ особенностяхъ древней жизни римлянъ, а въ недостаточности нашихъ свѣдѣній о ней. Еслибы мы располагали по отношенію къ Римлянамъ такимъ же цикломъ сказаній, какой представляютъ Илиада и Одиссея, еслибы наши свѣдѣнія о древнѣйшемъ бытѣ ихъ не почерпаемы были всецѣло изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ XII таблицъ и далеко не полныхъ показаній анналистовъ и законовѣдовъ, то мы несомнѣнно нашли бы въ условіяхъ римской дѣйствительности рѣшительное подтвержденіе высказываемымъ здѣсь взглядамъ. Дѣлать такое предположеніе мы въ правѣ потому, что и при современномъ недостаткѣ нашихъ свѣдѣній мы все же наталкиваемся на фактъ существованія у римлянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни такихъ порядковъ, которые могли мириться только съ господствомъ материнскаго родства. Въ числу ихъ слѣдуетъ отнести прежде всего отсутствіе у большей половины римскихъ гражданъ, у плебеевъ, *justae nuptiae*, по пред-

*) Все эти факты заимствованы изъ статьи Магъ-Ленана, озаглавленной *Kinship in Ancient Greece* и повторяющей во многомъ факты и выводы, приводимые Бахофеномъ въ его *Mutterrecht*.

положенію Bernhöft'a *) заключаемаго покушкою брака, и установленіе послѣдняго путемъ простаго сожительства (usus). На это указываетъ [и извѣстный текстъ «*connubia promiscua habent more fœdærum*» занесенное Діонисіемъ, и преданіе, будто въ Римѣ издревле было двѣ группы людей, одни, которые могли указать на отца и потому именовались патриціями, другіе, которые не могли этого сдѣлать и назывались плебеями. Хотя Діонисій и считаетъ нужнымъ провести наперекоръ этому преданію ту мысль, что различіе между патриціями и плебеями создано богатствомъ и бѣдностью, по Жиро Телонъ какъ мнѣ кажется, вполне удачно проводитъ тотъ взглядъ, что оба объясненія не стоятъ въ противорѣчій одно съ другимъ, такъ какъ агнатическое родство, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ племенъ бывшихъ американскихъ владѣній Россіи, развивается прежде всего въ средѣ болѣе богатой части населенія, при чемъ бѣднѣйшая остается вѣрной архаическому материнству **).

У плебеевъ такимъ образомъ мы находимъ два признака материнскаго рода—отсутствіе браговъ, которые бы устанавливали власть мужа надъ женою (manus) и вытекающій отсюда недостатокъ отеческой власти, т. е. правъ отца на приплодъ купленной и состоящей подъ его началомъ жены.

Къ этимъ двумъ указателямъ материнства прибавимъ свидѣтельство Папиніана о томъ, что право жизни и смерти, характеризующее собою отцовскую власть въ Римѣ, установлено закономъ царей, *lex regia* ***). Если въ немъ, какъ и въ однохарактерномъ свидѣтельствѣ Варрона о Кекропсѣ, нельзя видѣть упоминанія объ историческомъ фактѣ, то во всякомъ случаѣ оно не лишено извѣстнаго значенія, такъ какъ говоритъ намъ о господствѣ въ средѣ самого римскаго общества того представленія, что атрибуты отеческой власти, а слѣдовательно и самая власть, не составляютъ нѣчто исконное и отъ начала вѣковъ приустановленное, а являются позднѣйшимъ нововведеніемъ.

*) Bernhöft. Staat und Recht der Römischen Königszeit, 1882 г., стр. 187.

***) Les Origines de la famille, стр. 405.

****) Ефимовъ. Очерки изъ исторіи древне-римскаго родства, стр. 70.

Какъ историческія легенды о первыхъ временахъ Рима, такъ и отдѣльныя юридическія нормы содержатъ въ себѣ рядъ на-
мековъ на существованіе издревле болѣе тѣсной родственной
связи между единоутробными нежели единокровными, на пер-
венствующее положеніе, занимаемое въ ряду прочихъ родствен-
никовъ дядей и братомъ по матери, и на образование изъ ког-
натовъ экзогамическаго союза, какъ нельзя лучше подтверждаю-
щаго одно изъ основныхъ положеній теоріи материнства.

Бахофенъ первый указалъ на тотъ свѣтъ, какой бросаетъ на
фактъ признанія на первыхъ порахъ одного утробнаго род-
ства записанныя анналистами сказанія о римскихъ царяхъ. Дяди,
и въ числѣ ихъ Тарквиній Гордый, преслѣдующіе племянниковъ,
дѣтей ихъ сестры, изъ опасенія, что послѣдніе отымутъ у нихъ
престоль; Брутъ, мстящій за позоръ Лукреціи при жизни ея
мужа, такъ какъ онъ ея дядя по матери, и въ болѣе раннихъ
легендахъ сестра Гораціевъ, проклинающая ихъ за то, что они
убили своихъ родственниковъ по матери, дѣтей тетки, албанскихъ
Куриціевъ—все это рассказы, смыслъ которыхъ становится по-
нятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы допустимъ существо-
ваніе въ то время, о которомъ идетъ въ нихъ рѣчь, материн-
скихъ родовъ; при нихъ только ближайшими родственниками
дядей, а слѣдовательно и возможными претендентами на пре-
столь, являются дѣти ихъ сестры, при нихъ обязанность кров-
ной мести предпочтительно предъ мужемъ падаемъ на дядю по
матери, а убійство утробныхъ родственниковъ въ такой же мѣрѣ
вызываетъ месть, въ какой впоследствии убійство единокров-
ныхъ агнатовъ *)).

Въ свою очередь присутствіе однихъ когнатовъ въ семейномъ
судѣ, о которомъ говоритъ Титъ Ливій, упоминая о *cognatorum decretum*, распространеніе на нихъ *juris osculi* или права
давать поцѣлуй замужней женщинѣ, наконецъ, доказываемое
Кленце запрещеніе брачныхъ узъ въ тѣхъ самыхъ степеняхъ
когнатическаго родства, въ которыхъ допускалось осуществле-
ніе этого права, не говоритъ ли все это также объ исконномъ
значеніи когнатовъ въ семьѣ и образованіи изъ нихъ въ силу

*) Bachofen. Antiquarische Briefe. 158—163.

экзогамических запрещеній обособленныхъ группъ или такъ наз. утробныхъ родовъ?

Чтобы закончить перечень наиболее характерныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія материнства, упомяну еще о томъ, что въ средѣ тѣхъ народностей, изъ искусственнаго соединенія которыхъ съ латинянами въ одно цѣлое образовалось Римское государство, материнскій родъ хорошо былъ извѣстенъ. Нами уже было указано на существованіе его у Этрусковъ. Упомянемъ теперь тотъ фактъ, что Сабинскіе роды, какъ видно на примѣрѣ Фабіевъ, вели свою генеалогію по женской линіи. Эти факты, сопоставленные съ вышеприведенными данными объ отсутствіи *justae nuptiae* и обозначеніи дѣтей по отцу въ средѣ римскихъ плебеевъ, приводятъ одного изъ защитниковъ теоріи материнства, Бернгёфта, къ тому заключенію, что материнство, неизвѣстное арійскому населенію Италіи, появилось въ низшихъ его слояхъ, какъ результатъ заимствованія у туземныхъ племенъ; но такому допущенію противорѣчитъ одинаково какъ то обстоятельство, что приведенныя нами легенды упоминаютъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ чертахъ материнскаго рода въ примѣненіи къ патриціанскимъ родамъ, такъ и то, что общіе съ римлянами по происхожденію эллины въ своемъ общественномъ развитіи отравились отъ эпохи его исключительнаго господства.

Невозможно также остановиться на той мысли, что материнство было извѣстно лишь той части римскаго населенія, которая, какъ плебеи, не была арійской крови. Прежде чѣмъ утверждать это, надо еще доказать, что между плебеями и патриціями существовало различіе расъ, а это далеко не сдѣлано, да едва ли и можетъ быть когда сдѣлано, такъ какъ нѣтъ отвѣчающихъ такой гипотезѣ фактовъ.

При такихъ условіяхъ намъ остается только признать, что приведенныя черты материнства и когнатическаго родства доказываютъ, что и римлянамъ, безъ различія сословій и народностей, была извѣстна такая эпоха, когда родство по отцу и его естественная основа—связь ребенка съ лицомъ, являющимся виновникомъ его рожденія, еще не были признаваемы, и кровный союзъ—родъ—всецѣло былъ построенъ на утробномъ родствѣ и связанныхъ съ нимъ экзогамическихъ запрещеніяхъ.

Въ юридическихъ памятникахъ Индіи сохранились лишь слабыя слѣды нѣкогда существовавшаго въ ней материнства. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

При обозначеніи лицъ, на которыхъ, въ случаѣ смерти отца, падаетъ обязанность опеки надъ его дочерью и въ частности выдачи послѣдней въ замужество, сводъ Вишну упоминаетъ материнскаго дѣда, а Нарада сверхъ того и материнскаго дядю *). Привилегированное положеніе того и другаго родственника въ эпоху исключительнаго признанія утробнаго родства легко бы могли объяснить намъ причину, по которой и при полномъ переходѣ къ агнатическому родству тотъ и другой на правахъ переживанія продолжаютъ играть видную роль въ семьѣ. Тѣмъ же соображеніемъ оправдывается и встрѣчаемое нами въ сводахъ запрещеніе браковъ съ родственниками матери, по отношенію къ которымъ, какъ извѣстно, ранѣе всего была установлена экзогамія **).

Еще рѣзче указываетъ на тотъ же фактъ запрещеніе брака съ женщиной, которая бы носила одно имя съ матерью жениха ***). Вспомнимъ, какое значеніе придаютъ имени народы, быть которыхъ построены на материнствѣ, вспомнимъ, что одинаковость имени служить у нихъ доказательствомъ принадлежности къ одному роду, такъ какъ въ распоряженіи каждаго рода состоитъ лишь извѣстное число именъ — и намъ станетъ понятнымъ, почему существованіе только что приведеннаго запрещенія можетъ быть признано указателемъ нѣкогда господствовавшаго въ Индіи материнства ****).

На когнатическое родство, какъ на предшествующее по времени родству агнатическому, указываетъ между прочимъ и то постановленіе индусскихъ сводовъ, которое запрещаетъ усыновленіе брата, сына сестры и сына дочери. Это запрещеніе не можетъ быть объяснено близостью ихъ родственныхъ связей съ усы-

*) Kohler. Indisches Ehe und Familienrecht, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. III, Band, III Heft, стр. 360.

**) Стр. 365.

***) Iolly. Rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern. Sitzungsberichte der bayerischen Akademie 1876 г. Separat Abdruck, стр. 14.

****) Иное объясненіе даетъ этому запрещенію Kohler, стр. 368.

новителемъ, такъ какъ индусскій законодатель предписываетъ оказывать родственникамъ рѣшительное предпочтеніе при адопціи. Съ особенной охотой указываютъ они на сына брата или на внука по отцу, какъ на лицъ, которыя могутъ быть усыновлены ихъ бездѣтнымъ дядею или дѣдомъ *), а между тѣмъ въ то же время они рѣшительно устраняютъ отъ адопціи сына его сестры (bhaginēya), а также сына его дочери. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Почему племянникъ и внукъ по отцу могутъ быть усыновлены, а племянникъ и внукъ по матери не могутъ? Мнѣ кажется, что ключъ къ объясненію такой странной, повидимому, аномаліи даетъ намъ признаніе материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи Индусовъ. При существованіи его братъ, племянникъ и внукъ по матери считаются между собою родственниками, племянникъ же по отцу и внукъ по отцу, какъ принадлежащіе къ другому роду, для нихъ чужеродцы. Усыновленіе на первыхъ порахъ, какъ производимое цѣлымъ родомъ, очевидно, можетъ имѣть мѣсто только между членами разныхъ родовъ. Родъ не можетъ усыновить, т. е. искусственно сдѣлать собственнымъ членомъ лицо, принадлежащее къ нему eo ipso, въ силу рожденія, а если такъ, то не трудно понять, почему одинъ и тотъ же родъ не могъ усыновить одновременно брата, племянника и внука по матери съ одной стороны, и племянника и внука по отцу, съ другой, почему и впоследствии усыновленіе однихъ устраняло возможность усыновленія другихъ. Устраненіе утробныхъ родственниковъ отъ усыновленія, при допущеніи агнатовъ, доказываетъ такимъ образомъ только то, что родственная связь первыхъ возникла ранѣе родственной связи вторыхъ, что какъ принадлежащіе къ роду, они не могли быть усыновляемы имъ **), чего нельзя сказать о родственникахъ по отцу (агнатахъ)

*) Kohler, стр. 415 и 416.

**) Но, скажутъ намъ, мужъ не принадлежалъ къ одному роду съ когнатами его жены, а слѣдовательно нѣтъ препятствій къ усыновленію ихъ послѣднимъ. Совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что мужъ на первыхъ порахъ вообще не былъ усыновителемъ, что въ индусскихъ сводахъ онъ только заступаетъ мѣсто жены, которой при участіи ея рода производимъ былъ первоначально актъ усыновленія.

бывшихъ на первыхъ порахъ чужеродцами. Старинное запрещеніе продолжало держаться и тогда, когда дѣйствительный смыслъ его совершенно былъ утерянъ. Оно уцѣлѣло, по всей вѣроятности, потому, что къ удержанію его въ жизни явились новыя причины. Индусскіе своды, и въ частности Чаунака, повидимому, оправдываютъ то воззрѣніе, что усыновленіе у индусовъ не должно противорѣчить природѣ, что искусственное родство можетъ быть установлено у нихъ только между лицами, которыя бы могли и естественнымъ путемъ быть въ отношеніяхъ отца къ сыну. Отсюда запрещеніе усыновлять тѣхъ, матери которыхъ не могли бы состоять въ брачной связи съ усыновителемъ: брата, какъ сына матери, племянника по матери, какъ сына сестры, внука по матери, какъ сына дочери. Мать, сестра и дочь принадлежать къ числу тѣхъ лицъ, съ которыми индусское право рѣшительно запрещаетъ установленіе брачной связи. Писатели, занимающіеся объясненіями семейнаго права индусовъ, и въ числѣ ихъ Колеръ, ограничиваются приведеніемъ послѣдняго толкованія, не замѣчая того, что оно отнюдь не указываетъ на архаическую причину установленія разсматриваемыхъ ими запретовъ, и что проводимый индусскимъ правомъ взглядъ на невозможность усыновленія извѣстныхъ лицъ, по противорѣчію такой адопціи природѣ, имѣеть на самомъ дѣлѣ несравненно болѣе глубокіе корни въ фактѣ господства на первыхъ порахъ когнатическихъ или утробныхъ родовъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ пережиткѣ материнства въ сферѣ наследственнаго права индусовъ. Производимый женихомъ при бракѣ подарокъ, такъ наз. *Sulka*, по мнѣнію однихъ индусскихъ сводовъ, Митакшары и Гаутамы, поступаетъ еще при жизни жены къ ея братьямъ по матери (*fratres uterini*), согласно же другимъ, позднѣйшимъ сводамъ, въ томъ числѣ Дайа-Бага, только при ея смерти *). Послѣдній порядокъ, какъ думаютъ современные толкователи наследственнаго права индусовъ, и между ними Майеръ и Колеръ, долженъ быть признанъ позднѣйшимъ, а если такъ, то оказы-

*) Mayne, *Hindu law and usage*. стр. 592. Kohler, стр. 431, примѣч.

вається, що при замужествѣ по крайней мѣрѣ часть платимой за невѣсту платы поступала къ ея утробнымъ братьямъ; а это въ свою очередь доказываетъ, что послѣдніе считались ея ближайшими родственниками, что совершенно согласно съ допущеніемъ материнства и тою ролю, какую при немъ играетъ утробный братъ, какъ кормилецъ сестры (bhgataḥ).

Эти пережитки материнства въ правѣ арійскаго населенія Индіи слишкомъ многочисленны, коренятся слишкомъ глубоко въ самыхъ нѣдрахъ народной жизни, чтобы происхожденіе ихъ могло быть объяснено простымъ заимствованіемъ у туземцевъ, хотя и нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что послѣднимъ материнство было извѣстно. На этотъ счетъ не мало указаній содержитъ въ себѣ Магабарата съ ея упоминаніемъ о героѣ Астика, который, желая имѣть наслѣдника, прискиваетъ мужа для сестры и передаетъ затѣмъ рожденному ею сыну старѣйшинство въ племени Наговъ *).

*) Giraud Teulon, стр. 203. Другія указанія у Bachofen'a Antiquarische Briefe, стр. 210.

IV.

Происхождение патернитета и агнатического рода.

«Самой неудовлетворительной стороной въ сочиненіяхъ Макъ-Ленана и Моргана, говоритъ ихъ недавній критикъ — Мэнь, является то объясненіе, какое они даютъ признанію патернитета, иначе говоря, происхожденія отъ отца. Морганъ, какъ кажется, думаетъ, что послѣдній сталъ признаваться вслѣдствіе народнаго рѣшенія (by popular vote). Макъ-Ленанъ же прямо высказывается въ пользу того, что отчество будто бы возникло изъ обычая, по которому предполагаемые отцы дѣлали подарки своимъ предполагаемымъ дѣтямъ» *). Мнѣ кажется, что передавая мнѣніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ противниковъ — Моргана, Мэнь позволилъ себѣ нѣкоторую неточность: послѣдняя, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что разбираемый имъ американскій писатель высказывается далеко неопредѣленно по занимающему насъ вопросу. Тѣмъ же менѣе, сопоставляя то, что говоритъ онъ о немъ на 470 стр. своего сочиненія, замѣчая: «когда собственность была установлена и желаніе передать ее дѣтямъ вызвало замѣну материнской филіаціи отеческой, впервые созданы были условія для возникновенія патернитета», съ тѣмъ значеніемъ, какое на 157 стр., напр., онъ приписываетъ возникновенію собственности въ процессѣ образованія отеческой власти одинаково въ Греціи и Римѣ, — мы полагаемъ, что точнѣе передадимъ его мысль, сказавши, что въ индивидуализаціи имущественныхъ отношеній и естественномъ для отца желаніи передать собственность своему потомству лежитъ въ его глазахъ дѣй-

*) Мэнь, стр. 167.

ствительная причина возникновенія власти отца въ семьѣ и связанной съ нею мужской филиаціи. Но это объясненіе то самое, какое даетъ этому факту Магъ-Ленанъ, Леббокъ *), и слѣдующій за ними Жиро-Телонъ **). Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою не нѣсколько, а всего на всего одну попытку объяснить происхожденіе патернитета. Попытку эту Мэнъ признаетъ неудовлетворительной, и мы слѣшимъ присоединиться къ его мнѣнію. Но поступая такимъ образомъ, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы возникновеніе собственности не имѣло никакого отношенія къ данному вопросу. Мы постараемся даже развить впослѣдствіи ту мысль, что ею въ значительной мѣрѣ ускоренъ былъ процессъ образованія отеческой власти: чѣмъ она не была и не могла быть по отношенію къ патернитету, такъ это первичной причиной, — причиной вызвавшей его къ жизни. Мы не хотимъ также сказать, что считаемъ болѣе удачнымъ то объясненіе, какое генезису патернитета даетъ Мэнъ, говоря, что дѣйствительный отвѣтъ на поставленный вопросъ не иной, какъ тотъ, что на эти неустановившіяся общественныя формы (Мэнъ разумѣетъ материнскій родъ) постоянно должна была оказывать свое вліяніе великая естественная сила, приводившая къ тому, что въ каждомъ обществѣ наиболѣе сильная его половина всегда организовывалась въ группы, допускаяшія признаніе патернитета и удовлетвореніе родительскихъ инстинктовъ. Сказать это — не значитъ рѣшить вопросъ, такъ какъ остается еще опредѣлить характеръ той естественной силы, которая вызывала къ жизни означенныя явленія, а этого именно мы, къ сожалѣнію, и не находимъ у Мэна.

Вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, принадлежитъ, какъ намъ кажется, къ числу сложныхъ вопросовъ, иначе говоря отвѣтъ на него можетъ послѣдовать не раньше, какъ послѣ рѣшенія цѣлаго ряда другихъ, такъ сказать предварительныхъ. Первымъ изъ нихъ, какъ мы полагаемъ, долженъ быть вопросъ о томъ, какое вліяніе оказалъ естественный ростъ населенія въ предѣлахъ одного и того же материнскаго рода на послѣ-

*) Стр. 112.

**) Origines, стр. 142—179.

дующій порядокъ общежитія, не явился ли онъ препятствіемъ дальнѣйшей скученности и не разсѣялъ ли въ концѣ концовъ на большое пространство входящія въ составъ рода группы? Такая перемѣна въ образѣ жизни естественно вызывалась, какъ намъ думается, самымъ фактомъ господства въ эту эпоху первобытныхъ занятій и возможностью быстраго исчезновенія при такихъ условіяхъ въ той или другой мѣстности продуктовъ охоты и рыболовства, благодаря почти полному истребленію послѣднихъ разросшимся населеніемъ *). Если такой исходъ имѣлъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, то какое, спрашивается, вліяніе могъ оказать онъ на измѣненіе прежнихъ отношеній родового старѣйшины, которымъ обыкновенно является, какъ мы видѣли, дядя или братъ матери, къ отдѣльнымъ женщинамъ рода, и въ частности, сохраняетъ ли старѣйшина при новыхъ условіяхъ тотъ фактический контроль за дѣйствіями отдѣльныхъ паръ, входящихъ въ составъ рода, какой осуществляемъ были имъ въ эпоху ихъ скученности въ одномъ мѣстѣ? Если этого нѣтъ въ дѣйствительности, если власть старѣйшины не находитъ болѣе благоприятныхъ условій для своего проявленія, то это обстоятельство не служитъ ли къ выгодѣ сожительствующаго съ женщиной мужчины, который незамѣтно заступаетъ по отношенію къ ней роль брата—кормильца, и соотвѣтственно начинаетъ обозначаться, по крайней мѣрѣ въ арійскихъ языкахъ—однимъ съ нимъ терминомъ? Эта перемѣна въ роли мужа не ведетъ ли необходимо къ установленію извѣстной зависимости отъ него жены и развитію его власти надъ нею, результатомъ, достигаемый съ тѣмъ большею легкостью, что почти повсемѣстная замѣна обычая похищать женъ системой уплаты за нихъ выкуповъ или калымовъ приводитъ въ концѣ концовъ къ уподобленію женщины товару, приобретаемому дорогою цѣною и обязанному приносить соотвѣтственный доходъ. Послѣднимъ можетъ быть не только трудъ женщины, но и даваемый ею приплодъ, ся дѣти, какъ бы они ни были прижиты. Неудивительно поэтому, если съ теченіемъ времени отецъ приобретаетъ роди-

*) Значеніе закона народонаселенія на постепенное раздѣленіе родовъ особенно подчеркиваетъ г. Зиберъ въ своихъ Очеркахъ первобытной экономической культуры, стр. 354.

тельскія права безразлично по отношенію ко всѣмъ рожденнымъ его женою лицамъ, кто бы ни былъ ихъ дѣйствительный родитель. Установленіе родительской власти, какъ необходимаго послѣдствія власти мужа, надъ женою совершается тѣмъ легче, что самые союзы между лицами разнаго пола становятся современемъ болѣе постоянными. Разсѣянность жилищъ сама является благопріятнымъ условіемъ къ тому, такъ какъ ею затрудняется постоянная мѣна женъ, что въ свою очередь дѣлаетъ возможнымъ упроченіе силою привычки союзовъ, возникшихъ подъ вліяніемъ одного полового влеченія. А эта болъшая прочность связей не ведетъ ли въ свою очередь къ тому, что дѣтямъ одинаково становятся извѣстны оба родителя, такъ какъ сожительство отца съ ихъ матерью продолжается всего чаще и послѣ ихъ рожденія. Съ другой стороны отсутствіе прежняго ухода за подроставшими поколѣніями со стороны отдѣленной теперь нерѣдко болъшимъ разстояніемъ материнской родни и зависимость ихъ въ отношеніи средствъ къ пропитанію отъ отца—охотника и рыболова, не вызываютъ ли въ дѣтяхъ совершенно недоступнаго имъ на первыхъ порахъ чувства привязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтеннаго привычкою повиновенія, весьма понятнаго въ слабомъ существѣ по отношенію къ сильному? И въ свою очередь, надежда имѣть въ ближайшемъ будущемъ помощниковъ въ работѣ, а въ старости кормильцевъ, не побуждаетъ ли самихъ отцовъ дорожить порожденною уходомъ и сожительствомъ связью съ происшедшимъ отъ нихъ приплодомъ, и не служить ли такимъ образомъ условіемъ развитія и упроченія отеческой власти. Но отецъ не всегда одинъ въ жилищѣ жены. Съ нимъ могутъ сожительствовать и не основавшіе еще самостоятельныхъ семей братья или иные родственники. Ежедневное общеніе съ ними подроставшихъ поколѣній, не вызоветъ ли и оно извѣстной привычки въ однихъ приказывать, въ другихъ повиноваться, и эта привычка, поддерживаемая тѣмъ чувствомъ привязанности, какое порождаетъ жизнь сообща и постоянный обмѣнъ услугъ, недѣлается ли со временемъ такимъ же источникомъ развитія родственной связи по отцу, каковымъ нѣкогда она была по отношенію къ материнской роднѣ?

Такимъ образомъ гораздо ранѣе появленія пастушескаго и

земледѣльческаго быта, а слѣдовательно, и сколько нибудь широкаго проявленія начала индивидуализаціи собственности, имѣются на лицо условія для возникновенія какъ патернитета, такъ и вытекающаго изъ него сознанія родственной связи по отцу. Но если, какъ само собою слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, возникновеніе патернитета мыслимо и до перехода къ высшимъ сравнительно стадіямъ экономическаго быта, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ переходъ не содѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ упроченію разъ установившейся связи дѣтей съ отцомъ и его роднею. Начать съ того, что не ранѣе эпохи доместикаціи животныхъ могли сдѣлаться вполне ясными выгоды, достигаемыя скрещиваньемъ и необходимость избѣгать кровосмѣсительныхъ связей не только съ роднею матери, но и съ родней отца; — обстоятельство, вызвавшее расширение на нее экзогамическихъ запрещеній. Связанное съ переходомъ къ пастушеству и земледѣлію развитіе собственности, въ свою очередь, содѣйствовало упроченію патернитета, такъ какъ съ ними вмѣстѣ открылся вопросъ о томъ, кому со смертію отца должны поступить накопленные имъ запасы, материнской ли роднѣ, не участвовавшей въ ихъ приобрѣтеніи, или ближайшимъ соучастникамъ его въ трудѣ, собственнымъ дѣтямъ. Установленіе собственности дало такимъ образомъ возможность осязательнаго проявленія того чувства привязанности отца къ дѣтямъ, какое вызвано было ихъ сожителемъ и взаимнымъ обмѣномъ услугъ. Отдавая предпочтеніе имъ передъ собственной роднею, отецъ охотно обращался при жизни къ передачѣ имъ путемъ дареній части своего имущества, а эта цѣлья поколѣнія державшаяся практика въ концѣ концовъ повела къ возникновенію обычая, неблагоприятнаго дальнѣйшему наслѣдованію материнской родни. Переходъ къ пастушеству и земледѣлію еще тѣмъ повліялъ существенно на замѣну материнскаго рода патриархальнымъ, что впервые сдѣлалъ возможнымъ продолжительное сожителство большихъ группъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ—обстоятельство, благодаря которому развѣтвленія одной и той же семьи, не разрывая связи съ главнымъ стволомъ, стали устраивать свою жизнь на началахъ близкаго сосѣдства и почти ежедневнаго обмѣна услугъ, что въ свою очередь укрѣ-

пило въ нихъ чувство солидарности и сознание принадлежности къ общему цѣлому и привело въ концѣ концовъ къ образованію изъ нихъ связаннаго круговою порукою союза — иначе говоря патріархальнаго рода. Такимъ образомъ, отправляясь отъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ группъ народовъ — охотниковъ и рыболововъ, переходя затѣмъ къ разорвавшимся между собою прежнія сосѣдскія связи отдѣльнымъ парамъ, въ свою очередь являющимся зародышами патріархальныхъ семей, процессъ общественнаго развитія приводитъ въ конечномъ результатѣ къ установленію агнатическихъ родовъ, не ранѣе однако, какъ послѣ рѣшительнаго перехода отъ первобытныхъ занятій къ скотоводству и земледѣлію.

Отдѣльныя стадіи указаннаго нами процесса могутъ быть изучены съ помощью какъ этнографическаго, такъ и историческаго матеріала. Мы видѣли, что существованіе нѣкогда материнскаго рода засвидѣтельствовано какъ фактомъ современнаго его распространенія въ средѣ многихъ дикарей Америки, такъ и пережитками его, уцѣлѣвшими въ древнѣйшихъ памятникахъ арійской культуры. У тѣхъ же Индѣйцевъ американскому этнографу Пауелю удалось наблюдать и тѣ послѣдствія, какія по отношенію къ дальнѣйшему существованію материнства ведетъ за собою рано или поздно наступающая разсѣянность въ жилищахъ. У тѣхъ сѣверо-американскихъ племенъ, говоритъ онъ, у которыхъ нѣтъ обычая жить скученно цѣлыми деревнями, жилища которыхъ отстоятъ нерѣдко на миляхъ одно отъ другаго, родственники жены, ея естественные опекуны и попечители, теряютъ вполне возможность дѣйствительнаго контроля за нею, благодаря отдѣляющему ихъ разстоянію. При такихъ условіяхъ неудивительно, прибавляетъ онъ, если въ семьѣ власть постепенно приобрѣтается мужемъ и отцомъ и въ концѣ концовъ слѣдуетъ полная замѣна материнства патернитетомъ *). Разобшенными парами съ преобладающей въ нихъ властью мужчины доселѣ живутъ многіе дикари Австраліи, и эта черта, принятая за характеристику первобытнаго порядка, заставила нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ Дарвина и Либбока, протестовать не

*) *Outlinis of sociology by Lyhn Powell. Febr. 82r. Warshngton, стр. 21.*

только противъ гипотезы первичнаго стаднаго состоянія, но и противъ признанія материнскаго рода предшественникомъ патріархальной семьи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ только свидѣтельствуетъ о томъ, что для дикарей звѣролововъ рано или поздно наступаетъ моментъ, когда жизнь сообща стадными или когнатическими группами должна уступить мѣсто жизни разсѣянными парами, по причинѣ несоотвѣтствія между средствами пропитанія и ростомъ населенія. Эту же стадію развитія рисуетъ передъ нами между прочимъ библейскій разсказъ объ Авраамѣ и Лотѣ, жившихъ прежде совместно, но разошедшихся въ разныя стороны по недостатку средствъ къ существованію. Если ты пойдешь на право, я пойду на лѣво, говоритъ Авраамъ Лоту, и каждый изъ нихъ устраивается отдѣльно отъ другаго, одинъ въ допускаемомъ обычаемъ союзѣ съ единокровной сестрой (Саррой), другой въ кровосмѣсительной связи съ собственными дочерьми. — Хотя бытъ еврейскихъ патріарховъ и послужилъ ближайшимъ матеріаломъ къ построенію теоріи патріархальной семьи, получившей отъ него и самое свое названіе, но на самомъ дѣлѣ бытъ этотъ съ уцѣлѣвшими въ немъ чертами материнскаго рода всего менѣе отвѣчаетъ тому представленію, какое мы связываемъ съ строго экзогамической, исключющей возможность сожитія не только съ единоутробными, но и съ единокровными родственниками, патріархальной семьи.

Въ совершенно выработанномъ видѣ мы находимъ послѣднюю у римлянъ, которымъ равно извѣстна и власть мужа надъ женою (иначе *manus*) и власть отца надъ дѣтьми (*patria potestas*). Но между зародышными формами, какія она представляетъ напр. у австралійскихъ дикарей или въ библейскомъ разсказѣ, и той законченностью развитія, какаю характеризуетъ ее въ римскомъ быту, лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій, изученіе которыхъ особенно интересно потому, что на нихъ можно прослѣдить постепенный ростъ идеи патернитета. Со многими изъ этихъ стадій знакомитъ насъ бытъ американскихъ краснокожихъ, съ другими древности права самихъ арійскихъ народовъ. Между первыми особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣ, у которыхъ на нашихъ глазахъ совершается переходъ отъ материнства къ отчеству. Правда, не у всѣхъ пе-

реходъ этотъ можетъ быть названъ самобытнымъ, не у всѣхъ можетъ быть игнорируемо вліяніе въ этомъ отношеніи христіанской нравственности и проповѣдующихъ ее миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе нетрудно выдѣлить и такія, у которыхъ переходныя стадіи носятъ всѣ черты безискусственного развитія. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести племя Шауни, у которыхъ мы наблюдаемъ существованіе наряду съ недавно еще господствующимъ материнствомъ, слѣдующаго обычая, бросающаго яркій свѣтъ на порядокъ возникновенія патернитета. У Шауни, говоритъ Морганъ, а также и у Міами и Делаваровъ *) принято за правило, что послѣ рожденія дѣтей, смотря по выбору ихъ родителей и указанію извѣстнаго числа матронъ или престарѣлыхъ женщинъ, называютъ то именемъ, принадлежащимъ роду по матери, то именемъ, составляющимъ достояніе рода его отца. Имя, какъ извѣстно, такъ тѣсно связано у дикарей съ принадлежностью къ роду, что само по себѣ считается доказательствомъ послѣдней и соотвѣтственно даетъ носящему его извѣстныя права въ родѣ. Получить имя, составляющее собственность рода—то же, что быть записаннымъ въ этотъ родъ. Неудивительно по этому, если дѣти, получившія одно изъ именъ отцовскаго рода, пріобрѣтаютъ право наследовать оставленную ихъ родителемъ собственность, тогда какъ другія на всегда остаются обдѣленными ею **).—Въ описанномъ обычаѣ выступаетъ вполнѣ та любопытная черта въ происхожденіи патернитета, которая состоитъ въ подведеніи послѣдняго подъ типъ ранѣе его сложившагося материнства. Фикція, какъ извѣстно, играетъ не маловажную роль въ процессѣ развитія юридическихъ институтовъ. Она предполагаетъ въ людяхъ, обращающихся къ ней, производство того наипростѣйшаго умственного процесса, который мы называемъ уподобленіемъ или аналогіей. Если имя, взятое изъ рода матери, даетъ новорожденному право считаться членомъ материнскаго рода (на самомъ дѣлѣ, разумѣется, встрѣчается обратное, принадлежность къ роду матери по крови даетъ и право носить извѣстное имя), то, разсужда-

*) Ancient soc. стр. 113.

**) Ancient society, стр. 169.

еть дикарь, является полное основаніе къ тому, чтобы имя изъ рода отца давало человѣку право считать себя дѣйствительно принадлежащимъ къ его роду и сообщало ему связанныя съ тѣмъ права, въ частности право наслѣдованія.

Такая же фикція лежитъ въ основѣ другого порядка установленія патернитета, который мы встрѣчаемъ въ полномъ дѣйствіи у цѣлаго ряда какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ. Мы только что видѣли, что чужеродецъ, получая одно изъ родовыхъ именъ, можетъ этимъ путемъ сдѣлаться членомъ рода. Сообщение ему имени равнозначительно усыновленію его цѣлымъ родомъ, и что это такъ, видно изъ того, что принятый въ родъ занимаетъ обыкновенно мѣсто одного изъ умершихъ родственниковъ, вступая во всѣ права послѣдняго и принимая на себя связанныя съ ними обязанности. Совершаемый при этомъ обрядъ у многихъ народовъ напоминаетъ самый актъ рожденія и дѣйствующимъ лицомъ въ немъ является, наряду съ усыновляемымъ, и та женщина, которая отнынѣ должна слыть его матерью; усыновляемый чужеродецъ, прежде чѣмъ быть объявленнымъ членомъ рода, обязанъ прикоснуться къ ея груди или чресламъ. Такая процедура доселѣ встрѣчается, напр., среди Черкесовъ и Южныхъ Славянъ; и, какъ видно изъ Плинія и Діодора, извѣстна была и народамъ классической древности, прибѣгавшимъ въ этомъ случаѣ даже къ брачной постели и симулированію акта рожденія усыновляемаго усыновительницей. Тотъ же обрядъ по ихъ славамъ былъ въ полномъ ходу и у современныхъ имъ варваровъ *), что по отношенію по крайней мѣрѣ Германцевъ находить себѣ полное подтвержденіе въ державшейся не далѣе, какъ въ средніе вѣка практикѣ прижимать къ голой груди обнаженное тѣло усыновляемаго, который при этомъ случаѣ принимаемъ былъ подъ рубашку **). Если уподобленіемъ акту рожденія совершается усыновленіе чужеродца одной изъ женщинъ рода, то тотъ же актъ, симулируемый мужчиной, считается у многихъ на-

*) См. Bachofen. Mutterrecht, стр. 254.

**) *Adoptionis autem talis pro gentis consuetudine fuisse modus. intra lineam interulam, quam nos vocamus camisiam, nudum intrare eum faciens sibi adstrinxit. et haec omnia osculo libato firmavit; idem et mulier postea fecit.* Guibert. Gest. dei (Grimm Rechtsalter thümer, стр. 464).

родовъ способомъ установленія кровной связи между новорожденнымъ и дѣйствительнымъ виновникомъ его рожденія. Этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ кувады, обратилъ на себя особенное вниманіе, потому, что доселѣ въ полномъ ходу у Басковъ Гвипуской и Бискайи *) и что существованіе его у Иберовъ, потомками которыхъ считаются Баски, засвидѣтельствовано еще Страбонемъ. У Иберовъ, говоритъ греческой географъ, когда приходитъ время родовъ, мужчина на мѣсто женщины ложится въ постель и требуетъ за собою ухода **). То же на всѣхъ лады рассказываютъ о жителяхъ Пиринейскихъ долинъ, ближайшихъ предковъ современныхъ намъ Басковъ, французскіе фаблю XII и XIII столѣтій ***). Въ сопоставленіи съ этими фактами особенную цѣну приобрѣтаютъ съ одной стороны показанія путешественниковъ, съ другой—свидѣтельства древнихъ писателей о широкомъ распространеніи этого обычая какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, какъ въ наши дни, такъ и сотни, и тысячи лѣтъ назадъ.—У Абиноновъ, Караиновъ и всѣхъ вообще туземныхъ племенъ южной Америки существованіе его засвидѣтельствовано еще миссіонерами XVII и XVIII вѣка. Новѣйшіе путешественники нашли однохарактерные обряды на западномъ берегу Африки, на Молукскихъ островахъ, у нѣкоторыхъ не-арійскихъ племенъ Индіи, на Малабарскомъ берегу, въ окрестностяхъ Мадраса. Восточная Азія, повидимому, издавна была ареной его широкаго господства, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще въ XIII в. Марко Поло.—Тотъ же обычай существовалъ въ древности на островахъ Корсикѣ и Кипрѣ, а также у нѣкоторыхъ народовъ (Тиверцевъ), жившихъ по берегамъ Чернаго моря ****). Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ прибавлю одно, сообщенное мнѣ профессоромъ Богишичемъ. Жители двухъ

*) Corder. La famille dans les Pyrénées. Rev. hist de droit français et étranger 1859, стр. 370. Lagrèze, Histoire du droit dans les Pyrénées.

**) Страбонъ, въ переводѣ Мищенки; кн. 3.

***) Aucassin et Nicolette; Legrand d'Aussy, Fabliaux des XII et XIII s. Paris. 1829 (Giraud-Teulon, стр. 140).

****) Эти свидѣтельства, принадлежащія перу Діодора, Плутарха и Апполлонія, приведены in extenso у Жиро-Телонъ, стр. 141.

смежныхъ селеній въ Черногоріи, имъ лично посѣщенныхъ, пересылаются доселѣ слѣдующимъ ругательствомъ: что за народъ, говорятъ одни про другихъ, у нихъ не такъ, какъ у всѣхъ: «рожаютъ не женщины, а мужчины». Не сохранилось ли въ этихъ нареканіяхъ намекъ на недавнее еще господство на восточномъ побережьи Адриатическаго моря обычая, однохарактернаго съ кувадой?— Усыновленіе новорожденнаго отцомъ является также способомъ установленія патернитета какъ у древнихъ ирландцевъ, такъ и у кельтовъ: у тѣхъ и другихъ одинаково оно принимаетъ всего чаще наипростѣйшую форму признанія новорожденнаго отцомъ, который, какъ видно изъ фактовъ, собранныхъ на этотъ счетъ Гриммомъ, какъ бы усыновляетъ его, приказывая поднять его съ земли, обрядъ, напоминающій собою порядокъ установленія фиктивнаго родства сажаніемъ пріемша на колѣни, *genuspositio*. Идея усыновленія лежитъ, несомнѣнно, въ основѣ и первоначальнаго установленія законнаго наслѣдованія дѣтей послѣ отца. Полнаго вниманія заслуживаетъ догадка Даргуна, что *adfatimire* значитъ, какъ думалъ это уже Цепфль— *anvatern*, приписать дѣтей отцу; слово *fath* въ разныхъ германскихъ языкахъ означаетъ грудь. Рипуарская же правда говоритъ объ *adfatimire*, какъ о чемъ то тождественномъ пріему въ наслѣдники (*adoptare in hereditatem vel adfatimire* говорится tit. 48 *). Въ Ирландскомъ правѣ ребенокъ до признанія его отцомъ не считается принадлежащимъ къ его роду, а къ одному лишь роду матери. Послѣдней позволяется однако искать признанія ребенка какъ отъ мужа, такъ и отъ любовника. «Ребенокъ, говоритъ одинъ изъ сводовъ, Айсиль, можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому до тѣхъ поръ, пока свѣдѣтельство людей не укажетъ ему отца».—То же право признается за матерью и законами Уэльса, требующими, чтобы въ этомъ случаѣ показанія ея были подкрѣплены соприсягою семи женщинъ одинаковаго съ нею достоинства и благородства (*digitatis et nobilitatis*). Валлійскимъ законамъ извѣстенъ, впрочемъ и другой порядокъ розысканія женщиной отца ея ребенка, носящій на себѣ всѣ признаки глубокой, дохристіанской старины,

*) Mutterrecht und Raubehe, стр. 68.

хотя новая вѣра несомнѣнно наложила на него свой отпечатокъ. «Если женщина, говорить древній кодексъ Венедотіи или С. Уэльса, пожелаетъ законнымъ образомъ приписать своего ребенка извѣстному мужчинѣ, какъ отцу, тогда ей необходимо сдѣлать слѣдующее: отправиться съ ребенкомъ въ церковь, гдѣ находится кладбище ея рода, подойти къ жертвеннику, и, положивъ правую руку на него и моши, а лѣвую на голову ребенка, поклясться прежде всего Богу какъ этимъ жертвенникомъ, такъ и мошами, а равнымъ образомъ и святымъ крещеніемъ ребенка, что никакой другой отецъ не породилъ этого ребенка въ ея утробѣ какъ такой-то мушина, который при этомъ и называется ею по имени *)».—Послѣдствіемъ признанія ребенка отцомъ одинаково въ Ирландіи и Уэльсѣ является включеніе его въ родъ послѣдняго. Признаніе производимо было отцомъ, повидимому, безъ всякаго участія родственниковъ. Но что такой порядокъ не былъ древнѣйшимъ и что ему предшествовалъ другой, допускавшій участіе со стороны всего рода въ актѣ усыновленія, слѣдуетъ изъ того, что ребенокъ, рожденный послѣ смерти отца, хотя бы и ранѣ истеченія девятимѣсячнаго срока, не приобщаемъ былъ непосредственно къ его роду (порядокъ, встрѣчаемый нами, напр., въ римскомъ правѣ и въ большинствѣ современныхъ законодательствъ), а проходилъ еще черезъ предварительный обрядъ усыновленія его всѣмъ родомъ отца. За отсутствіемъ родителя, мѣсто его въ этомъ обрядѣ занималъ глава рода. Когда родичи были въ полномъ сборѣ, ребенка приносили въ собраніе; правая рука младенца влягалась въ руки каждаго изъ родичей, при чемъ ребенокъ цѣловался съ каждымъ изъ нихъ въ знакъ родства **).—Что признаніе ребенка отцомъ или его родомъ не происходило необходимо и eo ipso каждый разъ, когда въ той или другой семьѣ оказывался новорожденный, что оно не было формальностью, а дѣйствительнымъ актомъ усыновленія, видно изъ того, что какъ за отцомъ, такъ и за родомъ обычай признавалъ не только право принять мла-

*) Все эти факты впервые были отмѣчены проф. Сокольскимъ въ монографіи, озаглавленной «Къ ученію о происхожденіи семьи и родства у кельтовъ и германцевъ», стр. 40 и 41.

**) Venedotian Code B. II. Ch XXI, 25.

денца въ свою среду, но и право отречься отъ него. Такое отреченіе не допускалось, говорить г. Сокольскій, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, лишь въ томъ случаѣ, если ребенокъ прежде публично признанъ былъ отцомъ, или если отецъ на содержаніе его давалъ деньги. Если отца не было въ живыхъ, отречься отъ ребенка могъ глава рода съ шестью родичами — соприсяжниками; если же не было на лицо и главы рода, число соприсяжниковъ должно было доходить до 21-го *)).

Итакъ патернитетъ, какъ показывается примѣръ цѣлаго ряда народностей, устанавливается не иначе, какъ искусственнымъ путемъ—путемъ усыновленія. Это не только доказываетъ сравнительно позднее его происхожденіе, но и то, что типомъ, по которому сложилось отношеніе отца къ дѣтямъ, служило несравненно ранѣе его возникшее отношеніе къ нимъ матери и что въ основѣ отеческой власти лежитъ не иное что, какъ фикція, въ силу которой сожитель женщины признается, какъ мы видѣли, родильницей происходящихъ отъ союза дѣтей и, какъ вторая, такъ сказать, мать, пріобрѣтаетъ право включить ихъ въ свой родъ, что въ свою очередь приводитъ къ установленію постоянной связи ребенка съ родомъ отца, иначе говоря, съ агнатами.

Последній шагъ въ процессѣ развитія патернитета составляетъ установленіе того правила, что всѣ прижитыя женою дѣти, кто бы ни былъ дѣйствительный виновникъ ихъ рожденія, подлежатъ родительской власти ея мужа. Источникомъ последней является, очевидно, не иное что, какъ власть его надъ женщиной. Купленная жена принадлежитъ мужу вмѣстѣ съ ея приплодомъ. Въ грубой формѣ такое начало выступаетъ доселѣ въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, у которыхъ, какъ, напр., у осетинъ, не перешедшихъ еще въ христіанство или слабо проникнутыхъ его ученіемъ, мужа сплошь и рядомъ сеужаютъ своихъ, если не главныхъ, то второстепенныхъ или такъ называемыхъ именныхъ женъ (номудусъ) съ тѣмъ, чтобы прижитые ими дѣти (кадвасарды) считались дѣтьми мужа и поступали въ его семью, увеличивая въ ней число работниковъ.

*) Ibid, стр. 42.

Наряду съ экономическими причинами, религиозныя также въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ упроченію такого порядка. Культъ предковъ, въ частности, вызывая постоянную заботу о наслѣдникѣ—жертвоприноситель душамъ усопшихъ предковъ, спаситель домашняго очага, какъ называютъ его греческіе источники, побуждаетъ нѣкоторые народы, и въ томъ числѣ индусовъ, позволять прелюбодѣйное сожительство жены при жизни мужа не только съ его родственникомъ, но и съ постороннимъ лицомъ. Дѣти, рожденныя въ такомъ бракѣ, извѣстномъ подъ наименованіемъ «ніога», считаются дѣтьми мужа, права котораго вытекаютъ въ данномъ случаѣ изъ власти его надъ матерью. Тотъ же религиозный мотивъ, по крайней мѣрѣ въ историческую эпоху, лежитъ въ основѣ и тѣхъ родственныхъ отношеній, которыя порождаются такъ наз. левиратомъ. Послѣдній извѣстенъ одинаково какъ Индусамъ, такъ и Евреямъ. Въ вымирающемъ видѣ мы встрѣчаемъ его и у древнихъ Афинянъ; широкимъ признаніемъ пользуется онъ и доселѣ у арійскихъ племенъ Кавказа и Закавказья; въ частности у Осетинъ, и родственниковъ Курдамъ Езидовъ *)

Примѣры его господства у цѣлаго ряда народностей стараго и новаго материка, а также и у народовъ древняго міра, слишкомъ часто приводимы были этнографами, чтобы являлась необходимость повторять ихъ здѣсь **)

Левиратъ носить далеко не одинаковый характеръ у всѣхъ тѣхъ народовъ, въ бытѣ которыхъ онъ удержался. Изъ арійскихъ племенъ одни только Индусы знаютъ его, какъ сожительство жены съ деверемъ при жизни мужа, и то лишь несопсобнаго къ дѣтороженію. Въ Греціи и у Евреевъ, а также и у названныхъ нами племенъ Кавказа, деверство допускается только въ случаѣ бездѣтной смерти мужа, и то лишь до момента роженія ребенка; но всюду, гдѣ только встрѣчается этотъ институтъ, отцомъ ребенка по закону или обычаю одинаково считается не дѣйствительный виновникъ его жизни, а то лицо, въ чьей власти состоитъ мать, другими словами, ея мужъ ***).

*) См. Егіазарова. «Краткій очеркъ Езидовъ Эриванской губ.(Труды С. А. Егіазарова», стр. 220).

**) См. сочиненія Giraud Teulon. Post'a Mac Lenana' и другихъ.

***) Больше обстоятельное развитіе той же мысли читатель найдетъ въ

Разсмотрѣныя нами отношенія какъ нельзя лучше иллюстрируютъ ту мысль, что въ законодательствѣ многихъ народовъ права отца приобрѣтаются властью надъ матерью, не однимъ лишь дѣйствительнымъ участіемъ въ актѣ рожденія. Классическое выраженіе это послѣднее начало получило, какъ извѣстно, въ римскомъ правѣ. *Pater est quem nuptiae demonstrant*, учатъ римскіе юристы. — Широкое распространеніе такого взгляда даетъ однако право утверждать, что съ самаго момента возникновенія патернитета, мужъ безразлично признавался отцомъ, хотя бы дѣти и прижиты были его женою на сторонѣ? Ирландское право убѣждаетъ насъ въ томъ, что такой порядокъ не былъ извѣстенъ, въ древнѣйшую по крайней мѣрѣ эпоху, и что мужъ обязанъ былъ уступить свои права дѣйствительному отцу, разъ послѣднему удавалось установить съ помощью свидѣтелей или суда Божія фактъ происхожденія отъ него ребенка или приобрѣсть покупкою у мужа право считаться отцомъ рожденныхъ имъ дѣтей: «рогоносцу, говоритъ одинъ изъ сводовъ, принадлежить его презумптивный сынъ до тѣхъ лишь поръ, пока онъ не будетъ у него купленъ настоящимъ отцомъ; т. е. до толѣ, пока за него не будетъ заплачена сумма, равняющаяся его вирѣ и пенѣ за оскорбленіе: сверхъ того должны быть возмѣщены вполнѣ затраты на вскормленіе и все то, что заплачено было презумптивнымъ отцомъ за совершенныя его мнимымъ сыномъ правонарушенія» *).

Но значить ли это, что различіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей и устраненіе послѣднихъ отъ наслѣдованія было извѣстно съ древнѣйшихъ временъ? — Да и нѣтъ, отвѣтимъ мы одновременно. — Да, такъ какъ до признанія ихъ отцомъ или любовникомъ они принадлежали къ одному лишь роду матери; нѣтъ, такъ какъ включеніе ихъ въ родъ послѣдней открывало имъ доступъ къ наслѣдованію, признаніе же отцомъ вполнѣ уравнивало съ прочими дѣтьми.

Переходъ отъ древнѣйшаго порядка, по которому отцомъ считается дѣйствительный родитель, къ позднѣйшему, по которому

статья, напечатанной мною въ Юрид. Вѣст., озаглавленной: Архаическія черты въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ Осетинъ, 1885 Июнь—Іюль.

*) *Ans. L. of Ir.* т. III, стр. 311.

имъ однообразно признается мужъ матери, можетъ быть отмѣченъ отчасти уже въ древнемъ правѣ Ирландіи, въ томъ фактѣ, что пока любовникъ не предъявитъ своихъ правъ, рожденные имъ дѣти считаются дѣтьми мужа. На этомъ примѣрѣ мы убѣждаемся въ томъ, что признаніе правъ мужа на всѣхъ рожденныхъ его женой дѣтей является продуктомъ позднѣйшаго развитія патернитета. Установленіемъ правила *pater est quasi iurtae demonstrant* не начинается, а завершается, слѣдовательно, процессъ развитія отеческой власти, а чрезъ ее посредство и агнатическаго родства.

Признаніе патернитета не повело за собою немедленнаго устраненія всѣхъ тѣхъ явленій, какія вызваны были къ жизни безграничнымъ господствомъ на первыхъ порахъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ отношеній. Вотъ почему и въ агнатическихъ родахъ, каковы были тѣ, которыми жили германцы во времена Тацита, еще наглядно выступаютъ нѣкоторыя черты замѣненныхъ ими когнатическихъ. Этимъ только соображеніемъ объясняется въ нашихъ глазахъ та тѣсная родственная связь, которая, по словамъ римскаго анналиста, продолжаетъ соединять дѣтей сестры съ ихъ дядями и которую нѣкоторые, говоритъ онъ, считаютъ даже болѣе священной, чѣмъ связь дѣтей съ отцомъ *). Въ немъ же, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть ключъ къ объясненію причины, по которой родственники жены, какъ видно и изъ трактатовъ Брегоновъ, и изъ постановленій Салической Правды о такъ называемой *chrenescuda* **), и изъ англо-саксонскихъ законовъ, не перестаютъ участвовать въ платежѣ виры или композиціи ***), — фактъ, котораго, очевидно, никакъ не ожидаешь встрѣтить въ обществѣ, живущемъ агнатическими родами. И такъ, слѣды материнскаго рода продолжаютъ держаться бокомъ объ бокомъ и, повидимому, вопреки развивающемуся агнатическому родству и на-

*) *Sorum filiis idem apud avunculum, quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem... hunc nexum sanguinis arbitrantur. (Germania, c. 20).*

**) *Quod si iam pater et fratres solserunt, tunc super suos debet illa terra iactare, id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris qui proximiores sunt (Hessel-Kern. Lex Salica).*

***) *Anglo-saxon family law* въ *Essays on anglo-saxon law.*

правленному одинаково противъ обоихъ новому государственному началу, конечнымъ торжествомъ котораго объясняется совершенное исчезновеніе всякой общественной организаціи, исключительно построенной на кровномъ родствѣ. Удивительно ли послѣ этого, если въ чистомъ видѣ агнатическій родъ, подобно когнатическому, встрѣчается лишь у весьма небольшого числа народностей, застывшихъ, такъ сказать, въ своемъ развитіи, и если переживанія одного порядка родственныхъ отношеній въ другомъ являются общимъ правиломъ.

Этими соображеніями мы заканчиваемъ тотъ отдѣлъ нашего опыта, который посвященъ изученію характерныхъ чертъ родовой организаціи, источника ихъ происхожденія и послѣдующаго развитія.

Оглавление.

	стр.
I. Родовой бытъ въ настоящемъ	1
II. Родовой бытъ въ прошедшемъ	44
III. Материнскій родъ	90
IV. Происхожденіе патернитета и агнатическаго родства.	150
